

Л.И. КУЗЕВАНОВ

**МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ:
АКАДЕМИЗМ И ПОСТМОДЕРНИЗМ**

Монография

2-е изд., доп.

Москва
2014

ББК 63

К-89

Кузеванов Л.И.

Методология истории: академизм и постмодернизм: моногр.
/Л.И. Кузеванов. - 2-е изд., доп. - М.: НЭИ «Российская
историография», 2014. - 263 с.

В монографии кандидата исторических наук, доцента Л.И. Кузеванова дается трактовка одной из возможных парадигм исторического познания, рассматривается влияние постмодернизма на результаты исторических исследований.

©Кузеванов Леонид Иванович, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
1. Основные черты академического познания.....	10
1.1. Трактовка понятия «истина».....	10
1.2. Академические знание и роль теории.....	12
1.3. Существенные факты и историзм.....	22
2. Академическая парадигма исторического познания.....	28
2.1. Объект и предмет академической истории.....	28
2.2. Исторический факт и историческое время.....	32
2.3. Исторический источник, историческая реальность и методы ее исследования.....	37
2.4. Академическое историческое знание.....	45
3. Постмодернистское «конструирование» прошлого.....	51
3.1. Основные черты постмодернизма.....	51
3.2. Ложные аналогии, «историческая проза» и подмена гипотезы необоснованной догадкой	58
3.3. Абсолютизация локального, единичного.....	63
3.4. Подмена исследовательских тем и отождествление последовательности исторических событий с их причинностью.....	77
3.5. «Конструирование» фактов-связей и подмена понятия «исторический источник» термином «текст».....	101
3.6. Подмена принципа историзма принципом «самоорганизации».....	107
3.7. Политизированное «конструирование» прошлого.....	152

Заключение.....	168
Библиография.....	176
Именной указатель.....	197
Примечания.....	203

Введение

Современное российское сообщество профессиональных историков нуждается в выработке новых познавательных парадигм. Необходимость в подобного рода теоретических разработках вызвана, прежде всего, широким распространением в современной России идеалистических¹ методологий познания, ориентирующих ученых на бесплодные поиски и создающих дополнительные трудности в исследовательской деятельности².

Так, В.В.Миронов во вступительной статье к «Словарю философских терминов», изданному к 250-летию МГУ им. М.В. Ломоносова, пишет, что «философ ищет в тексте новые смыслы, более того, он вправе допустить такую интерпретацию (крамольную лишь с позиции историка философии), которая может *даже исказить изначальный смысл текста*, так как его значение сопрягается с личной рефлексией философа над сегодняшним бытием»³.

Вероятно, цель подобных утверждений - убедить исследователей в том, что автор текста как бы «умирает, чтобы дать родиться читателю», а «лучшей интерпретацией текста является свой собственный текст по поводу ассоциаций, которые пришли в голову в связи с текстом...»⁴

И.М.Савельева и А.В.Полетаев активно пропагандируют ошибочную концепцию истории, суть

которой в том, что «социальная реальность не существует вне представлений о ней»⁵.

Таким образом, возникает *проблема*, суть которой можно свести к следующему:

в последние десятилетия среди российских историков получили широкое распространение идеалистические, главным образом, постмодернистские⁶ методологии, использование которых, в свою очередь, ведет к появлению нового иллюзорного исторического знания⁷.

Вопрос первый: каково должно быть содержание современной парадигмы⁸ исторического познания, которое нацеливало бы исследователей на реконструкцию реально происходивших исторических событий и процессов?

Вопрос второй: каким образом сказывается влияние постмодернистских методологий на результатах современных⁹ исторических исследований?

За основу первой гипотезы было взято следующее утверждение:

одной из возможных парадигм современного исторического познания может быть *академизм*, в самом общем плане понимаемый как комплекс основных теоретико-методологических представлений о том, каким должно быть современное профессиональное историческое исследование, разработанных с учетом достижений отечественной, в том числе и советской, исторической науки¹⁰.

Содержание второй гипотезы: использование постмодернистских методологий в 90-е годы XX-нач. XXI вв. вызвало к жизни и *соответствующие* приемы производства нового иллюзорного исторического знания.

Сформулированные проблема и гипотезы позволяют поставить цель и задачи данного исследования.

Цель – определить содержание одной из возможных парадигм современного исторического познания и на ее основе проанализировать влияние постмодернистских методологий на формирование исторического знания в указанный выше период.

Задачи:

- на основе изучения ряда методолого-историографических источников вычленить основные черты познания объективной реальности;
- уточнить своеобразие исторического познания;
- определить содержание новой парадигмы исторического познания;
- изучить влияние постмодернистских методологий на содержание современного исторического знания (90-е годы XX – нач. XXI в.);
- выявить постмодернистские приемы производства нового иллюзорного исторического знания.

Объект данного исследования: процесс познания исторической реальности.

Предметы исследования: содержание *парадигмы* исторического познания; основные черты нового иллюзорного исторического *знания*, выработанного в 90-е годы XX – нач. XXI в; постмодернистские приемы, с помощью которых это знание было создано.

Новизна данного труда заключается в том, что впервые в литературе предпринята попытка создания новой парадигмы исторического познания, которая в свернутом виде может быть обозначена как «академизм».

Впервые в познавательный оборот вводятся такие понятия, как «академическое историческое знание-мнение», «академическое доказанное историческое знание», «академическая историческая реконструкция»; дана авторская интерпретация предмета академической истории.

В качестве методолого-историографических источников - для определения отличительных черт познания объективной реальности, своеобразия исторического исследования - использовался ряд отечественных и зарубежных работ.

В целях выявления основных характеристик современного исторического знания изучались труды, главным образом, по истории российской провинции. Для выяснения достоверности сообщаемого

мой в исторических трудах информации подвергались анализу необходимые архивные материалы.

Учитывая масштабность избранной темы, автор ограничился изложением результатов исследования в форме историографических очерков, надеясь, прежде всего, привлечь внимание широкого круга профессиональных историков и методологов к проблемам выработки новых парадигм исторического познания, влияния идеалистических методологий познания на результаты исторических исследований.

I. Основные черты академического познания

Исследовательская деятельность современных российских профессиональных историков и методологов основывается на безусловном признании реальности, существующей независимо от человека.

Так, О.М. Медушевская в своем итоговом труде «Теория и методология когнитивной истории» подчеркивала «единство мирового целого» и «единство научного знания об *объективной реальности*»¹¹. Б.Г. Могильницкий в книге «История исторической мысли XX века» характеризует историю как науку, «способную раскрывать на своем материале причинно-следственные связи *объективной действительности*»¹². В.С.Степин в монографии «Теоретическое знание» констатирует, что наука ориентирована на изучение «*объектов реального мира*»¹³.

1.1. Трактовка понятия «истина»

Сложнее обстоит ситуация с толкованием понятия «истина». И.Д.Ковальченко, например, считал, что изучение действительности «*направлено на получение истинных знаний*»¹⁴. Но сама по себе эта «направленность» отнюдь не гарантирует достижение искомого знания.

Термин «истина» в общепринятом смысле означает «адекватное (т.е. «вполне соответствующее, совпадающее, тождественное»¹⁵) отображение в

сознании воспринимающего того, что существует объективно»¹⁶. Однако практика исследований показывает, что «совпадающее» отражение объективной реальности невозможно¹⁷.

П.В.Копнин, подводя итоги многолетним дискуссиям о природе «истинного» знания, обоснованно утверждал, что «в реальном процессе познания нет истины в чистом виде», истина «в чистом виде существует только в абстракции». «Абсолютную истину в последней инстанции», «вечные истины» данный исследователь характеризовал как «химеры», погоня за которыми может привести «к величайшим заблуждениям»¹⁸.

Современные исследователи К.А.Зуев и Е.А. Кротков вообще исключают конструкт «истина» из ряда «научных обобщающих понятий»¹⁹.

То есть новые знания, получаемые учеными об объектах реального мира, отличаются незавершенностью, приблизительностью. В связи с этим, с неизбежностью напрашивается вывод о том, что в общепринятом смысле понятие «истина» («совпадающее» отображение объектов действительности) не является «работающим» в рамках реального исследования²⁰.

Однако в ряде современных трудов (по сложившейся традиции²¹) говорится о возможности получения «точного», «истинно строгого» знания²², а «достижение объективной истины» провозглашается «главной задачей всех наук»²³. Н.И.

Смоленский утверждает, что «познание в любом его виде должно быть истинным, без этого оно не может быть научным», а «цель любой науки – достижение истины». «Объективность, - по его мнению, - «значит научность, истинность»²⁴.

Но так ли все просто обстоит в реальной исследовательской практике? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно проследить траекторию движения нового знания с момента его получения ученым и до признания его «научным» («истинным», «объективным»).

1.2. Академическое знание и роль теории

Получив новое знание, исследователь самостоятельно не может присвоить ему статус «научного». В его силах лишь закрепить приоритет путем публикации результатов своих изысканий. После этого новое знание становится фактом историографии²⁵. Для того, чтобы получить статус «научного», новое знание должно пройти процедуру проверки на достоверность *в рамках действующего экспертного («научного») сообщества*.

Существует довольно много форм такой проверки: защита диссертации в специализированном ученом совете на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук, одобрение (или критика) результатов исследования в профессионально направленной печати, на различного рода форумах ученых, получение премий и грантов за проведенные исследования и т.п.

В конце концов, новое знание может быть признано соответствующим критериям «научности», принятым в данном экспертном сообществе, или отвергнуто, если эксперты обнаруживают явные изъяны в проведенном исследовании (например, недостаточное знание литературы по изучаемой проблеме, отсутствие существенной новизны и т.п.).

Однако нужно особо оговориться, что в случае признания нового знания «научным» (и присуждения исследователю, например, какой-либо ученой степени), это вовсе не означает, что выведено знание, которое *адекватно* отражает те или иные процессы, протекающие (или протекавшие) в объективной реальности. Нет, речь идет все о том же незавершенном, приблизительном знании, которое нуждается в постоянном совершенствовании.

Экспертные же сообщества не могут выдавать вердикт на «точность» и «истинность» новому знанию, так как сами *исторически* ограничены в своей деятельности определенным уровнем знаний об объектах реального мира и принятой на данный момент методологией их познания.

Конечно, получаемое новое знание часто становится основой для разработок, существенно облегчающих жизнь человека (например, создание новых механизмов, материалов и веществ).

Но со временем неизбежно обнаруживаются отрицательные последствия применения приблизительного, незавершенного знания:

кризисные явления в экономике в результате использования неточных прогнозов;

обострение экологических проблем из-за слабой изученности их действительных причин;

системные изъяны в новых механизмах и т.п.

Именно в связи с этим, безбрежное использование термина «объективно-истинный» (и производного от него термина «научный») не может не дезориентировать как самих исследователей, принимающих приблизительное знание за «окончательное» и «неопровержимое», так и потребителей их продукции, вводимых в заблуждение ссылками на высокий авторитет «науки».

Автор данной монографии для обозначения нового знания, получаемого профессиональными исследователями, склонен использовать менее амбициозный термин - «академическое знание».

Такое знание, выводимое в результате использования академических процедур исследования и верификации, не претендует на *адекватное* (т.е. полное, точное) постижение объективной действительности. Оно пытается демонстрировать лишь *большую степень достоверности* по сравнению с другими видами знания о реальном мире.

До проведения процедуры верификации полученное знание имеет статус *академического зна-*

ния-мнения²⁶. Слово «академический» означает, что данное знание не является произвольным и выведено с помощью академических процедур исследования. Слово «мнение» говорит о том, что данное знание еще не прошло процедуры верификации.

Основная цель академической процедуры верификации заключается в том, чтобы ответить на вопрос - *каким образом было получено новое знание?* То есть экспертиза должна выяснить - насколько *достоверны* полученные эмпирические данные и могут ли они быть базой для формулирования теоретических выводов; насколько корректно выведена сама теория?

В связи с этим исследовательские процедуры, используемые ученым для получения нового знания, должны быть максимально «прозрачными», открытыми для проверки. Эксперт должен иметь возможность пройти примерно тот же путь (или его существенную часть) к получению нового знания, что и сам исследователь²⁷. В противном случае данному знанию может быть отказано даже в статусе академического знания-мнения.

После успешной верификации академическое знание-мнение получает статус знания «доказанного», но только в рамках действующего профессионального экспертного сообщества и в соответствии с его критериями достоверности. *В этом смысле познание фрагментов объективной реаль-*

ности является процессом получения, роста и уточнения доказанного академического знания.

Подобное определение познания фрагментов реального мира,

во-первых, надежно отделяет этот тип познания от обыденного и эзотерического,

во-вторых, развеивает иллюзии о возможности получения «научного» («истинного») знания, понимаемого как полное, точное знание об объективной реальности,

в-третьих, как уже отмечалось выше, ориентирует ученых на необходимость *постоянного уточнения-доказывания* достигнутого уровня достоверности полученного знания, систематического совершенствования самих критериев достоверности в рамках действующих профессиональных экспертных сообществ.

Данное определение познания ничего общего не имеет с т.н. «эпистемологическим релятивизмом», предполагающим *равноправие и равноценность всех точек зрения и теорий*²⁸.

Напротив, академической исследовательской деятельности присущи *скептицизм и критицизм*, обусловленные постоянным стремлением ученых к получению более точного знания о том или ином фрагменте объективной реальности.

С помощью системы абстракций создается специфический *академический язык*, позволяющий

формулировать теоретические положения и осуществлять необходимые рассуждения.

Но при этом важно не преувеличивать роли знаковых систем, хотя такой соблазн постоянно возникает в виду все той же приблизительности получаемых знаний, отсутствия «окончательных» критериев проверки на «истинность».

Познание невозможно без знаков, которые являются материальными носителями информации, однако *знак* лишь средство познания²⁹. Информация, которая закреплена в знаке, составляет его значение. Знак и значение неотделимы: нет знака без значения, но не может существовать и значение, которое не закреплено знаком.

Вместе с тем, нельзя забывать о другом предмете - отображаемом объекте, который обозначается знаком. Значение выступает приблизительным отражением объективно существующего предмета³⁰.

Все это относится *и к понятию* как к предмету познания. В этом случае, как подчеркивал М.И. Каринский, исследователь изучает его как определенное явление умственной жизни (например, со стороны его происхождения, развития, содержания и т.д.).

Но при этом «особое понятие о понятиях человека» будет опять только указывать на исследуемые явления умственной жизни, но никак не будет ими самими, не будет вмещать в себя эти явления

умственной жизни, а будет лишь характеристикой этих явлений³¹.

В противном случае в рамках логических систем и логико-языковых средств их выражения появляется реальная опасность введения *несуществующих (иллюзорных) характеристик* – структурных единиц, состояний, связей, взаимодействий, зависимостей, изменений, ложных величин³².

Эмпирические исследования сами по себе важны для познания *фрагментов* объективной реальности. Но для того, чтобы выявить *их существенные* черты необходимы теоретические обобщения, которые представляют собой знание, типизирующее и объясняющее явление «с точки зрения причинной взаимообусловленности или взаимосвязей с другими явлениями»³³.

В ходе исследования может быть создана *академическая реконструкция* того или иного фрагмента объективной реальности - интерпретация суммы полученных академических знаний, *имеющихся на данный момент*, «концептуальная среда», выступающая в качестве «работающего теоретического образования»³⁴.

Вместе с тем, нет никаких оснований преувеличивать роль теории. Любое теоретическое знание *эмпирически «недоопределено»*, в нем всегда присутствует «сверхэмпирическое содержание»³⁵. Вот почему, признавая важность и необходимость теорий для познания объективной реальности, нужно

не упускать из виду их вероятностный характер и ограниченный спектр использования³⁶.

Возникновение новых стратегий познания, как справедливо подчеркнул В.С. Степин, не отменяет *предшествующие образцы*. Они могут в модифицированном виде воспроизводиться в современном теоретическом поиске, распространяя свое влияние на определенные классы проблем и задач³⁷.

То есть прогресс академического познания возможен лишь на основе сохранения всего *положительного (т.е. не опровергнутого в ходе уточнения) содержания* преодолеваемой ступени ранее доказанного знания.

От правильного решения проблемы соотношения *объекта и предмета* познания во многом зависит выбор исследовательской проблематики и понятийного аппарата.

Объект познания³⁸ существует независимо от познающего субъекта. Кроме того, один и тот же объект может изучаться многими самостоятельными отраслями академического познания, каждая из которых обязательно имеет свой предмет, который определяет те *примерные границы, в пределах которых изучается объект*.

Выход представителей той или иной академической отрасли за пределы своего предмета *без соответствующей подготовки*, как правило, приво-

дит к снижению степени достоверности получаемых результатов, иногда - очень значительному³⁹.

Как показывает длительная практика исследований, объект и предмет исследования - неисчерпаемы. В связи с этим, утверждение А.В. Бочарова о том, что только объект исследования неисчерпаем, а предмет исследования «как раз для того и выделяется, чтобы полностью этот предмет изучить, насколько это возможно на текущем уровне развития науки и при имеющемся комплексе исторических источников»⁴⁰, на наш взгляд, ошибочно. А.В.Бочаров вступает в противоречие со своим же постулатом о возможности полного изучения предмета исследования, делая оговорку – «насколько это возможно на текущем уровне развития науки». То есть он предполагает получение *более полного знания о предмете* в будущем – уже на другом «текущем уровне развития науки», надо полагать, – более высоком.

В каждой сфере знания имеется ряд *аксиом*, которые принимаются за доказанные без установления их достоверности. Аксиомы позволяют преодолеть такое явление, которое А.Тарский назвал *бесконечным регрессом* (пытаясь объяснить смысл какого-либо выражения, исследователь по необходимости пользуется другими выражениями, объясняя же смысл этих выражений, ему приходится снова обращаться к новым выражениям и так до бесконечности)⁴¹.

Наличие в академическом знании аксиом и активное их использование в качестве инструмента познания является еще одним показателем прилизительности получаемого учеными знания.

Важными понятиями, характеризующими ряд процедур академического исследования, являются проблема, факт и гипотеза.

В исследовательской *проблеме* должно быть с возможной полнотой отграничено известное от неизвестного, определены границы знания и незнания⁴². Чтобы сформулировать проблему, исследователь должен иметь достаточно высокий уровень академического знания, включающий в себя как последние достижения в данной области, так и знание ее истории, иначе сформулированная проблема может оказаться утопичной⁴³.

Знаний ученого должно быть достаточно для постановки проблемы, но для ее решения необходимо новое знание⁴⁴. Таким образом, проблема – это суждение (или система суждений), содержащее в себе «теоретически осознанный вопрос», решение которого должно иметь существенную новизну⁴⁵.

Необходимым путем к решению проблемы является *гипотеза*. Без гипотез не обходится исследование ни в одной сфере академического познания. Выдвижение гипотезы – процедура, способствующая обобщению уже имеющихся знаний, движению к новым познавательным результатам.

По ходу реализации данной процедуры догадка «выстраивается» в некий конструкт, а фантазия заключается в границы, дозволенные той или иной методологией академического познания⁴⁶. В.Г. Виноградов обоснованно называл гипотезу «становящейся теорией»⁴⁷.

Но как происходит это становление? Исследовательская практика свидетельствует:

в начале формулируются некоторые обобщения на основе изучения литературы по исследуемой проблеме;

затем начинается процесс вызревания других, пока еще *никому кроме автора неизвестных*, обобщений, которые во многих случаях и являются гипотезами. Причем, количество и разнообразие этих конструктов может быть бесконечным.

Таким образом, гипотезу можно представить как этап «внутренней познавательной эволюции» автора по исследуемой проблеме. Представляя этот конструкт (конструкты) на всеобщее обозрение, автор тем самым раскрывает один из фрагментов своей познавательной деятельности, сознательно делая ее более прозрачной для экспертной оценки.

1.3. Существенные факты и историзм

Исследовательская деятельность концентрируется вокруг поиска, установления и интерпретации *фактов*, условно трактуемых как часть изучаемого фрагмента объективной реальности⁴⁸.

В то же время ученого интересуют прежде всего *существенные факты*, которые только и могут быть основой теоретического осмысления того или иного фрагмента реального мира. В зависимости от целей и иных особенностей исследования, выстраивается соответствующая *иерархия существенных фактов*.

Обычно рост теоретического знания некоторые ученые представляют как процесс «простого обобщения» «опытных», «первичных» фактов («фактов-кирпичиков»). Но при этом они забывают о том, что на протяжении всего исследования активно используются теоретические понятия и структуры, созданные в других теориях⁴⁹. Очевидно, что и отбор существенных фактов может происходить только на какой-то уже имеющейся теоретической основе.

Этот вывод полностью относится и к *эксперименту* - одному из методов выявления существенных фактов, проверки достоверности той или иной теории. Как справедливо считал П.В.Копнин, «сами экспериментальные данные не являются чистым фактом, который нужно только констатировать, они несут в себе определенную интерпретацию». Физик не говорит «Я видел, что стрелка измерительного прибора стала на цифре 100», ибо такое утверждение по существу не является экспериментальным фактом. Он говорит об экспериментальной проверке температуры тела, в резуль-

тате которой было установлено, что она равна 100 градусам. А это уже факт, в котором нашли свое место предшествующие теоретические представления о температуре тел, способе измерений, различных шкалах измерения температур»⁵⁰.

В естествознании (также как и в любой другой отрасли академического познания) в процессе установления существенных фактов велика доля *опосредованного наблюдения*. Например, в физике элементарных частиц наблюдение осуществляется не непосредственно, а через показания приборов⁵¹. По поводу исследования мира микроскопических явлений Б.Рассел писал следующее: «мы должны распрощаться со всякими наглядными изображениями того, что происходит в атоме, и должны оставить попытки сказать, что представляет собой энергия. Мы должны сказать просто: имеется нечто количественно измеримое, чему мы даем название «энергия»...»⁵²

В связи с этим, в методологии естествознания постепенно утвердилось мнение о том, что практически невозможно создать «теоретически нейтральный язык наблюдений», что, в свою очередь, создает «трудности для реконструкции процедуры экспериментальной проверки теории как независимой (от проверяемой теории)»⁵³.

Все это позволило Е.А.Мамчур прийти к выводу о том, что естествознание «субъективно» и не обеспечивает «объектного описания действитель-

ности», хотя оно, как «в добрые старые времена, остается верным *идеалу* объективности»⁵⁴.

Одним из способов поиска и теоретического обобщения существенных фактов является исторический подход (принцип историзма), который предполагает:

вычленение этапов в развитии изучаемого явления;

познание взаимосвязи структурных элементов каждого отдельного этапа, установление сходства и различия между ними;

обнаружение механизма дальнейших изменений, преемственности в историческом развитии;

изучение предметов и явлений действительности в их конкретных связях и отношениях⁵⁵.

Следование принципу историзма позволяет обнаруживать существенные факты, характеризующие то неповторимое, что содержится в том или ином фрагменте объективной реальности.

Причем, говоря о неповторимых чертах объективной реальности, нужно констатировать, что они наблюдаются не только в истории общества, но и в процессах исторического развития природы – истории жизни на Земле, истории Вселенной⁵⁶.

Широкое применение принципа историзма в практике академических исследований особенно актуально на современном этапе - этапе т.н. «четвертой глобальной научной революции». Так, если ранее⁵⁷ сторонники бытования законов природы

считали, что последние «существуют постоянно и носят вневременной характер», то согласно современным представлениям - о физических законах нельзя рассуждать «вне времени», о них можно говорить лишь «на определенных этапах развивающейся Вселенной»⁵⁸.

В космологию «вошли представления о происхождении и возрасте Вселенной», ее развивающемся, эволюционирующем характере, появилось даже понятие - «стрела времени»⁵⁹.

В свою очередь, идеи и принципы, получившие развитие в естественнонаучном знании, начинают постепенно осмысливаться в гуманитарном познании – идеи необратимости, многообразии возможных линий развития и др.⁶⁰

Выводы. Итак, академическое познание основано на признании существования *объективной реальности* и охватывает лишь ее фрагменты.

В процессе академического познания происходит:

поиск, установление, интерпретация, главным образом, существенных фактов. Иерархия подобных фактов выстраивается в зависимости от целей и иной специфики конкретного исследования. Выявленные существенные факты, важные для той или иной отрасли академического знания сами по себе, могут быть исходным основанием для теоретического осмысления определенного фрагмента объективной реальности;

получение академического знания двух видов: академическое знание-мнение и доказанное академическое знание;

постоянный рост и уточнение доказанного академического знания;

сохранение положительного (т.е. не опровергнутого в ходе уточнения) содержания преодолеваемой ступени доказанного академического знания.

Среди основных процедур академического познания можно выделить следующие:

историографический анализ изучаемой проблемы;

обоснование проблемы и гипотезы, объекта и предмета, цели и задач;

наблюдение (непосредственное, опосредованное) и эксперимент;

академическая реконструкция фрагмента объективной реальности;

авторская верификация полученных исследовательских результатов на основе критериев достоверности, выработанных каким-либо действующим сообществом профессиональных экспертов или самим исследователем.

2. Академическая парадигма исторического познания

Современная методология науки понятие парадигмы использует для обозначения «системы предписаний и правил познавательной деятельности, или моделей научного исследования». Парадигмы «задают способ видения предметной области исторического исследования, определяют выбор его методологических ориентиров и формулируют основные правила познавательной деятельности в историческом исследовании»⁶¹.

Содержание парадигмы исторического познания во многом зависит от того, как исследователь интерпретирует такие ключевые понятия, как «объект» и «предмет» истории, «исторический факт», «исторический источник», «историческое время», «методы исторического исследования», «историческое знание», «историческая реальность».

2.1. Объект и предмет академической истории

В трактовке О.М. Медушевской «история есть знание о человеке, его деяниях и событиях, с которыми эта деятельность каким-либо образом связана»⁶². Объектом истории, по ее мнению, является весь человеческий род, «от его начала до современности, в его эволюционном и глобальном единстве»⁶³.

Однако О.М. Медушевская не останавливается на этом и вводит в познавательный оборот еще одно понятие – «эмпирический объект» исторической науки. В ее понимании - это «совокупность созданных человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности»⁶⁴.

В.С.Шмаков объектом истории считал «историческую реальность», не детализируя содержания этого термина⁶⁵. Не раскрыв содержание понятия «объект истории» он, однако, пишет о дихотомии «объект познания и объект деятельности». В трактовке данного автора изучение исторических источников не может быть объектом познания, а только «объектом деятельности»⁶⁶. Несостоятельность подобного утверждения очевидна, т.к. познание также является деятельностью.

По мнению И.Д. Ковальченко, объектом истории является «вся совокупность явлений *общественной* жизни на протяжении всей истории общества»⁶⁷. На наш взгляд, такое определение неоправданно сужает объект академической истории лишь до внутренней истории человеческого *общества*.

Вышеназванные ученые, определяя содержание объекта академической истории, не учитывают наличие очень важного в истории человечества фактора - *природного*. В.О.Ключевский обоснованно считал, что «природа страны» - одна из «основных сил», которая «строит людское общежи-

тие»⁶⁸. В связи с этим, объектом академической истории является человечество, исторически развивающееся *и взаимодействующее с природой*.

О.М. Медушевская, опираясь, главным образом, на определение объекта истории только как «совокупности созданных человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности»⁶⁹, приходит к спорной, на наш взгляд, формулировке *предмета истории*.

В ее понимании - это «человеческое мышление как особый феномен, который не дан непосредственно, о котором можно лишь догадываться и к тайне которого – более или менее приближаться»⁷⁰. В такой трактовке история – всего лишь «история человеческого мышления (когнитивная история)»⁷¹. Таким образом, О.М. Медушевская неправомерно отождествляет: «эмпирический объект» и предмет истории, а историю в целом - только с одним из ее направлений - когнитивной историей.

Предмет истории В.С.Шмаков сводит к «конкретной истории общественного развития, законам возникновения и функционирования общества»⁷². При этом ученый не раскрывает содержания дефиниции «конкретная история общественного развития» и не обосновывает самой необходимости изучения академической историей упоминаемых выше «законов».

Более того, данный автор, не раскрыв предмета истории, предлагает включить в его содержание «предметы, исследуемые социологией, политической экономией, социальной психологией, антропологией и др.», мотивируя это предложение взаимовлиянием наук об обществе. Однако подобное взаимовлияние отнюдь *не предполагает обязательного слияния исследуемых предметов*.

В монографии «Очерки методологии истории» Е.М.Жуков, ничего не сообщая об объекте истории, ее предмет охарактеризовал следующим образом: «История – наука, которая раскрывает многообразие форм движения общества, наука, позволяющая разобраться в сложных путях, которые проходит человечество в своем развитии»⁷³. Данное определение слишком абстрактно и не раскрывает специфики содержания предмета истории.

И.Д. Ковальченко считал предметом истории «раскрытие человеческой деятельности как естественнoисторического, *поступательно-прогрессивного, внутренне обусловленного и закономерного процесса* во всем его многообразии, пространственной и временной конкретности».

То есть данный исследователь фактически писал не о *предмете* исследования, а о неких *результатах* исследования, причем заранее заданных и сконструированных. Например, на чем основано

утверждение о «поступательно-прогрессивном» процессе исторического развития?⁷⁴

Классик отечественной исторической науки С.Ф.Платонов не без основания считал, что «история... есть наука, изучающая конкретные факты в условиях... времени и места...»⁷⁵

Но что означают понятия «исторический факт» и «историческое время»?

2.2. Исторический факт и историческое время

А.П. Пронштейн и И.Н. Данилевский выделяли три категории исторических фактов: объективно существующие факты действительности, находящиеся в определенных пространственно-временных рамках и обладающие материальностью (исторические события, явления и процессы как таковые); факты, отраженные в источниках, информация о событии; «научные факты», добытые и описанные историком.

«Научные факты», по их мнению⁷⁶, - это уже не само событие, а отражение его в специфической форме – в форме «доказанного знания», которое отражает «конкретный ход развития человеческого общества как закономерный процесс»⁷⁷.

Но ведь факты, отраженные в источниках, также уже «не само событие». И почему развития человеческого общества – это обязательно «закономерный процесс»?

Рассуждая о научных фактах, данные авторы, используя марксистско-ленинскую риторику, считали, что *они* отражают как «абсолютную», так и «относительную» истины.

М.А.Варшавчик такое триединое понимание исторического факта попытался изобразить в виде схемы: факт-событие, факт-источник, факт-знание⁷⁸. Причем, понятие «факт-источник» он трактовал как информацию, извлеченную из источника.

В интерпретации М.А.Барга понятие «исторический факт» имеет несколько значений.

Первое значение - исторический факт, как фрагмент исторической действительности, имеющий «хронологическую завершенность и онтологическую неисчерпаемость».

Второе значение - «сообщение источника»; третье - «научно-исторический факт» - в его «познавательной незавершенности, в содержательной изменчивости, кумулятивности, способности к бесконечному обогащению и развитию» вместе с развитием самой «исторической науки»⁷⁹.

Рассуждая о сравнительной ограниченности информации, содержащейся в исторических источниках, данный методолог «факты-границы» («связи») квалифицировал как еще одну разновидность исторического факта. Именно в выявлении «новых, ранее неизвестных сторон, связей, сцеплений, переходов», число которых бесконечно, он

видел возможность дальнейшего прогресса исторического познания⁸⁰.

Чтобы более определенно представить то, о чем писал исследователь, нужно обратить внимание на формы связей, проявляющихся в исторической действительности, а именно: следование во времени, часть и целое, подчинение и соподчинение и т.д.⁸¹

Вместе с тем, М.А.Барг, противореча самому себе, считал возможным выведение «точных, бесспорно доказанных, научно установленных фактов», «объективно-истинного исторического знания»⁸². Но тогда как быть с «онтологической неисчерпаемостью» и «познавательной незавершенностью» фактов?

А.И. Зевелев исследовал природу *историографического* факта. Таковым он считал факт, несущий информацию об исторических знаниях, используемых для выявления «закономерностей» развития истории исторического познания⁸³.

Для целей нашего исследования важно подчеркнуть, что историографические факты в собственно историческом исследовании (не смешивать с исследованием собственно историографическим) олицетворяют то, что в логике познания определяется как «теоретическая обусловленность факта».

То есть факты-события (факты действительности), факты-связи, факты-информации о событии (факты-информации) могут изучаться только в

единстве с историографическими фактами, в содержании которых присутствуют и методологический компонент (например, теоретические положения и выводы, сформулированные в результате обобщения историографических материалов⁸⁴).

В этом случае можно говорить о *методологической обусловленности* исторических фактов. Вот почему в реальном историческом исследовании историографические факты («историография проблемы»), как правило, изучаются в первую очередь.

Кроме того, в каждом историческом исследовании должна быть выстроена *иерархия существенных исторических фактов*, на основе которых формулируются теоретические обобщения. Данная иерархия не может быть универсальной. Многое зависит, например, от *территориальных рамок и целей исследования*. Так, например, в локально-историческом исследовании будет иная иерархия существенных фактов, нежели в исследовании общенациональном.

Кроме того, в выстраивании иерархии существенных фактов большое значение имеет характер и объем имеющейся в распоряжении историка совокупности исторических источников.

Таким образом, существенные исторические факты, по сути, являются *основными единицами академического исторического знания*.

Традиционно *понятие «время»* интересует историков, главным образом, «в плане определения хронологической последовательности возникновения и чередования эмпирических событий и явлений действительности».

Сложнее рассуждать на эту тему, когда речь идет об исторических *процессах*. Применение к ним таких единиц времени, как год, месяц, день в ряде случаев затруднительно (например, при решении вопроса о сущности процесса появления машины из орудия труда)⁸⁵.

Но это не означает, что события подобного рода невозможно подвести под «хронологическую последовательность». Можно, но при этом характеристики будут более обтекаемыми (как, например, в случае определения примерной даты появления человека на Земле).

М.А. Барг считал, что каждому историческому типу общественных отношений присущи «только ему свойственные длительность, интенсивность (ритм), периодичность» «процесса социального «опредмечивания» времени»⁸⁶.

Если календарное время непрерывно, течет равномерно, ритмично, то социально-историческое время, по его мнению, течет прерывно, аритмично и даже может повернуть «вспять»⁸⁷.

В этих утверждениях методолога прослеживается ошибочное стремление представить *историческое* время как *само по себе* существующее явление

ние. На самом деле, историческое время это лишь категория академической истории, введенная для обозначения *необратимой*, последовательной смены исторических событий (событийные ряды).

Именно эти ряды историки и пытаются каким-то образом измерить, вводя, например, такие понятия как «период», «эпоха», или изобретая различные «типы времени»: «календарное», «социально-историческое» и т.д.

Эта условность, например, четко прослеживается в разной интерпретации исторических фактов, в зависимости от цели, поставленной историком. Например, название периода в отечественной истории - «Древняя Русь» - правомерно лишь в рамках «социально-исторического времени». Если рассматривать этот же период в поле «календарного времени», то его придется называть «Средневековая Русь».

Условностью является и понятие «*историографическое время*», в рамках которого историки фиксируют выход в свет исторических и историографических трудов, этапы борьбы различных историографических школ и концепций, периоды активизации и «затухания» научных дискуссий.

2.3. Исторический источник, историческая реальность и методы ее исследования

М.А.Барг характеризовал исторические источники, как непрерывную серию разноплановых снимков, на которых зафиксирована «громкая,

практически неисчерпаемая (хотя и фрагментарная) информация о различных сторонах функционирования и развития данного общества»⁸⁸.

Л.Н. Пушкарев показал, что непосредственность отражения источником реальной исторической действительности относительна: между явлением и его отражением находится создатель источника со своей интерпретацией событий⁸⁹.

О.М. Медушевская, косвенно полемизируя со сторонниками понимания исторического источника только как текста, отмечала, что «обмен информацией *через вещи* является общечеловеческой познавательной ситуацией. Этот тип информационного обмена и в письменную и в любую последующую эпоху в равной мере остается базовым»⁹⁰.

В соответствие с идеями А.С. Лаппо-Данилевского, творчески используемыми в наше время, исследователя должны интересовать не только факты, которые можно извлечь из источника (в нашей трактовке - факты-информации), но и своеобразие самого *исторического источника как целостного произведения*⁹¹ (в нашей интерпретации – факт-источник).

А.И. Зевелев, изучив особенности *историографического источника*, пришел к выводу о том, что историографические источники содержат информацию «о процессах, протекающих в исторической науке»⁹².

Если исторический источник может быть изучен как в первичном (с точки зрения его создания) и во вторичном (с позиций изучения его историком) качествах, то историографический источник можно отнести к *третьему уровню* – уровню «его использования и интерпретации в историографическом труде»⁹³ или историографическом разделе монографии общеисторического характера.

С другой стороны, эксперт-историограф не может игнорировать собственно исторические источники на стадии академической верификации результатов, полученных тем или иным историком.

В этом смысле они активно включаются в процесс собственно историографического исследования и выполняют двойную роль - *историко-историографического источника*⁹⁴.

Таким образом, историческим источником признаются прежде всего продукты деятельности людей, *содержащие в себе информацию о прошлом*, служащие средством исторического познания⁹⁵.

Вместе с тем, историческим источником (в пределах длительности человеческой жизни), может быть и живой свидетель (участник) тех или иных исторических событий. Информация, которую получает в этом случае историк, как правило, концентрируется в рамках т.н. «устной истории».

Историческим источником является и природный объект (ландшафт, например), если он каким-

либо образом был «включен» в деятельность людей.

А.П. Пронштейн и И.Н.Данилевский подразделяли исторические источники на вещественные, письменные, изобразительные и фонетические⁹⁶. К этому перечню можно добавить исторические источники-природные объекты и источники-живые свидетели (участники) исторических событий.

К своеобразным чертам академической истории можно отнести отсутствие возможности широкого использования непосредственного наблюдения и эксперимента.

Но эту особенность нельзя преувеличивать. Так, непосредственно наблюдаемы факты-события и факты-связи *современной истории*, понимаемой как отрезок времени, в течение которого историк имеет возможность *лично* (или с помощью технических средств) наблюдать то или иное исследуемое событие (т.е. та история, которая, по меткому определению Б.Кроче, «вершится прямо на наших глазах»⁹⁷).

Возможности наблюдения современных исторических событий существенно увеличились в последние годы в связи с широким внедрением цифровых технологий, использованием Интернета, позволяющими практически беспрепятственно передавать огромные объемы видео и иной информации из многих точек страны и мира *с места реально происходящих событий*.

С помощью новых технических средств стало возможным создание колоссальных банков исторической информации, обеспечивающих надежную эмпирическую базу для осуществления многоплановых исторических исследований, как в настоящем, так и в будущем. Причем, возможности изучения исторической реальности с использованием новейших информационных технологий будут только возрастать.

Вместе с тем, возможности *непосредственного наблюдения* современных событий весьма ограничены в виду *его одномоментности* (т.е. исследователь не может «вернуть в исходную позицию» увиденное событие *в его первоизданной сложности* и попытаться непосредственно зафиксировать то, что не было замечено ранее).

Кроме событий современной истории, исследователь имеет возможность *непосредственно наблюдать факты-источники* («остатки прошлого», ставшие предметом исторического исследования), зримо представляющие *прошлое* – другую важную составляющую исторической реальности.

Во многих случаях такого рода источники достаточно хорошо сохранились (например, образцы одежды, оружия, монеты, книги, рукописи, различные механизмы и приспособления), что расширяет возможности исследования исторической реальности методом наблюдения. Причем, данное наблюдение чаще всего не ограничено во времени.

Живые свидетели (участники) исторических событий (уклад жизни, особенности речи, своеобразие жилища, одежды и многое другое), в определенной мере, также представляют сами по себе *наблюдаемые «фрагменты»* прошлого.

Функцию *опосредованного наблюдения* прошлого выполняют многочисленные и разноплановые факты-информации («исторические свидетельства»), извлекаемые исследователем из исторических источников.

Существуют возможности и ограниченного *исторического* экспериментирования. Классическим примером такого эксперимента может быть экспедиция Тура Хейердала «Ра-2»⁹⁸.

Исследователи правомерно усматривают в имитационном моделировании один из способов восполнения пробелов в исторических источниках⁹⁹. Большие эвристические возможности заключены в мыслительных экспериментах¹⁰⁰.

В ходе общения историка со свидетелями (участниками) исторических событий, в целях получения достоверной информации, возможно осуществление экспериментов, применяемых в психологии.

Таким образом, когда мы говорим об исторической реальности, то имеем в виду современную историю и прошлое¹⁰¹, представленное непосредственно наблюдаемыми историческими источниками.

Для академического познания исторической реальности характерно движение не только «вширь», но и «вглубь» того или иного фрагмент реального мира. В академической истории этот процесс отличается рядом особенностей.

Как подчеркивал Б.А.Грушин, в реальной практике историк в начале осуществляет описание внешних событий в хронологическом порядке («простое следование за эмпирической историей объекта»¹⁰²). Он считал такое «простое следование» малопродуктивным, если не ошибочным, моментом в историческом исследовании.

С.С. Минц идет еще дальше, связывая «нарративистскую парадигму» с «мифотворчеством». Ей он противопоставляет феноменологический подход с его, якобы, «мощным потенциалом получения достоверного проверяемого и сопоставляемого эмпирического знания»¹⁰³.

Однако *повествование* (нарративность), широко используемое историками для изложения результатов исследования, нельзя трактовать как «простое» описание.

Дело в том, что нарративность «скрепляет» рассуждения, несет в себе «определенные рационализирующие связи и отношения», является «значительной частью общей стратегии рационального продвижения»¹⁰⁴. В этом смысле «нарративность» в историческом исследовании выполня-

ет ту же роль, что и «интерпретация-описание» в естественно-научном познании¹⁰⁵.

Таким образом, нарративность (интерпретация-описание) – это одна из форм познания исторической реальности, которую нет никаких причин «изгонять» из исторического исследования.

Подчеркивая специфику исторического познания, И.Д.Ковальченко считал, что «описательно-повествовательные методы» будут оставаться основной формой исторического анализа даже тогда, когда с помощью математики станет возможным измерять все исторические процессы¹⁰⁶. *Методы исторического исследования*, будучи тесно связаны с принципом историзма, составляют «тот профессиональный инструментарий», с помощью которого историк изучает историческую реальность,- считал Н.Н. Маслов.

Данный ученый обосновал и предложил одну из возможных классификаций основных методов, используемых в историческом исследовании:

общенаучные методы (исторический, логический, классификации);

специально-исторические [синхронный, хронологический (его разновидность - проблемно-хронологический), периодизации, сравнительно-исторический, ретроспективный и др.]¹⁰⁷.

2.4. Академическое историческое знание

Обобщение существенных исторических фактов позволяет реконструировать тот или иной фрагмент исторической реальности. Однако полученное при этом новое историческое знание поначалу имеет статус академического исторического знания-мнения.

Академическое историческое знание-мнение отличается от обыденного «знания-мнения» тем, что оно выведено с помощью академических процедур исследования. На пути к новому статусу - доказанного академического исторического знания - академическое историческое знание-мнение должно сначала стать фактом историографии, т.е. быть опубликованным, войти в контекст изучаемой проблемы.

И только после прохождения академической процедуры верификации на основе критериев, выработанных тем или иным сообществом профессиональных экспертов-историков, данное знание *может быть признано доказанным академическим историческим знанием.*

Академическое историческое знание-мнение в своем статусе может находиться неопределенно долго, прежде чем пройдет академическую процедуру верификации. Это связано, прежде всего, с тем, что в России (и других странах) отсутствует профессионально поставленная система верифи-

кационных процедур, которая охватывала бы основные сегменты нового исторического знания.

Именно поэтому в реальной практике исследований академическое историческое знание-мнение широко используется историками в интерпретационных целях, что, в свою очередь, *многократно увеличивает объемы не верифицированного исторического знания.*

Результаты исторического исследования обобщаются в форме *академической исторической реконструкции.* В ее содержание входят:

повествование об исследованных существенных исторических фактах;

теоретические обобщения, связанные главным образом с выявлением тенденций хода истории (мировой, национальной, региональной, местной). При этом под тенденцией понимается более или менее *устойчивое направление* в развитии того или иного исторического процесса, *ограниченное* определенным событийным рядом, территориальными и иными рамками.

То есть академическая историческая реконструкция, являясь *типом знания,* включает в себя не только *существенные факты* из истории изученного фрагмента реальности, но и их теоретическое осмысление.

Академическая историческая реконструкция выполняет примерно ту же роль, что и «интерпретация-объяснение»¹⁰⁸ в естественно-научном ис-

следовании. Причем, уровень «теоретичности» того или иного обобщения будет зависеть от целей и результатов проведенного исследования.

Выводы. Итак, содержание академической *парадигмы* исторического познания можно раскрыть с помощью следующих утверждений:

историческая реальность - это современная история и прошлое, представленное непосредственно наблюдаемыми историческими источниками;

историческое время, как категория академической истории, обозначает необратимую, последовательную *смену* исторических событий (событийные ряды);

академическое историческое познание носит преимущественно ретроспективный характер и, также как и другие направления академического познания, отличается незавершенностью, охватывая лишь фрагменты объективной реальности;

объектом академической истории является человечество, исторически развивающееся и взаимодействующее с природой;

предметом академической истории являются исторические факты: факты-события, факты-связи, факты-источники, поддающиеся непосредственному наблюдению, а также факты-информации, методолого-историографические факты, рассматриваемые в рамках определенного событийного ряда, условно подразделяемого на календар-

ное, социально-историческое и историографическое время.

Учитывая ограниченные возможности методов непосредственного наблюдения и эксперимента в истории, можно констатировать, что *основу исторического исследования* составляют факты-источники, факты-информации и методолого-историографические факты.

В процессе исторического познания происходит:

поиск, установление и интерпретация, главным образом, существенных исторических фактов – основных единиц академического исторического знания. Иерархия подобных фактов выстраивается в зависимости от целей, территориальных рамок, имеющейся совокупности исторических источников и иных особенностей конкретного исторического исследования. Важные для академической истории сами по себе, существенные исторические факты, кроме того, служат основанием для теоретического осмысления изученных фрагментов исторической реальности;

получение академического исторического знания двух видов – академического исторического знания-мнения и академического исторического доказанного знания. Академическое историческое знание-мнение может получить статус доказанного на основе решения какого-либо сообщества профессиональных экспертов-историков;

включение доказанного академического исторического знания в структуру академической истории в виде повествования о существенных исторических фактах (интерпретация-описание) и в теоретически обобщенном виде (интерпретация-объяснение);

постоянный рост и уточнение доказанного академического исторического знания;

сохранение положительного (т.е. не опровергнутого в ходе уточнения) содержания преодолеваемой ступени доказанного академического исторического знания.

Основными процедурами академического исторического исследования являются:

историографический анализ изучаемой проблемы; обоснование проблемы и гипотезы, объекта и предмета, цели и задач;

непосредственное наблюдение фактов-событий, фактов-связей современной истории и фактов-источников;

опосредованное наблюдение прошлого с помощью фактов-информаций;

имитационное моделирование, историческое и иное экспериментирование в зависимости от целей и задач исследования;

академическая историческая реконструкция, включающая в себя повествование об исследованных существенных исторических фактах и теоретические их обобщение. Теоретические обобщения касаются, главным образом, *тенденций* хода истории, *понимаемых* как устойчивые *направления* в развитии

тех или иных исторических процессов, каждое из которых *ограничено* определенным событийным рядом, территориальными и иными рамками;

авторская верификация полученных результатов на основе критериев, принятых в каком-либо действующем сообществе профессиональных экспертов-историков или разработанных самим исследователем.

Основные методы исторического исследования:

общенаучные методы (исторический, логический, классификации);

специально-исторические методы [синхронный, хронологический (его разновидность - проблемно-хронологический), периодизации, сравнительно-исторический, ретроспективный].

Описательно-повествовательные методы являются преобладающей формой исторического анализа. Качественный анализ исторических фактов основывается на сущностно-содержательных понятиях и категориях, выраженных в естественно-языковой форме.

К основным категориям академической истории относятся:

историческая реальность,

исторический факт,

исторический источник,

историческое время,

методы исследования исторической реальности,

академическая историческая реконструкция,

академическое историческое знание.

3. Постмодернистское «конструирование» прошлого

3.1. Основные черты постмодернизма

Постмодернизм, являясь совокупностью «разнородных концепций в области искусства, философии, психологии, истории, теологии и иных сфер современной культуры», ставит под сомнение «установки, основанные на классических понятиях субъекта и объекта»¹⁰⁹. Постмодернистские постулаты направлены «против концепции исторической реальности и объекта исторического познания». В толковании адептов постмодернизма историческая действительность выступает «не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как то, что *конструируется* языком и дискурсивной (речевой) практикой».

В их понимании язык «рассматривается не как простое средство отражения и коммуникации, а как главный смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение». Вот почему постмодернизм сводит «опыт к тексту», «реальность к языку», «историю к литературе», «размывает границу между фактом и вымыслом», утверждает, что «не существует ничего вне текста», что «нет никакой внеязыковой реальности»¹¹⁰, стремится к абсолютизации уникального¹¹¹.

Символично, что сторонники разрушения категориального аппарата классической рациональ-

ности, говоря о так называемом «симпатическом понимании» текста, предлагают в качестве познавательного приема *«понимание в основе своей без понимания»*¹¹².

В своих рассуждениях они опираются на понятие «симуляция». Последняя стирает различие между реальным и нереальным, в результате все становится как бы взаимозаменяемым¹¹³. В этой ситуации главным ориентиром для постмодерниста становится тезис: «утверждаю – значит, так есть»¹¹⁴. *Таким образом, в постмодернизме идея реконструкции была заменена идеей «конструирования» (конструкции) прошлого*¹¹⁵.

В современных публикациях можно до сих пор встретить утверждения о «несомненном» «позитивном влиянии» постмодернизма на историческую науку¹¹⁶, о его якобы когнитивных «мобилизующих» возможностях¹¹⁷.

Примером такого «влияния» и «мобилизующих возможностей» могут быть некоторые работы И.М.Савельевой и А.В. Полетаева. Данные исследователи, претендуя на новое осмысление истории, утверждают, что «в конечном счете любая реконструкция «картины мира», существовавшей в каком-либо из обществ в прошлом, все равно является *конструкцией* прошлой социальной реальности»¹¹⁸. Не случайно первый том своего коллективного труда они назвали «Конструирование прошлого»¹¹⁹.

В заключении ко второму тому И.М.Савельева и А.В.Полетаев идут еще дальше в своих постмодернистских фантазиях, заявляя, что прошлое «теперь для многих историков уже не то, «что было на самом деле», и даже не «реконструкция», а «образ», «репрезентация» или «конструкция»¹²⁰. То есть вся их историческая концепция основана на идеалистической посылке «о знании как форме конструирования реальности»¹²¹.

Считая, что исследователь может «конструировать» прошлое И.М.Савельева и А.В.Полетаев (как это ни парадоксально звучит) приписывают ему чуть ли не божественные функции. На самом деле, историк не создает (не конструирует) прошлое (это, по понятным причинам, невозможно). Он создает лишь реконструкцию, т.е. приблизительно верное отражение какого-либо фрагмента исторической реальности.

Достигаемая же при этом степень достоверности всегда исторически ограничена уровнем имеющихся знаний о прошлом, состоянием методологической, методической и иной оснащенности исторического исследования, уровнем профессионализма самого историка.

Г.С. Кнабе в очерке «Общественно-историческое познание второй половины XX века и наука о культуре», говоря об отсутствии в исторических источниках необходимой информации о «непосредственной повседневной жизни», предлагает

«частично *конструировать* прошлое» с помощью «элементов интуиции и воображения».

В итоге «результаты проделанной работы» начинают «тяготеть к форме *исторического романа*», которую Г.С. Кнабе называет «особым видом исторической реконструкции» - «*исторической прозой*». При этом «грань между художественно создаваемой пластикой истории и научно воссоздаваемой ее структурой становится расплывчатой, а познание приближается к синтезу аналитического знания и целостного переживания»¹²².

Л.П.Репина, В.В.Зверева и М.Ю.Парамонова, правильно охарактеризовав основные черты постмодернизма в историческом познании, вместе с тем, пишут: «Но не менее *значим и выразителен* акцент на эстетическую функцию истории, который делают сторонники ее постмодернистской парадигмы, отождествляющие историю с литературой». «Траекторией» же «движения историографии *между полюсами научной аргументации и литературной репрезентации* может быть записана одна из версий ее непростой истории»¹²³.

В этих рассуждениях содержится иллюзорное обоснование *соединения* методов исторического и художественного познания. Г.С. Кнабе, Л.П.Репина, В.В.Зверева, М.Ю.Парамонова игнорируют тот неоспоримый факт, что фантазия в искусстве не соотнобразуется с логической вероятно-

стью, она выходит за установленные ею пределы¹²⁴.

Цель художника заключается не в том, чтобы познать окружающую действительность – «это задача науки, – а в том, чтобы передать свои эмоции по поводу вещей и объектов окружающей человека действительности зрителю или слушателю»¹²⁵. Еще А.С.Лаппо-Данилевский предупреждал об опасности «смещения исторической науки с искусством»¹²⁶. П.В.Копнин, рассуждая на эту же тему, отмечал, что эстетика должна создать либо такую теорию познания, которая стала бы теорией искусства, либо такую теорию искусства и художественной деятельности, которая была бы теорией познания и логикой¹²⁷.

Для «конструирования» прошлого последователи постмодернизма используют и т.н. «синергетическую исследовательскую парадигму».

Как известно, синергетика изучает «эволюцию и *самоорганизацию* систем открытого типа с нелинейными обратными связями». Эта отрасль знания возникла в «русле развития естественно-научных дисциплин».

Но почему-то считается, что она «оказалась плодотворной при исследовании также социальных проблем». Для доказательства этого тезиса используется соответствующая синергетическая терминология. Вот один из ее образчиков: «если представить *аттракторы* как состояния, имею-

щие конус притяжения, то внутри этих конусов грядущий ход событий начнет оказывать решающее воздействие на настоящее».

«Это заманчивая возможность, - утверждает Л.В.Лесков, один из авторов «Словаря философских терминов», изданного в 2005 году к юбилею МГУ им. М.В.Ломоносова, - для стабилизации социальных процессов: *настоящее определяется не прошлым, как в случае линейных систем, а будущим*».

Таким образом, сторонники использования синергетики в общественных науках пытаются доказать, что «настоящее определяется не прошлым, а будущим», что «существуют универсальные сценарии перехода *от порядка к хаосу и наоборот – от хаоса к порядку*»¹²⁸.

М.В. Сапронов синергетический «принцип самоорганизации» объявляет фундаментом новой познавательной парадигмы, ядром абсолютно «всех концепций постнеклассических наук». Именно с этой парадигмой он связывает «будущее исторической науки». Но тут же уточняет, что «это самое таинственное, до конца еще не разгаданное явление».

Видимо, основываясь на этой «таинственной» и «до конца не разгаданной» методологии, М.В.Сапронов пришел к весьма странному выводу о том, что тоталитаризм, Вторая мировая война, ядерное оружие, глобальная экологическая ката-

строфа и даже терроризм (?! – Л.К.) связаны со «слепой верой в прогресс и во всемогущество человеческого разума»¹²⁹.

Кроме того, этот исследователь считает, что мало «рассматривать прошлые события с учетом конкретной обстановки, в которой они протекали», историк должен стать *«их участником»*, *«находясь внутри наблюдаемой системы и ведя диалог с ней на ее собственном языке»*.

М.В. Сапронов солидарен с доктором исторических наук Н.Козловой, заявлявшей, что историк *«ощущает себя непосредственно включенным в живую историческую цепь и принимает на себя ответственность за деяния предшественников и современников»*. «И тогда, - продолжает уверять Н.Козлова, - начинаются чудеса превращения. Тогда ненавистные «они» оказываются *отцами и дедами*. Становится возможным разглядеть человеческое лицо любого процесса...»¹³⁰

Если следовать Н. Козловой, то историк должен «принимать на себя ответственность за деяния», например, палачей из НКВД в годы массовых репрессий. И как в этой ситуации М.В.Сапронов представляет себе «участие» историка в *этих* деяниях, да еще «находясь внутри наблюдаемой системы и ведя диалог с ней на ее собственном языке»? И какие же «чудеса превращения» должны произойти, чтобы заплечных дел мастера из ста-

линского НКВД вдруг превратились еще и в *наших* «отцов и дедов»?

После подобных теоретических «откровений» становится понятным - почему большая часть отечественных историков не хочет расставаться с «устаревшими стереотипами мышления» и «следовать в ногу со временем» и «войти в грядущую эпоху с обновленным мировоззренческим багажом»¹³¹.

В *такой трактовке* принцип «самоорганизации» вступает в непреодолимое противоречие с принципом историзма, - основополагающим, доказавшим свою эвристическую эффективность, принципом исторического исследования.

Наряду с теоретическими разработками, призванными обосновать саму возможность «конструирования» прошлого, в России появились публикации, в которых постмодернистские установки реализуются с помощью вполне конкретных *приемов*. Рассмотрим некоторые из них.

3.2. Ложные аналогии, «историческая проза» и подмена гипотезы необоснованной догадкой

«Известный российский историк» Ю.В.Емельянов в книге «Сталин. Путь к власти», отмечает, что «почти не сохранилось документов о детстве и юности Сталина». Но это не помешало автору книги «сконструировать» данный период биографии Сталина.

Например, Ю.В. Емельянов на полном серьезе использует поэтическую эпопею Г. Леонидзе о Сталине в качестве исторического источника. Он утверждает, что «поэт сумел ярко и убедительно показать, в какой степени *окружающая среда повлияла* на формирование сознания Сталина в первые годы его жизни».

Далее историк подчеркивает, что «в отличие от многих биографов Сталина, Леонидзе посвятил рассказу о его рождении целую главу, в которой описал многочисленные обряды, сопровождавшие вступление в жизнь ребенка в грузинской семье». То есть в книге идет речь не о конкретных фактах из раннего детства Сталина, а о том, как это могло быть в грузинской семье «вообще»¹³². Такой прием можно охарактеризовать как прием «ложной аналогии».

«Исторической прозой» написана глава «Научно-техническая работа». Основываясь только на том, что Сталин в 1899 году получил работу «наблюдателя» в Тифлисской обсерватории, Ю.В. Емельянов делает далеко идущие выводы. Он пишет, что «наблюдения за движением небесных тел, водных и воздушных потоков *заставляли его* переоценивать сохранившиеся с детской поры и опозитизированные им в стихотворениях представления о природных процессах» (не «могли заставить», а именно – «заставляли»).

Исследователь почему-то связывает умение обсерваторского наблюдателя (кем был в свое время молодой Сталин) «составлять линейные графики, отражавшие состояние природы», с употреблением «слова «линия»» Сталиным, находившимся уже на вершине власти («Он говорит о «генеральной линии партии» и «отклонениях от правильной линии», о «линии группы Бухарина» и т.д.). Надуманность подобных аналогий очевидна.

Ложные аналогии, как прием «конструирования» прошлого, можно обнаружить в статье М.В. Дацишиной "Тема Наполеона и Отечественной войны 1812 года в советской и нацистской пропаганде"¹³³.

Автор статьи утверждает, что "в целом использование аналогий с войной 1812 г. в период битвы под Москвой было одной из технологий *манипуляции с прошлым* - вброс современных событий в исторический контекст". М.В. Дацишина считает, что данные "манипуляции" осуществлялись как нацистской, так и советской пропагандистскими службами. Если это так, то автор анализируемого материала не только "конструирует" прошлое, но и "переиначивает" содержание своей же статьи.

М.В. Дацишина сообщает, например, что, начиная с августа 1941 года, когда гитлеровцы столкнулись на оккупированных территориях с действиями партизан, германское военное руководство вынуждено было начать изучение партизанского

движения и его роли в войнах, которые когда-либо вела Россия. *Исследовался и опыт борьбы Наполеона с партизанским движением в России.*

Солдаты немецких армий "Центр", пережившие разгром под Москвой, позднее отмечали, что "судьба Наполеона и замерзшего французского солдата" действовали на них "угнетающее". Для союзных же немцам французских батальонов советская пропаганда в этом направлении имела "роковое значение". Автор анализируемой статьи приводит весьма красноречивое свидетельство немецкого генерала Г. Блюментрита: "Все больше становилось совпадений с событиями 1812 года".

Дело дошло до того, что нацистская пропаганда, стремясь нейтрализовать невыгодное для гитлеровцев неизбежные сравнения краха наполеоновской Франции 1812 г. и военных провалов фашистской Германии, объявила Наполеона сначала более слабым предшественником, а затем и врагом Германии.

Таким образом, нацистской пропаганде приходилось заниматься "манипуляциями с прошлым", так как сравнение Отечественной войны 1812 года с войной, начавшейся по вине фашистской Германии в 1941 году, подрывало боевой дух немецких военнослужащих.

Советская же пропаганда не занималась "манипуляциями с прошлым", а использовала исторические факты для характеристики разразившейся в

1941 году войны как Отечественной, *обоснованно проводя аналогии с другой Отечественной войной – 1812 года*. Успех советской пропаганды, в определенной степени, подтвердил жизненность и реалистичность этой концепции.

Таким образом, М.В.Дацишина «конструирует» прошлое, утверждая, что пропагандистские службы фашистской Германии и СССР, при проведении аналогий с войной 1812 года, одинаково «манипулировали с прошлым»¹³⁴.

Статья С.Ф. Фаизова «Синие горы заволжской степи и Белые горы (Сара тау) Правобережья – топонимическая взаимозависимость» может быть еще одним ярким примером постмодернистских манипуляций с историческими материалами.

«Любопытной (и, думается, не единичной) парафразой освоения славянами и финно-уграми тюркского опыта цветовой ориентации в Нижнем Поволжье являются, на мой взгляд, «Беленькие» и «Синенькие», названия сел, расположенных на правом берегу Волги под Саратовом относительно недалеко друг от друга», - пишет историк. «Топоним «Беленькие», *безусловно*, генерирован белевым цветом гор, в лоне которых расположилось село Беленькие...»

Но автор тут же оговаривается, что «располагается она (семантическая пара – Л.К.) *«не на своем месте»»* (т.е. не на том, на котором бы хотелось автору статьи – Л.К.), но искажения в процессе

освоения опыта чужой культуры – явление хорошо известное. *Нельзя, однако, исключать и того, что первоначально Синенькие располагались «на своем месте»*¹³⁵, - утверждает С.Ф. Фаизов.

Из текста данной статьи *не видно*, чтобы автор, высказав некую догадку, заключил ее в границы, дозволенные той или иной методологией академического познания.

В результате исследование на выбранную тему фактически не состоялось, а конструкт, преподносимый автором в качестве открытия, не может претендовать даже на статус академического знания-мнения.

3.3. Абсолютизация локального, единичного

Стремление к постмодернистскому «конструированию» прошлого можно обнаружить в творчестве В.М. Захарова и Т.А. Захаровой.

Так, в одной из своих статей В.М. Захаров утверждает, что «...А.Н. Минх приводит доклад тамбовского воеводы Нарышкина, *сообщавшего в 1605 г...*»¹³⁶ Но о каком тамбовском воеводе Нарышкине можно говорить в 1605 году, если только в 1636 г. стольнику Роману Боборыкину было поручено построить крепость близ переправы на р. Цна? В грамоте царя Михаила Федоровича предписывалось: «...на поле на реке Цна на усть речки Липовица поставить город Тонбов, а в нем устроить служилых всяких людей»¹³⁷.

Захаров В.М. в статье «Балашовский край в трудах Саратовской ученой архивной комиссии» на полном серьезе использует для своих обобщений данные о пугачевском восстании, почерпнутые, как он пишет, из «воспоминаний» А.М. Ченныкаева, которому в период восстания «было два года», но который «по рассказам няньки» «сумел запечатлеть некоторые эпизоды о пребывании пугачевцев в с. Турки»¹³⁸.

Захаров В.М. считает, что Саратовское наместничество было создано в феврале 1784 года¹³⁹, хотя на самом деле оно было учреждено указом Екатерины Второй от 11 января 1780 года. С 1782 года в законодательных актах по отношению к Саратовскому наместничеству употребляется термин «губерния»¹⁴⁰. Данный исследователь утверждает, что «наместничество (Саратовское – Л.К.) включало 11 округов или уездов, территория которых входила в состав Казанской и Астраханской губерний»¹⁴¹. Но могли ли части Саратовского наместничества (с 1782 г. - Саратовской губернии) одновременно входить в состав других губерний? Реальна ли цифра «11 округов или уездов»? Ведь установлено, что Саратовское наместничество планировалось разделить на 10 уездов, но в действительности было образовано *девять* – Саратовский, Вольский, Хвалынский, Кузнецкий, Петровский, Сердобский, Аткарский, Камышинский и Балашовский. Позднее был образован десятый

уезд – Царицынский¹⁴². В другой работе В.М. Захаров и его соавтор вновь ошибочно утверждают, что «в 1780 году было создано Саратовское наместничество, включавшее десять уездов»¹⁴³.

Первая глава книги В.М.Захарова и Т.А. Захаровой «Саратовская ученая архивная комиссия (1886-1920)» называется «Изучение прошлого Саратовского Поволжья *краеоведами* с конца XVIII столетия до середины 80-х годов XIX века». Сразу возникает вопрос – корректно ли было выделять целую главу с таким названием в книге, посвященной *губернской ученой архивной комиссии*? Проблема, вынесенная в название этой главы слишком серьезна и самостоятельна, чтобы ее вот так произвольно, как это делают В.М.Захаров и Т.А.Захарова, «*подверстывать*» к разделам книги о Саратовской губернской ученой архивной комиссии (СУАК).

В другом материале Захаров В.М. (со ссылкой на автореферат диссертации Т.А. Захаровой) утверждает, что Саратовская ученая архивная комиссия возникла «как *небольшой кружок*»,¹⁴⁴ демонстрируя недопонимание термина «кружок». В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой этим словом обозначена «группа лиц с общими интересами, объединившихся для постоянных совместных занятий чем-нибудь». И приводятся примеры: «кружок танцев», «кружок

пения», «драматический кружок», «шахматный кружок» и т.д.¹⁴⁵

Очевидно, что этот термин никак не подходит для характеристики Саратовской губернской ученой архивной *комиссии*, образованной не по желанию «группы лиц», а по «взаимному соглашению» губернатора и императорского Археологического института с вполне конкретной государственной целью – сохранение архивных материалов, имеющих значение для науки.

Кроме того, нужно учитывать, что СУАК была создана не краеведами, а вопреки им - саратовским губернатором А.А.Зубовым. «12 декабря 1886 года, - пишут В.М. Захаров и Т.А. Захарова, - он «пригласил к себе группу чиновников, назначаемых в члены архивной комиссии, и провозгласил ее создание...»¹⁴⁶. Краеведы же хотели создать не СУАК, а историко-археологическое общество,¹⁴⁷ но не получили разрешения министра народного просвещения.

Первым председателем комиссии был вице-губернатор А.А.Тилло, вторым – губернский предводитель дворянства князь Л.Л. Голицын. И в дальнейшем члены СУАК рекрутировались «почти исключительно из дворянства и высших членов администрации». Подобная тенденция сохранилась до начала XX века¹⁴⁸.

В связи с этим, весьма сомнительно утверждение Захарова и его соавтора о том, что «Саратов-

ская ученая архивная комиссия *возникла как результат развития историко-краеведческого движения, сложившегося в начале 30-х годов XIX века*»¹⁴⁹.

А.С. Майорова права, считая, что «рассмотрение исторической традиции Саратовского региона... вплоть до создания ученой архивной комиссии, позволяет говорить о том, что изучение истории в Саратовском Поволжье никогда не было делом лишь частного интереса нескольких человек», что в изучении истории региона четко прослеживаются государственные интересы. «...Для того, чтобы управлять той или иной территорией, - подчеркивает историк, - нужно знать ее особенности, характерные черты, а это знание тесно связано с познанием прошлого региона»¹⁵⁰.

Крупный исследователь истории губернских архивных комиссий России В.П.Макарихин указывал, что «инициатива создания губернских ученых архивных комиссий в России принадлежала известному археографу Н.В. Калачеву, который с 1877 года являлся директором *императорского*¹⁵¹ Археологического института». Причем до 1912 года многочисленные губернские архивные комиссии находились в подчинении именно этого учреждения (затем были переданы под руководство *императорского* Русского исторического общества).

Не надо забывать, что Калачов был не только ученым, но и сенатором, управляющим Московским архивом министерства юстиции, т.е. государственным деятелем. Как показал В.П. Макарихин, главная цель Калачова, его комиссии по устройству архивов, а также министра внутренних дел Д.Толстого (сделавшего соответствующее заключение по проекту организации архивных комиссий) состояла *отнюдь не в развитии историко-краеведческого движения*, а в «сохранении архивных материалов, имеющих значение для науки...» Министр внутренних дел предлагал привлечь к этой работе «лиц с надлежащей научной подготовкой».

В циркулярном предложении министра губернаторам были разъяснены правила, на основании которых учреждались комиссии. Напомним, что комиссии создавались «по взаимному соглашению» директора императорского Археологического института и губернатора, губернатор являлся непременным попечителем ГУАК. Ежегодные отчеты о своей деятельности комиссии должны были направлять в Петербург в императорский Археологический институт. Последний информировал об их работе *императорскую Академию наук*. Но «права на исследовательскую работу и собственные научные выводы» положением «не предусматривались»¹⁵². Таким образом, СУАК, как и

другие архивные комиссии, была создана по указанию «свыше» и в общегосударственных целях.

Захаров В.М. и Захарова Т.А. не учитывают важности события, произошедшего в 1911 году. Николай II поручил императорскому Русскому историческому обществу на общем годовом собрании 18 марта этого года разработать меры, необходимые для сохранения местных архивных материалов и даже шире – принять участие в правильной постановке архивного дела в России.

24 апреля 1911 года общество избрало Особую комиссию, которой был придан *правительственный статус*. Ей поручалось «приведение в ясность положения местных правительственных архивов и находящихся в них исторических материалов и разработка мер к сохранению тех исторических документов, которые нуждаются в охране». В результате были выявлены нуждающиеся в средствах губернские архивы. Им немедленно было выделено по 2 тыс. рублей.

6-8 мая 1914 года в Петербурге в Ново-Михайловском дворце состоялся съезд представителей губернских архивов. В процессе его работы были обсуждены и утверждены меры, которые должны были привести к правильной постановке архивного дела в России. Эти меры включали решение финансовых, статусных, организационных, методологических и других вопросов.

В частности, все губернские комиссии были приняты под высочайшее покровительство, министру народного просвещения было внесено представление о необходимости установить всем губернским архивным комиссиям ежегодные пособия по 3 тыс. рублей «на наем помещений, на приглашение лиц для постоянных занятий и на опубликование наиболее важных из находящихся у них на хранении документов»¹⁵³.

Реализации этих мер помешала начавшаяся Первая мировая война. Но и в эти тяжелые годы вел. кн. Николай Михайлович постоянно ходатайствовал перед Николаем II о финансовых субсидиях наиболее бедствующим губернским архивам. Совершив летом 1916 года поездку по северным губерниям России, Николай Михайлович всюду интересовался состоянием местных архивов, работой ученых архивных комиссий, вникал в их проблемы и трудности и старался оказывать помощь¹⁵⁴.

То есть государство накануне Первой мировой войны было озабочено состоянием архивного дела в стране и наметило меры по налаживанию деятельности архивных комиссий, взяв их под свое покровительство, приняв решение о выделении финансовых средств.

В.М.Захаров и Т.А.Захарова явно «конструируют» прошлое в нужном им направлении, утверждая, что СУАК «вела активную собирательскую,

издательскую и просветительскую деятельность, *значительно обогнав в этом направлении другие учреждения подобного рода*¹⁵⁵. Каким образом авторы смогли прийти к такому выводу (выделен нами курсивом – Л.К.), не осуществив сравнительно-исторического анализа?

В монографии В.П. Макарихина «Губернские ученые архивные комиссии России» приведены статистические данные о публикаторской деятельности архивных комиссий. Эти данные свидетельствуют о том, например, что по числу изданий Саратовская ученая архивная комиссия находилась на *девятом месте*. Причем, по этому важному показателю СУАК опередили более «молодые» по времени образования архивные комиссии – Нижегородская (1887), Таврическая (1887), Симбирская (1895), Владимирская (1898) и Вятская (1904)¹⁵⁶.

В.М. Захаров и его соавтор в материале «Историко-краеведческая деятельность А.Ф. Леопольдова» пишут: «А.Ф.Леопольдов не был оригинальным мыслителем-историком, сумевшим создать самостоятельную научную концепцию. Его исторические сочинения отличают описательный подход к рассматриваемым событиям, невысокий уровень анализа источников»¹⁵⁷. «Но он был первым исследователем прошлого Саратовского края, высказал ряд оригинальных соображений и положил начало накоплению сведений по истории ре-

гиона», - пишут два кандидата исторических наук¹⁵⁸.

Но ведь он не был «оригинальным мыслителем», допускал «описательный подход», «невысокий уровень анализа источников», «крайне отрицательно» относился «ко всем антигосударственным выступлениям народных масс в Нижнем Поволжье», а «его гипотеза о времени и месте основания» Саратова «в конечном итоге была опровергнута».

В более ранней работе В.М. Захаров (вместе с другим соавтором) отмечал, что Леопольдов на саратовском материале старался «проиллюстрировать успехи внутренней политики Николая I», следуя известной исторической концепции графа Бенкендорфа – «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более, чем великолепно, что касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». Кроме того, «первый исследователь» утверждал, что в «процветающей империи» и Саратовский край является самым процветающим регионом¹⁵⁹.

Историческое невежество, методологический обскурантизм и откровенный краецентризм Андрея Филипповича Леопольдова не дают никаких оснований причислять его к «историкам»¹⁶⁰, если иметь в виду истинный смысл этого понятия.

Леопольдов жил и «творил» (1800-1875) не в познавательном вакууме. Например, в конце XVIII

века были опубликованы знаменитые «Примечания на «Историю древняя и нынешняя России» господина Леклерка» И.Н. Болтина, в которых последний вплотную приблизился к теоретическому уровню исторических исследований, проводимых в тогдашней Западной Европе¹⁶¹.

Ко времени написания Н.М. Карамзиным «Истории государства Российского» представители т.н. «рационалистического течения» российской историографии достаточно хорошо разработали «научные приемы» изучения истории¹⁶².

В последующие годы вышли в свет работы таких крупных исследователей, как Н.Н. Бантыш-Каменский (1788-1850), А.Х. Востоков (1781 - 1864), Т.Н. Грановский (1813-1855), М.Т. Каченовский (1775-1842), П.М. Строев (1796-1876), С.М. Соловьев (1820-1879)¹⁶³ и др.

Именно на этом историческом фоне В.М. Захарову и нужно было давать итоговые оценки работам А.Ф. Леопольдова, ориентируясь, прежде всего, на реальные достижения в методологии и методике исторического исследования, живших в ту эпоху историков.

Примерно такой же подход В.М. Захаров демонстрирует в ходе анализа научного наследия Д.Л. Мордовцева¹⁶⁴. В лучшем случае, В.М. Захаров показывает *политические* различия между тогдашними краеведами. Однако *собственно историографический, научный анализ фактически от-*

существует. Вот почему неясно - какой же вклад внес Д.Л. Мордовцев в научную разработку темы восстания под руководством Пугачева? Насколько его «оценка» была научна в момент ее публикации и как нужно относиться к этой «оценке» в наше время?

Чтобы ответить на эти вопросы, недостаточно пересказывать содержание работ Д.Л. Мордовцева или просто сопоставлять это содержание с *политизированными высказываниями современников*. Задача ученого - на основе использования сравнительно-исторического метода - определить конкретное место научного наследия Д.Л. Мордовцева в имеющейся историографии Пугачевского восстания¹⁶⁵.

В другой статье - «Общественно-литературная деятельность Д.Л. Мордовцева в Саратове» (2012 г.) - В.М. Захаров, для того, чтобы подчеркнуть исследовательское «мастерство» Д.Л. Мордовцева (хотя тот не получил специального исторического образования), пишет, что «*Литературные критики того времени отмечали фундаментальную подготовку Д. Л. Мордовцева как историка*». В доказательство этого тезиса автор статьи приводит мнение А.М. Скабичевского, который, характеризуя Д.Л. Мордовцева как автора *исторических романов*, отмечал, что «нельзя отказать г. Мордовцеву в таланте, в основательном знании истории и

добросовестном отношении к историческим фактам».

Другой литературный критик, одновременно, «теоретик русского народничества», «социолог» - Н. К. Михайловский - указывал, что «Д. Л. Мордовцев во всех своих публикациях прежде всего историк»¹⁶⁶.

Но являются ли *авторитетными* мнения «литературных критиков», «социологов» и «теоретиков народничества» в оценке Д.Л. Мордовцева *как историка?*

Например, С.А. Венгеров дал такую оценку А.М. Скабичевскому: «как историк литературы» он «...не задавался целями научными. Предназначая свои работы исключительно для большой публики, он не занимался самостоятельными изысканиями, пользовался материалом из вторых рук и заботится только о том, чтобы изложить его в общедоступной форме. Не отделяя задач истории литературы от задач критики, Скабичевский *не заботился и об исторической перспективе и явления прошлого судил с современной точки зрения.*

Пользовавшаяся большим успехом «История новейшей русской литературы» не соответствовала своему заглавию: *собственно истории, то есть общей картины хода литературных течений, здесь нет, а есть ряд биографических сведений о писателях, распределённых по родам*¹⁶⁷.

Н.К. Михайловский *учился* в Санкт-Петербургском институте корпуса *горных инженеров*, не имел *собственно научных исторических трудов*, т.е. также не был профессиональным историком¹⁶⁸.

Таким образом, мнения «литературных критиков», «мыслителей», «общественных деятелей» и «социологов» в оценке *научно-исторического творчества* Д.Л. Мордовцева мало что значат. Нужны, прежде всего, свидетельства живших тогда профессиональных историков. Конечно, и эти свидетельства должны рассматриваться критически не только на предмет «политизированной направленности», но и компетентности суждений.

Итак, в упоминаемых выше произведениях В.М. Захарова и Т.А. Захаровой допускают абсолютизацию единичного, локального, используя для этого следующие приемы:

- *придумывание хронологии*, не соответствующей реально происходившим историческим событиям,
- *использование заранее сконструированной схемы*, наполняемой затем специально отобранным историческим материалом,
- *подмена одних понятий – другими* («архивная комиссия» - «кружок», «историк» - «краевед»), что неизбежно приводит к деформированию понятийного аппарата исследования в целом,

- сознательное и повсеместное использование терминов в качестве самоочевидных (т.е. обнаруживается нежелание исследователей раскрывать их содержание).

3.4. Подмена исследовательских тем и отождествление последовательности исторических событий с их причинностью

В статье В.В. Назарова «Балашовский край в 1825-1855 годы (по материалам Балашовского филиала ГАСО)» отсутствует какой-либо анализ целых 27 лет из 30-ти, упоминаются всего три даты – 1830 г. (взята из литературы), 1835 и 1850 годы. Автор не дает *никакого* историографического обзора по теме статьи? В чем научная новизна этой публикации? Обо всем этом можно только догадываться.

Вместо кропотливого анализа исторических фактов в статье воспроизводятся прописные истины о значении провинциальных архивов. «Большой интерес для историков представляют фонды провинциальных архивов. В них как в зеркале, отражаются события прошлых лет... Очень часто местные архивы хранят уникальные документы... Все вышесказанное относится и к Балашовскому филиалу Государственного архива Саратовской области (БФ ГАСО)». Но ведь статья не о БФ ГАСО, а о Балашовском крае 1825-1855 гг.

Фразы Назарова В.В. вроде: «Несомненный интерес для исследователей истории саратовского дворянства представляют материалы межевания Балашовского уезда (ф. 53-ИА), проводившегося Саратовской губернской межевой конторой»; «Они дают наглядное представление о размерах помещичьих хозяйств, позволяют проследить динамику развития дворянского землевладения за достаточно длительный период»; «интересны также материалы Балашовской дворянской опеки...» - не раскрывают содержания избранной для исследования темы («Балашовский край в 1825-1855 гг.»), - похожи больше на фрагменты источниковедческого описания.

Не рассказав ничего нового о дворянском землевладении, Назаров В.В. примерно в том же духе повествует об удельном землевладении. Например, он пишет: «В Балашовском филиале ГАСО хранятся дела Балашовского удельного приказа (ф.1-ИА). Их состав довольно разнообразен: официальная документация Саратовской удельной конторы, указы императора, сведения о податях, повинностях...»

Затем автор переходит к «документам Балашовской городской управы», уделив им один абзац и сообщив читателю, что «Ревизская сказка г.Балашова 1850 г.» указывает 1330 душ мужского пола, 1364 душ женского пола и «сверх того со-

вершенно не платящих податей нижних воинских чинов четырнадцать»»».

Далее исследователь дает краткую характеристику документов фонда церкви Балашовского уезда и приводит описание храма «в с. Новой Покровке».

Итоговый вывод: «...документальное наследие Балашовского филиала ГАСО позволяет составить достаточно четкое представление о российской провинции второй четверти XIX в.», а «представленные здесь документы отражают культурные, социально-экономические и демографические процессы, происходившие в Саратовском крае в николаевскую эпоху»¹⁶⁹.

Итак, не раскрыв, выбранную для исследования локально-историческую тему «Балашовский край в 1825-1855 гг.», В.В. Назаров, однако, формулирует выводы, которые *могли бы быть* результатом исследования, осуществленного на уровне одной или нескольких российских губерний. Но В.В. Назаров подобного исследования не проводил.

То есть, в данном случае можно говорить о *подмене исследовательских тем* как постмодернистском приеме «конструирования» прошлого.

В другой статье В.В. Назарова - ««Дело Солонина». К истории противостояния большевиков и эсеров в Балашовском уезде в 1918 г.» - отсутствует какой-либо историографический анализ¹⁷⁰. (То есть, данный автор фактически игнорирует

методолого-историографический аспект исследования.)

Однако, литература, посвященная Г.И. Солони-ну, существует. Достаточно назвать материалы Н. Малинина¹⁷¹, Л.Н. Масленниковой¹⁷², А.В. Куче-ряева¹⁷³. Причем, два последних автора задолго до В.В. Назарова довольно полно изложили в своих статьях биографические данные Г.И. Солонина, извлеченные из того же архивного дела, которым пользовался и В.В. Назаров. О Солонине писали В.В. Смотров и О.В. Смотров¹⁷⁴.

В.В. Назаров, пытаясь осмыслить на общерос-сийском историческом фоне политические собы-тия, произошедшие в первой половине 1918 г. в Балашовском уезде Саратовской губернии, заяв-ляет, что «Гонения на социалистов начались *сразу же после прихода большевиков к власти*».

Но так ли все просто было на самом деле? На-помним достаточно известные факты¹⁷⁵. На II съезде Советов [25-27 октября (7-9 ноября) 1917 г.] сформировался блок большевиков и *левых со-циалистов-революционеров*, достигших соглаше-ние по важнейшему вопросу - закону о земле. 17 ноября и 13 декабря представители левых эсеров вошли в состав Совнаркома: А.Л. Колегаев воз-главил Наркомат земледелия, В. А. Карелин - Наркомат имущества, П.П. Прошьян - Наркомат почт и телеграфов, В.Е. Трутовский - Наркомат местного самоуправления, И.З. Штейнберг - Нар-

комат юстиции; В.А. Алгасов и А.И. Бриллиантов получили статус «наркомов без портфеля».

После некоторых колебаний левые эсеры поддержали акцию большевиков по разгону Учредительного собрания в начале января 1918 г. III Съезд Советов [10-18 (23-31 января) 1918 г.] избрал 125 левых эсеров во ВЦИК (большевиков – 160).

Так можно ли, зная эти впечатляющие факты сотрудничества большевиков с левыми социалистами-революционерами, утверждать, что «гонения на социалистов» начались «сразу же после прихода большевиков к власти» (т.е. после октября 1917 г.)?

Протестуя против Брестского мира, левые эсеры вышли из СНК, но продолжили свою деятельность в советах и ВЧК. И только после событий 6 июля 1918 г. партия левых эсеров подверглась серьезным репрессиям.

Об отношениях большевиков и меньшевиков. Нужно подчеркнуть, что, не смотря на непримиримую критику нового политического режима, общероссийские меньшевистские официальные руководящие органы не выступали против Советской власти как таковой. Мало того, многие меньшевики стремились принять участие в работе советских военных и хозяйственных органов.

В обмен на политическую лояльность они на определенное время получали некоторую легаль-

ность: выходили в свет их печатные органы, депутаты-меньшевики заседали в Моссовете, Петросовете и в советах других крупных центров¹⁷⁶.

В августе 1918 г. ЦК РСДРП¹⁷⁷ официально объявил о недопустимости участия членов партии в вооруженных выступлениях против Советской власти, равно как и в антибольшевистских правительствах, а также о несовместимости позиции петроградской и московской групп правых с членством в партии.

30 ноября 1918 г. ВЦИК отменил свое решение от 14 июня об изгнании членов РСДРП (меньшевиков) из своего состава и иных органов власти, исходя из того, что “эта партия, по крайней мере, в лице ее руководящего центра, ныне отказалась от союза (коалиции) с буржуазными партиями и группами, как российскими, так и иностранными”.

Меньшевицкое партийное совещание в декабре 1918 г. решило выстраивать тактику следующим образом: “брать за исходный пункт... советский строй как факт действительности, а не как принцип”. РСДРП объявило себя “политически солидарной с советским правительством, поскольку оно отстаивает освобождение территории России от иностранной, в частности союзной, оккупации и выступает против всех попыток непролетарской демократии расширить или сохранить эту оккупацию”¹⁷⁸.

Один из лидеров меньшевизма, яростный критик большевиков, Ю.О.Мартов был членом ВЦИК, в 1919-1920 - депутатом Моссовета. Летом 1919 г. он был избран действительным членом Социалистической академии, а в 1920 г. редактировал сборник «Оборона революции и социал-демократия»¹⁷⁹.

В марте-апреле 1920 г. меньшевиками были приняты тезисы «Мировая социальная революция и задачи социал-демократии», в которых приветствовалась перспектива раздела власти между пролетариатом и крестьянством при гегемонии рабочего класса. Всероссийское партийное совещание РСДРП (март 1920 г.) объявило о признании «в принципе диктатуры пролетариата», высказалось за допустимость лишения прав «нетрудовых слоев», отказалось от оценки «чистой демократии» как абсолютного идеала¹⁸⁰.

В ноябре 1920 г. меньшевистский ЦК РСДРП заявил, что «... Победа над Врангелем является не только победой большевистского правительства. Это победа русской революции, всего русского народа, который готов идти на самые тяжелые жертвы, лишь бы воспрепятствовать явному и открытому восстановлению социального и политического порядка, разрушенного в марте и ноябре 1917 г. после длившейся целые десятилетия героической борьбы»¹⁸¹. Новая экономическая политика была в целом поддержана меньшевиками, хо-

тя они настоятельно требовали дополнить ее «политическим нэпом».

Дальнейшее развитие событий показало, что политические пути большевиков и РСДРП разошлись, и меньшевикам пришлось уйти в подполье. Но произошло это *лишь к весне 1923 г.*¹⁸²

Таким образом, тезис В.В. Назарова о том, что «гонения на социалистов *начались сразу же после прихода большевиков к власти*» - недопустимо «спрямляет» реальный ход событий и является основой для «конструирования» в нужном В.В. Назарову направлении истории взаимоотношений большевиков с рядом партий и групп социалистической ориентации после Октябрьской революции. Эту же ошибочный тезис В.В. Назаров отстаивал и в 2012 году в статье «Лидер саратовских эсеров И.И. Ракитников: страницы биографии»¹⁸³.

Зачем же понадобилась В.В. Назарову эта «конструкция»?

Повествуя в своем материале о деятельности *эсера-максималиста* Г.И.Солонина (занимавшего должность председателя Балашовского уездного исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Саратовской губернии¹⁸⁴ в первой половине 1918 г.), он пытается доказать, что его устранение с местной политической арены было одним из проявлений политики «гонений» большевиков на тогдашние социалистические

партии, доказательством «противостояния большевиков и эсеров».

Так, упоминая постановление ВЦИК от 14 июня 1918 г., в соответствии с которым представители ряда социалистических партий и групп действительно изгонялись из советских органов, В.В. Назаров пишет: «Как отмечалось выше, 14 июня 1918 г. началась кампания по изгнанию эсеров из советских органов власти. *Настал черед Солонина*»¹⁸⁵.

Но В.В. Назаров не учел ряд важных моментов.

Г.И. Солонин был социалистом-революционером *максималистом*. (Л.Н. Масленникова, назвав его *левым эсером*, допустила серьезную ошибку¹⁸⁶.)

Политика максималистов имела существенные особенности. Как известно, они участвовали в Октябрьском вооруженном восстании и на II Всероссийском съезде Советов по основным вопросам (о власти, о земле, о войне и мире) поддержали большевиков. Один максималист был избран во ВЦИК¹⁸⁷.

Участвовали они и в работе комиссии по выработке первой советской Конституции (в ее состав с совещательным голосом входил один из лидеров максималистов А.И. Бердников), максималисты входили и в местные советы¹⁸⁸.

В постановлении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета "Об исключении из

состава Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Советов и местных Советов представителей контрреволюционных партий - социалистов-революционеров (правых и центра) и Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков)" от 14 июня 1918 г. *нет ни слова о максималистах*¹⁸⁹.

Эсеры-максималисты были последовательными приверженцами идеи власти Советов. Вот почему они отрицательно отнеслись к убийству Мирбаха и левоэсеровскому восстанию 6 июля 1918 г., видя в этих акциях попрание советской власти, стремление левых эсеров к установлению собственной диктатуры. Ф.Ю. Светлов, один из лидеров максималистов, 9 июля 1918 г. на V съезде Советов заявил, что выступление ПЛСР выросло "на разгоряченной бредовой почве захвата власти"¹⁹⁰. (Кстати, на этот съезд было избрано 35 эсеров-максималистов.¹⁹¹)

В ноябре 1918 г. (когда Г.И. Солонин давно уже был отстранен от должности и находился в заключении) в инструктивном письме Центрального исполнительного бюро Союза эсеров-максималистов (ССРМ) местным организациям говорилось: "Максималисты всегда считали коммунистов-большевиков своими товарищами по оружию в борьбе за социальную революцию и советскую власть, *и никогда не понимали борьбу с ними иначе, как борьбу идейную, средствами агитации и*

пропаганды... если большевики и делали ошибки перед социальной революцией, то никогда не изменяли ей...", поэтому борьба с ними должна вестись исключительно в рамках Советов и в ней "нужно щадить Советскую власть"¹⁹².

И лишь в начале 1919 г. вопрос об отношении к большевикам стал причиной раскола в ССРМ. Большая часть организации во главе с Ривкиным и Нестроевым стояла за усиление критической независимости по отношению к ним, меньшая, во главе со Светловым и Бердниковым, - за сближение с большевиками. Последняя группа покидает ССРМ и создает свой «Союз максималистов», *который в 1920 году вливается в ряды РКП (б)*¹⁹³. (Заметим, что в этом же году в РКП (б) вступает и Г.И. Солонин¹⁹⁴.)

Таким образом, сомнительный по своей научной корректности вывод В.В. Назарова о том, что «гонения на социалистов начались *сразу же* после прихода большевиков к власти» *к эсерам-максималистам не имеет вообще никакого отношения.*

В связи с этим неизбежно возникает ряд вопросов.

Первый вопрос: можно ли говорить об «эсеровском руководстве» Блашовским уездом Саратовской губернии как таковом применительно к изучаемому времени (первое полугодие 1918 г.)?

Вряд ли, и вот почему. Максималисты образовали свой союз (ССРМ) еще в октябре 1906 г. (восстановили его после Февральской революции 1917 г.)¹⁹⁵. Левые эсеры, исключенные из ПСР за сотрудничество с большевиками, оформились в самостоятельную партию в декабре 1917 года?¹⁹⁶

Таким образом, В.В. Назаров обязан был применительно к первой половине 1918 г. конкретизировать тезис об «эсеровском» руководстве, указав на конкретную партию (или союз) эсеровского толка, а не говорить об «эсеровском руководстве» вообще.

Кроме того, видимо, нужно было показать конкретные факты, подтверждающие систематическое осуществление каких-то особых («эсеровских») программных (руководящих) установок в деятельности того или иного местного советского чиновника, *декларировавшего* свою принадлежность к каким-либо эсерам¹⁹⁷.

Но, возможно, фраза об «эсеровском руководстве» в статье В.В. Назарова была всего лишь редакционной ошибкой¹⁹⁸. Возможно, В.В. Назаров имел в виду «эсеро-максималистское» руководство уездом в изучаемое время?

Могло быть и по-другому: в *Балашовском уезде* сложилась ситуация, когда местные большевики по каким-то причинам преследовали местных же эсеро-максималистов или, или, наоборот, эсеры-максималисты - большевиков?

Если это так, тогда неизбежно возникает еще *два вопроса*. Насколько деятельность Г.И. Солонина на посту председателя исполкома была «эсеро-максималистской»? Было ли отстранение Г.И. Солонина от должности в июне 1918 г. связано с его принадлежностью к Союзу социалистов-революционеров максималистов?

Чтобы ответить на эти вопросы, в начале нужно выяснить – какие полномочия имел данный исполком в структуре новой власти.

В «Наказе исполнительному комитету» - составной части Резолюции, принятой на III съезде Советов «крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» (проходившего 23-25 февраля 1918 г. в Балашове)¹⁹⁹ отмечалось, что «вся полнота власти» *до следующего съезда местных Советов* передается исполкому, который в своей деятельности должен «исходить из линии политического поведения, *выработанной вторым Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов*», а в вопросах «общегосударственного значения» - из указаний, исходящих от «центральных органов управления *Всероссийского центрального исполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета народных комиссаров*».

Были сформулированы и «неотложные вопросы текущего момента», в числе которых называлась необходимость «принятия решительных мер к по-

давлению контрреволюции, направленной против правительства, революционных рабочих и крестьянских сил уезда»²⁰⁰.

Именно этот съезд выразил «признательность» новому составу исполкома за введение «военного положения» и подавление протестов местной общественности 6 января 1918 г.²⁰¹

Кроме того, в решениях съезда содержались весьма конкретные поручения, которые исполком не мог игнорировать. Так, например, съезд поручал организовать «летучий отряд по борьбе с расхищением имений, взятых на учет и по борьбе со спекуляцией»²⁰². Весьма подробные указания даны в Резолюции съезда по «распределению живого и мертвого инвентаря»²⁰³.

Легко заметить, что решения местного съезда – в то время высшего органа власти в уезде – не противоречили политическим установкам центральной большевистской власти.

Но, может быть, максималист Солонин мог единолично влиять *на состав исполкома* и таким образом как-то «извращать» политику, проводимую ВЦИК и СНК?

Оказывается, не мог, так как исполком *формировался* из «действительных членов», утверждаемых уездным съездом «представителей Советов» (один член исполкома выдвигался «от профессиональных союзов»). *Причем каждый Совет имел право отозвать своего члена исполкома и заме-*

нить другим. Кроме того, все члены исполкома должны были «свято соблюдать все предначертания съезда»²⁰⁴.

То есть, Г.И. Солонин был ограничен весьма жесткими рамками решений центрального российского руководства и местного съезда Советов.

Но самым убедительным доводом в пользу того, что в исследуемый период в Балашовском уезде не было никакого политического противостояния между большевиками и социалистами-революционерами максималистами являются итоги выборов в исполком на VI «очередном экстренном» съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Балашовского уезда, состоявшемся 15-21 июня 1918 г. (т.е. уже после устранения Г.И.Солонина).

В новый состав исполнительного комитета были избраны 8 большевиков и 6 максималистов (Типаев, Зверев, Дьячук, Рыбаков, Лученко, Саунин). Кандидатами в обновленный исполком были избраны 4 большевика и 2 максималиста (Виноградов, Несмелов)²⁰⁵. То есть, на данный момент можно говорить даже о союзе представителей этих двух партий.

Если в уезде не было никакого межпартийного противостояния между большевиками и эсерами-максималистами, то почему же был устранен Г.И.Солонин?

Ревизионная комиссия (во главе с «главным ревизором» Несмачным²⁰⁶), специально избранная 15 июня 1918 года VI съездом местных Советов для расследования деятельности Солонина, вопрос о его виновности выделила в отдельное «дело». К 20 июля «дело» было завершено, а подробный доклад был направлен в Саратовскую Коллегию обвинителей²⁰⁷.

Главное обвинение, сформулированное комиссией, заключалось в том, что Солонин, *будучи председателем исполкома*, то есть советским руководителем, «выдвинутым Октябрьской революцией», выступил против Брестского мира, заключение которого одобрил IV Всероссийский съезд Советов (14-16 марта 1918 г.). Подчеркнем, комиссия *никак не связывала* это обвинение с *партийной принадлежностью* Г.И. Солонина.

Вместе с тем, комиссия затушевала очень важный момент: резолюция, осуждавшая заключение Брестского мира (и принятая в ходе дискуссий), была утверждена высшим органом власти в уезде - *IV уездным съездом Советов*²⁰⁸. То есть, съезд поддержал позицию председателя исполкома.

С этого момента осуждение Брестского мира становилось *коллективной позицией местных советских деятелей*, а не только Солонина.

С другой стороны, нужно иметь в виду, что реальные практические шаги балашовских «оппози-

ционеров» ограничились *посылкой в центр телеграммы с изложением резолюции съезда*. И все.

Важно акцентировать еще один момент: мнение уездного съезда Советов, по сути, не противоречило Декрету о мире, принятому II Съездом Советом 26 октября 1917 года, требовавшего мира «без аннексий и контрибуций», то есть без захвата чужих территорий и без насильственного взыскания с побеждённых материальных или денежных возмещений²⁰⁹.

Как известно, этот один из основополагающих декретов Октябрьской революции никто не отменял. Наоборот, новая власть преподносила его как «великое завоевание». Да и со дня его провозглашения прошло не так уж много времени - менее четырех месяцев.

Напомним - среди несогласных с заключением Брестского мира *были и видные большевики* – т.н. «левые коммунисты» во главе с соратником Ленина и «любимцем партии» - Н. И. Бухариным²¹⁰.

Из пяти заседаний VII (экстренного) съезда РКП(б), состоявшегося 6-8 марта 1918 года, три были посвящены Брестскому миру. *Против заключения мира с Германией проголосовало 12 делегатов, воздержалось – 4, «за» проголосовало 30 делегатов*²¹¹.

На IV Всероссийском съезде Советов из 1204 делегатов *276 выступили против ратификации Брестского мира, а 118 воздержались*²¹².

Таким образом, Г.И. Солонин, а затем и IV уездный съезд Советов, высказали точку зрения весьма популярную среди немалой части тогдашней правящей политической элиты России.

Видимо, отсутствие других серьезных улик и послужило основанием для *амнистирования* Г.И. Солонина 1 декабря 1918 г. По «делу Солонина» *никакого* суда не было. Вот почему в своей «краткой автобиографии» он мог с полным основанием написать, что «под судом не состоял». В.В. Назаров ошибается, когда пишет, что «революционный трибунал приговорил Солонина к семи месяцам заключения». Не было никакого и «мягкого приговора»²¹³.

В связи с этим, современные исследователи не могут буквально использовать материалы допросов свидетелей по «делу Солонина». Тем более, что некоторые из свидетельств больше похожи на доносы.

Ясно и другое: полугодичный (январь-июнь 1918 г.) период из жизни Г.И. Солонина нельзя вырывать из контекста всей биографии этого советского деятеля. Сын крестьянина, затем рабочий, он не получил систематического образования, но был, как и миллионы других россиян, вовлечен в водоворот революционных событий.

Причем, Солонин с самого начала был сторонником радикальных социальных преобразований, «в гражданской войне участвовал с первых дней

революции», в рядах Красной Армии «состоял с первых дней ее организации добровольцем». Принял участие в боях против Краснова, чехословацкого корпуса, Мамонтова, подавлении восстания «фронтовиков» в Саратове и т.д.

Имея от природы довольно изощренный ум, ораторские способности, он быстро продвигался по должностной лестнице: председатель ревкома в родном селе Андреевка Балашовского уезда, председатель Балашовского уездного исполкома, уездный комиссар труда, председатель уездного СНХ, начальник Чрезвычайного Штаба войск Области Войска Донского, Балашовского и Борисоглебского уездов, редактор уездной газеты «Известия».

О восстановлении доверия к Г.Солонину со стороны большевистской власти говорит не только сам факт амнистии (и отсутствие судебного преследования), но и последующее использование его на *руководящих должностях* в партийно-политическом и советском аппарате *уже после выхода из тюрьмы*.

Так, уже в 1919 году ему предоставляют должность политпомощника Начальника IX Авто-Армии, затем должность в Главном комитете государственных сооружений в Москве.

В 1920 году его принимают в большевистскую партию, он заведует Политотделом Туркфронтстроя. В 1921 году Солонин назначается уполномоченным Цекультстроя РСФСР по Туркеспублике.

В г. Закаспийске он заведовал Отделом народного образования, исполнял обязанности ответственного секретаря УГК партии, председателя горсовета.

В 1923 году Г.И. Солонин успел поработать рев. инспектором Саратовского ГСНХ и т.д. 3 апреля 1926 г. он планировал выехать в распоряжение Северо-Кавказского комитета партии для работы в Севкавсельтресте.

Все это говорит о том, что Г.И. Солонин в целом был признан большевиками «своим», преданным Советской власти, человеком, что и позволило ему «сделать» политическую карьеру. Снятие с должности, арест, нахождение в тюрьме в качестве подследственного (вторая половина июня - ноябрь 1918 г.) был весьма неприятным, но все же *эпизодом* в жизни Г. И.Солонина.

В связи с этим, вряд ли оправданно строить какие-либо далеко идущие выводы в отношении личности Г.И. Солонина, как это пытается делать В.В. Назаров, используя, главным образом, протоколы допросов по балашовскому «делу». Кроме того, историки пока не располагают какими-либо достоверными сведениями о дальнейшем жизненном пути Г.И. Солонина после 1926 года.

В.В. Назаров, фактически соглашаясь с авторами показаний, направленных против Г.И. Солонина, не учел того, что в разделах *официального* доклада Ревизионной комиссии, посвященных фактам коррупции среди советского чиновничества

ва Балашовского уезда, неразберихе и хаосу в отчетности, - Г.И. Солонин напрямую не фигурирует.

Вероятно, ревизоры не обнаружили убедительных фактов расхищения «социалистической собственности» со стороны самого Солонина. Нет в документах комиссии и прямых данных о том, что он расхищал средства в прямом сговоре со своими коллегами по исполкому.

Нет подобных данных и в материалах допроса непримиримого оппонента Солонина – П.Ф. Маркитана. Зато он не жалеет черной краски в описании «деятельности» своего непосредственного руководителя.

Так, в своих показаниях он заявил, например, что Солонин «в Исполнительном комитете почти не работал... являлся очень редко... на ½ или час и исключительно принимал посетителей, потом отправлялся в штаб... Штаб его был окружен агентами и стражей, без которой Солонин не выходил ни на шаг»²¹⁴.

Но к этой информации нужно относиться осторожно. Дело в том, что сохранившиеся протоколы заседаний исполкома и совета уездных комиссаров не подтверждают заявление Маркитана о том, что Солонин «в Исполнительном комитете почти не работал... являлся очень редко»²¹⁵.

Эти же документы опровергают вывод В.В. Назарова о том, что Г.И. Солонин «все вопросы, ка-

сающиеся жизнедеятельности и безопасности уезда... решал единолично без согласования с другими членами исполкома»²¹⁶.

Другое дело, что Г.Солонин, как типичный выходец из народа, «дорвавшийся» до власти, любил пустить пыль в глаза, показать, что он стал крупным начальником, от которого многое зависит.

«Бесшабашной и безалаберной» называет деятельность Солонина на посту председателя исполкома «помгубпродкомиссар», уездный комиссар по продовольствию Н.А.Туркин.

Это свидетельство заслуживает особого внимания, так как исходит от *«видного деятеля партии «социалистов-революционеров-максималистов»*, «известного не только в Саратовской губернии, но и за ее пределами» («честный и порядочный человек», уважаемый местными большевиками Таракановым, Романовым, Маркитаном и др.). Видимо, эта характеристика Солонина («бесшабашный», «безалаберный») более близка к реалиям того времени.

Вместе с тем, в примечании к протоколу допроса Н.А. Туркина подчеркивается, что «он (Н.А. Туркин – Л.К.) не имел никакого отношения» к «созданной (в Балашове – Л.К.) Солониным организации «социалистов-революционеров максималистов»²¹⁷. Похоже, что автор этого примечания хотел подчеркнуть свои сомнения в партийном характере организации, созданной Солониным.

И, действительно, источники сообщают, например, сведения, касающиеся «военной» деятельности Г.И. Солонина и его «работе» в т.н. «Штабе по борьбе с контрреволюцией Балашова, Борисоглебска, Поворино и Новохоперска»²¹⁸, но практически *ничего* - о собственно партийной работе Солонина (нет никакой информации о распространении максималистской печати, соответствующих руководящих, инструктивных документов ССРМ, каких-либо упоминаний об отчетных документах и т.п.).

Однако и «военная» деятельность Солонина была своеобразной. Источники свидетельствуют, что эта *его деятельность* активизировалась именно тогда, когда делегаты уездного съезда Советов пытались получить от него подробную информацию о работе исполкома.

Именно в этот момент Солонин, например, начинал вдруг предлагать делегатам съезда «записываться немедленно» в «партизанский отряд» ввиду тяжелого положения на «Урюпинском фронте». Причем, это положение рисовалось в «самых мрачных красках». Тем самым он, скорее всего, пытался отвлечь внимание делегатов от обсуждения неприятных для него тем²¹⁹.

Из протокола допроса С.С. Типаева видно, что он, будучи членом «Балашовской группы» «максималистов», организованной Солониным, однако выступил против своего руководителя.

Кстати, после устранения Солонина эсер-максималист С.С. Типаев стал заместителем («товарищем») нового председателя исполкома - большевика Д.В. Романова²²⁰.

Все это говорит о том, что в изучаемое время (первая половина 1918 г.) в Балашове со стороны большевиков не было никаких «гонений» на местных эсеров-максималистов. Наоборот, большевики тесно сотрудничали с ними.

Ярый критик Солонина, большевик, секретарь исполкома П.Ф. Маркитан выступал не против эсера-максималиста Солонина, а против Солонина-«авантюриста», который, по его мнению, своими действиями дискредитировал новую власть в глазах населения. В своих показаниях он дал следующую характеристику Солонину: «Солонин... не социалист, а Хлестаков, аферист с сильной волей и редкой энергией»²²¹.

Таким образом, главной причиной смещения Г.И. Солонина с должности председателя уездного исполкома и последующего ареста был его личный авантюризм, а не партийная принадлежность.

В связи с этим, основной тезис В.В. Назарова о противостоянии большевиков и эсеров в Балашовском уезде в 1918 г. (вынесенный в заголовок статьи) не состоятелен.

В.В. Назаров, «конструируя» прошлое, отождествил *последовательность* исторических событий (изгнание 14 июня 1918 года некоторых социали-

стических партий из Советов и арест 15 июня того же года председателя уездного исполкома эсера-максималиста Г.И. Солонина) с их *причинностью*. Post hoc non propter hoc - после этого, но не вследствие этого.

3.5. «Конструирование» фактов-связей и подмена понятия «исторический источник» термином «текст»

Попытки «конструирования» фактов-связей можно обнаружить в статье Т.В. Платоновой «Взгляд на сельское хозяйство в имении помещика П.А. Чихачева»²²².

Из содержания этого материала можно узнать следующее: «Совершенно прав П.Б. Струве, доказывающий, что землевладельцы-предприниматели стремились к получению излишков сельскохозяйственных продуктов путем внедрения передовой культуры земледелия, применения передовой сельскохозяйственной техники, производство которой в начале XIX в. резко возросло путем усиления барщины, считавшейся в земледельческом хозяйстве более доходной»²²³.

При этом Т.В. Платонова, говоря о «передовой» технике, приводит данные только о «переносных американских машинах работы Вильсона», «неотлаженной машине», вывезенной Чихачевым «из-за границы»²²⁴.

Учитывая, что статья посвящена конкретному имени - имени помещика П.А. Чихачева, не

может не возникать вопрос - какая же может быть связь между производством техники за рубежом и «усилением барщины» в России?

То есть, Т.В. Платонову можно понять так: производство передовой заграничной техники могло быть увеличено «путем усиления барщины» в России. Или: производство передовой российской техники могло быть увеличено «путем усиления барщины» в России. Однако в статье отсутствуют какие-либо конкретные доказательства зависимости роста производства передовой техники от "усиления барщины".

Постмодернистские влияния четко прослеживаются в современных отечественных исторических исследованиях, выполненных представителями *иных гуманитарных наук*.

В этом плане обращают на себя внимание работы историка литературы В.С. Вахрушева.

Так, в качестве методологического инструментария для познания истории и культуры «среднего Прихоперья» он использует понятие «балашовский текст». Что же это такое в понимании самого исследователя?

Он пишет: «Балашовский текст существует в виде отдельных фрагментов, устных и письменных высказываний, *реалий, памятников прошлого и тому подобных явлений*... Кроме того, «низовым» пластом балашовского текста служат и разнообразные по жанрам архивные, либо хранящие-

ся у граждан документы времени – личные письма, прошения, жалобы, донесения, заявления, справки, описи, дневники»²²⁵.

Бросается в глаза почти полная идентичность этого утверждения с определением исторического источника. Крупный представитель отечественной академической истории С.Ф. Платонов так толковал смысл последнего: «В обширном смысле слова исторический источник есть всякий остаток старины, будет ли это сооружение, предмет искусства, вещь житейского обихода, печатная книга, рукопись или, наконец, устное предание»²²⁶.

Таким образом, В.С.Вахрушев, не внося принципиально нового в содержание вышеуказанного и широко известного определения, производит необоснованную смену названий: «исторический источник» у него превращается в «текст».

Данный исследователь неправоммерно наделяет понятие «балашовский текст» всеми основными чертами исторического источника вообще, не разъясняя и теоретически не обосновывая смысл этой логической «подмены».

Получается, что понятие «текст» он механически переносит на все исторические источники, т.е. *реальные остатки прошлого* (здания, предметы быта, образцы оружия и т.д.). Заменив понятие «исторический источник» на понятие «текст», В.С. Вахрушев вольно или невольно переходит на позиции постмодернизма²²⁷.

Этот вывод подтверждает и другой тезис В.С. Вахрушева: «... миф это «наше все», включающее в себя любой объект и наше представление (толки, слухи) о нем, и текстовое воплощение этого представления (предание, сказка). Но с одним важным оттенком – это универсальная единица культуры..., обязательно включающая в себя момент «внеаучности», инаучности, веры во что-то недоказуемое – хотя бы на данный момент»²²⁸.

Постмодернистская направленность познавательной деятельности В.С.Вахрушева обнаруживается и в таком пассаже: «Не будучи историком по специальности, автор выступает в данном случае как филолог и гуманитарий «широкого профиля». Такой подход к прошлому и настоящему человечества давно уже вошел в арсенал человеческой мысли, ведь еще в Древней Греции возникла мифологема «жизнь – театр» (и, наоборот, «театр – это жизнь»), которая, наряду с другими столь же продуктивными сравнениями («жизнь есть сон», «жизнь – это борьба», «жизнь – книга») прочно вошла в культурное сознание человечества»²²⁹.

Заметим, он не говорит, что, не будучи профессиональным историком, он сделает все, чтобы освоить хотя бы университетский курс истории, историографию, соответствующие методологию, методы и приемы и т.д. Нет, Вахрушев открыто провозглашает возможность успешного исследования истории без специальной подготовки. При этом он

снова вводит в заблуждение читателей, заявляя, что «такой подход к прошлому и настоящему человечества давно уже вошел в арсенал человеческой мысли»²³⁰.

На самом же деле данный исследователь пытается использовать приемы, характерные больше для периода «преднауки», когда знание еще не было специализировано²³¹. В.С. Вахрушев не учитывает результатов «второй глобальной научной революции» (кон. XVII – пер. пол XIX вв.), определившей переход к новому состоянию познавательной деятельности человека – «дисциплинарно организованной науке»²³².

Кроме того, ученый-филолог ставит перед собой совершенно невыполнимые задачи, заявляя в книге по «истории и культуре среднего Прихоперья» о необходимости обеспечить ««глобальный» подход к прошлому человечества и, шире, земли и космоса в целом»²³³. Каким же образом В.С. Вахрушев мог бы реализовать такой подход, не выработав предварительно соответствующей методологии?

Вместо того, чтобы критически переосмыслить ранее опубликованные работы, заняться кропотливым сбором и анализом новых исторических фактов из истории «среднего Прихоперья» (в названии монографии содержалась ответственная заявка на написание и истории Среднего Прихоперья), В.С. Вахрушев увлекся бесплодными по-

пытками *конструирования* никогда не существовавших исторических связей, поисками «символов» и «перекличек», «размывая» тем самым границу между фактом и вымыслом, между реальным и нереальным.

Он пытается, например, доказать, что город Балашов своими истоками восходит «к глубокой древности – ко временам еще палеолита, к Хазарскому каганату»²³⁴. Но что же это за таинственные истоки города Балашова? При чем здесь палеолит (древний каменный век) и Хазарский каганат (сер.VII-кон.X вв.), если известно, что хутор Василия Балаша (Балашова) и деревня Балашовка, судя по архивным данным, обнаруженным Д.П. Госьковым, возникли примерно между 1745 и 1761 годами, а город Балашов был учрежден указом Екатерины II от 7 ноября 1780 года²³⁵?

Говоря о гуннских погребениях, найденных около саратовских городов Энгельс и Маркс, он глубокомысленно пишет: «В этих находках парадоксально то, что искусство восточных варваров обнаруживается около немецких и русских поселений, возле городов, носящих имена немцев – создателей марксизма»²³⁶. Какая может быть связь между искусством гуннов (!) и «марксистскими» именами современных саратовских городов? Что здесь парадоксального?

«Позднее монгольские ханы перенесли свой центр в город Сарай-аль-Джидид (Новый Дворец),

развалины которого обнаружены в XX веке около города Ленинска Волгоградской области (снова закономерно-парадоксальное сближение – ханская ставка и имя Ленина...)), - делает очередное «открытие» В.С.Вахрушев²³⁷. «Саратовцы вливались в ряды разинского войска, шли вместе с атаманом вплоть до Симбирска (до рождения Ленина оставалось ровно триста лет) и Пензы»²³⁸. Какая может быть связь между ханской ставкой и именем Ленина? В чем здесь «закономерно-парадоксальное сближение»? Какое отношение имеет к разинскому восстанию дата рождения Ленина?

3.6. Подмена принципа историзма принципом «самоорганизации»

В ряде современных исторических работ, прежде всего «либеральной» направленности, наблюдается глубоко ошибочное стремление представить Великую Отечественную войну (1941-1945) как продолжение Гражданской (1918-1921) («вторая гражданская война») и тем самым квалифицировать часть граждан СССР, принимавших активное и сознательное участие в военных и карательных операциях гитлеровцев против Красной армии, партизан и мирного населения, - как «борцов» с «тоталитарным сталинским режимом».

Так, А.Н. Колесник в книге с весьма характерным названием «Генерал Власов - предатель или герой?» пишет о власовцах, как об «искренне одержимых идеей противостояния «красному тер-

рору»²³⁹. Антонов-Овсеенко А.В. в книге «На-
правный подвиг?» категорично заявляет: «Родине
Андрей Власов не изменил, он изменил Сталину...
Генерал Власов защищал родину от Гитлера и пы-
тался защитить ее от Сталина»²⁴⁰. В «Википедии»
утверждается, что бывший генерал-лейтенант
РККА А.А. Власов – «вождь Русского освободи-
тельного движения»²⁴¹.

Политизированная направленность²⁴² подобных
произведений, рассчитанных на неискушенного
читателя, очевидна.

Однако появляются труды, в которых похожие
по смыслу утверждения, преподносятся как ре-
зультат исследований, проведенных с использо-
ванием «самых современных» научных методоло-
гий. К их числу можно отнести монографию А.В.
Посадского "Военно-политические аспекты *само-*
организации российского крестьянства и власть в
1905-1945 годах".

Как явствует из вводной части книги, А.В. По-
садский предпринял попытку «соединить тради-
ционные исторические приемы исследования с *си-*
нергетическим видением исторического процес-
*са»*²⁴³.

Для того, чтобы понять что получилось из этого
методологического симбиоза, нужно в первую
очередь рассмотреть авторскую концепцию совет-
ского периода истории России, а также подходы

данного исследователя к отбору исторического материала.

Так, рассуждая о причинах «антисоветских» действий части сельского населения, попавшего в зону немецкой оккупации, историк пишет: «Сложившийся к концу 1930-х гг. колхозный строй и террористический режим властвования в стране оставляли весьма не много официальных возможностей для проявления самостоятельной активности в сфере политической и военной. Это положение резко изменилось с начала войны и быстрой оккупацией огромных территорий, возникла ситуация выбора, отчасти «полоса свободы» для многих миллионов крестьян»²⁴⁴.

Таким образом, данный исследователь не исторично характеризует советское государство только как террористический режим властвования, а немецко-фашистскую оккупацию как «отчасти «полосу свободы»» для миллионов советского крестьянства. («Можно полагать, что крестьяне Сиротинского района Полоцкого округа имели возможность более или менее спокойно хозяйствовать при немецкой власти», - утверждает, к примеру, А.В. Посадский²⁴⁵.)

Однако данный исследователь проигнорировал существенный исторический факт - СССР к началу войны был легитимным, с точки зрения действовавшего тогда международного права, государ-

ством, и он вел Отечественную войну с внешним врагом – нацистской Германией.

То есть, в условиях Отечественной войны 1941-1945 гг. каждый гражданин СССР обязан был защищать свое государство с оружием в руках, не взирая на причиненные в прошлом социальные обиды.

Ход войны показал, что абсолютное большинство советских граждан так и поступило - поддержало тогдашнее государство в борьбе с внешним врагом, проявило жертвенность и массовый героизм, что в конечном итоге и обеспечило победу СССР над нацистской Германией.

А.В. Посадский же, пытаясь создать свою «синергетическую» концепцию Великой Отечественной войны, фактически проигнорировал такой мощный, реально действующий в условиях любой отечественной войны фактор, как *патриотизм*.

Но без учета этого фактора невозможно понять причин победы, как в Великой Отечественной войне, так и в другой Отечественной войне - 1812 года.

В то время, как известно, на борьбу с иностранным нашествием поднялось также большинство населения России. Основу же русской армии составили *крепостные крестьяне*, которые, если следовать современной «либеральной» концепции истории, просто обязаны были вступить в союз с

французами-«освободителями» для борьбы с «крепостническим монархическим режимом».

Но этого не произошло. Напротив, солдаты, выходцы из крепостной русской деревни, также как и крестьяне-колхозники в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годы [6], не щадя своих жизней, обеспечили победу над внешним врагом. И глубоко были правы те русские современники, которые позднее, подобно декабристу А. Н. Муравьеву, вспоминали: "Дух патриотизма без всяких особых правительственных воззваний сам собою вспылал"²⁴⁶.

Крестьяне, как отмечает Е. Мезинцев, проявили больше патриотизма, чем дворяне. «Патриотизм» многих дворян заключался в том, что они бросали свои имения и уезжали в Поволжье и на Урал, чтобы там переждать события начавшейся войны. Были, конечно, и те, кто составлял партизанские отряды из своей дворни и уходил в леса. Но таких было немного. Большинство из оставшихся дворян держали своеобразный нейтралитет: с оккупантами не сотрудничали, но и сопротивления не оказывали.

Из тех дворян, кто остались «на милость победителя», некоторые пошли служить в органы французской администрации, собирали реквизиции в пользу захватчиков²⁴⁷.

Именно эти россияне, по разным причинам *добровольно* сотрудничавшие с захватчиками на вре-

менно оккупированной территории в ущерб своему Отечеству, и являлись, в соответствие с современной общепринятой академической терминологией, *коллорационистами*²⁴⁸, которые, при любом статистическом раскладе, составляли меньшинство населения.

Коллорационизм сопутствует практически всем отечественным войнам. Конечно, в каждой конкретной стране, подвергшейся агрессии, коллорационизм проявляется по-своему, но от этого он не перестает быть коллорационизмом, т.е. преступлением, совершенным против своего Отечества.

В ситуации, когда Отечество подвергается внешнему нападению, как правило, речь идет о возможной *утрате суверенитета страны, о массовой гибели мирного населения, об уничтожении материальных и культурных ценностей.*

Все это тем более важно иметь в виду, когда рассуждения ведутся о таком агрессоре, как нацистская Германия, намеревавшаяся физически истребить целые слои населения СССР по политическому и расовому признакам, поработить страну, установить т.н. "новый порядок". Война унесла жизни 26,6 млн граждан СССР, были разрушены 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень²⁴⁹. Общие потери гражданского населения СССР в Великой Отечественной войне составили 13,7 млн чел., в том числе 7,4 млн чел., *преднаме-*

ренно истребленных оккупантами на захваченной территории, 4,1 млн чел. умерших и погибших из-за жестоких условий оккупационного режима, 2,1 млн чел. погибших на принудительных работах в Германии (из 5,3 млн. «остовцев»)²⁵⁰.

Кроме того, нельзя игнорировать и другой существенный исторический факт - СССР, как победитель во Второй мировой войне, был одним из учредителей ООН и Международного военного трибунала над нацистскими преступниками, стал постоянным членом Совета Безопасности ООН, что подтвердило его легитимность не только как государства-участника войны с агрессором, но и как великой державы.

В этой связи не выдерживают никакой критики политизированные рассуждения *о степени "тоталитарности" государственного устройства того или иного Отечества как о причине, по которой можно оправдывать коллаборационизм как явление.* Ведь коллаборационисты, выступив с оружием в руках на стороне агрессора, убивали и истязали *сограждан*, "вина" которых заключалась лишь в том, что они защищали свое Отечество.

История XX века не дает убедительных свидетельств в пользу того, что в результате собственно внешней агрессии и действий коллаборационистов может быть улучшено общественное устройство той или иной страны.

Наоборот, исторический опыт учит тому, что прогрессивные (т.е. в интересах основной массы населения) улучшения политической системы страны, в том числе и кардинальные, могут стать устойчивыми, легитимными, как правило, только в том случае, если они происходят без внешнего, тем более, военного вмешательства. В конечном итоге, само общество (или его большинство) должно, в ходе эволюционных или революционных преобразований, определять свое политическое будущее.

Агрессия же обычно совершается той или иной страной для удовлетворения своих, вполне конкретных политических и экономических притязаний (захват территории, сырьевых ресурсов, рынков, контроль торговых путей, политическое доминирование в том или ином регионе и т.д.).

При этом, агрессор старается создать пропагандистское прикрытие для своего вторжения разговорами об "исторической справедливости", "защите прав" (религиозных, например). Попутно он стремится заполучить в союзники т.н. "пятую колонну", которая, потерпев поражение в открытой борьбе и потеряв какую-либо серьезную поддержку внутри страны, всегда готова к сотрудничеству с любым врагом своего Отечества.

Одновременно агрессор обязательно декларирует, что то общество, от имени которого он выступает, является идеальным носителем чуть ли не

божественных ценностей, образцом для подражания, что на практике чаще всего не только не соответствует действительности, но, наоборот, оказывается самым что ни на есть банальным информационным прикрытием весьма неприглядных явлений, происходящих внутри самой страны-агрессора.

Некоторые современные российские историки в погоне за "научной новизной", "историческими сенсациями" и своеобразно понятым "научным престижем", пытаются оправдывать коллаборационизм периода Великой Отечественной войны ссылками на жестокости сталинского режима (бытность которых, кстати, давно уже никто не ставит под сомнение. Как известно, официально «необоснованные массовые репрессии» были осуждены самим коммунистическим руководством еще в 1956 г. на XX съезде КПСС, т.е. спустя три года после смерти Сталина).

Но стоит ли при этом замалчивать общеизвестные факты, характеризующие специфические черты исторического развития Европы кануна Великой Отечественной войны. К этому времени «просвещенная» Европа была буквально наводнена диктаторскими режимами: Гитлер в Германии, Муссолини в Италии, Франко в Испании, генерал Антониу Кармона и Салазар в Португалии, маршал Петен во Франции, генерал Метаксас в Греции, маршал Антонеску в Румынии, адмирал Хор-

ти в Венгрии, Цанков, а затем царь Борис в Болгарии, Анте Павелич в Хорватии, Тисо в Словакии и т.д.

Конечно, все эти режимы возникли не одновременно и в разных исторических условиях, отличались друг от друга. *Но тенденция к установлению политических режимов именно такого типа была налицо.*

Почему же произошла своего рода "диктаризация" Европы? Прежде всего, сказались катастрофические последствия Первой мировой войны, проявившиеся в повсеместных длительных экономических кризисах, в основе которых лежали огромные хозяйственные диспропорции, возникшие в военные годы. На фоне падения гражданского производства и жизненного уровня населения шло укрепление и обогащение олигархических кругов, связанных с военным производством.

Во всех воюющих странах свертывалась демократия, суживалась сфера использования рыночных рычагов регулирования экономики, уступая место государственному регулированию сферы производства и распределения, что не могло не сказаться на послевоенном развитии Европы. Тридцатые годы XX века, в силу целого комплекса причин, прошли под воздействием сильнейшего экономического кризиса ("Великая депрессия"). Итоги Первой мировой войны не могли удовле-

творить побежденные страны, прежде всего, Германию. Началась подготовка к новой войне.

Важно подчеркнуть и другое: с помощью политологического термина "тоталитаризм" невозможно раскрыть специфику того большого числа диктаторских режимов, которые реально существовали в Европе накануне Великой Отечественной войны.

Нужны иные, *исторические подходы* к исследованию их своеобразия, иначе "тоталитарными" могут быть объявлены практически все действовавшие тогда политические режимы, если учесть политику "демократических" государств по отношению к населению своих колоний, закулисные сговоры, приводившие к новым захватам чужих территорий и, часто, гибели мирного населения (что иногда характеризуется как проявления т.н. «тоталитарной демократии»). Видимо, и сталинский режим, как один из типов диктаторского правления, нуждается в пристальном, сугубо историческом изучении.

При исследовании подобного рода политических образований крайне важно выяснить - пользовались ли они массовой поддержкой населения, если да, то почему, как со временем менялся уровень этой поддержки, насколько влияли на политику того или иного политического режима иные обстоятельства (геополитическое положение стра-

ны, ее национальный состав, особенности исторического развития и т.п.).

При этом нельзя упустить из виду существенный исторический факт: мировая история вообще не знает примеров "образцовых" (главным образом, влиятельных, крупных) государств, проводивших "честную политику". Напротив, столетиями наблюдаются бесконечная череда несправедливых, захватнических войн, конфликтов, соперничество военно-политических союзов.

В ходе этих войн, колониальных захватов, тайных сговоров крупные государства демонстрировали цинизм, презрение к нормам морали, жизни и благополучию других, менее сильных, народов.

С давних времен в международных отношениях действует культ силы: кто сильнее, тот и прав. Достаточно вспомнить Брестский мир (1918 г.), Мюнхенские соглашения (1938 г., яркий пример международного коллаборационизма), "спорное" применение США атомного оружия против Японии (1945 г.), вторжение советских войск в Венгрию (1956 г.), в Чехословакию (1968 г.), войну США во Вьетнаме (1965-1973 гг.).

То есть историк не может произвольно противопоставлять один политический режим другому. Не менее серьезной ошибкой было бы и их отождествление. Историк обязан руководствоваться принципом историзма, который, как известно, требует исследования прошлого с учетом кон-

кретно-исторической обстановки, во взаимосвязи и взаимообусловленности событий, с точки зрения того, как, в силу каких причин, где и когда возникло то или иное явление, какой исторический путь оно прошло.

Так, в истории всегда особое значение имели Отечественные войны, главным содержанием которых является отражение внешнего нападения. Причем, миссия организации отпора агрессии выпадает на тот политический режим, который действует *на момент вторжения агрессора*. "Гармоничное сочетание демократии" и *реальной способности действующего государства организовать отпор агрессору* существует только в теоретической конструкции. В исторической практике Отечественные войны выигрывались (или проигрывались) разными по своему существу политическими режимами.

Напомним: развязав в сентябре 1939 года Вторую мировую войну, фашистская Германия с поразительной быстротой разгромила ряд европейских государств. Так, с Данией было покончено за одни сутки, Голландией - за пять, Югославией - за двенадцать, Бельгией - за восемнадцать, Польшей - двадцать семь, Францией - тридцать девять, Норвегией - за сорок два дня²⁵¹.

На этом фоне было бы не исторично преувеличивать временные неудачи Красной армии на первом этапе Великой Отечественной войны - слиш-

ком был силен враг, сумевший в кратчайшие сроки разгромить армии ведущих европейских держав, черпавший материальные и человеческие ресурсы почти во всей, покоренной им, Европе.

Советский же Союз, в отличие от других европейских государств, в том числе и весьма крупных, не только выстоял, но и внес поистине решающий вклад в разгром злейшего врага человечества, коим был германский нацизм.

Победа СССР в Великой Отечественной войне была уникальной, имеющей и по сей день большое историческое значение.

Что же касается коллаборационизма, то опыт Второй мировой войны свидетельствует о том, что он не только не может решить хоть какой-нибудь задачи по улучшению общественного устройства страны в условиях оккупации, но, наоборот, политически и нравственно развращает население, показывая наихудшие образцы низменного, преступного поведения в период тяжелейших испытаний, которым неизбежно подвергается страна, ставшая жертвой внешней агрессии (например, "Режим Виши" во Франции).

В связи с этим сама постановка вопроса "герой или предатель?" по отношению к тому или иному коллаборационисту не корректна с научной точки зрения.

Другая ситуация складывается в том случае, когда исследователь хочет разобраться *в причинах*

совершенного преступления – добровольного сотрудничества с агрессором - как на уровне конкретной личности, так и целых групп.

Коллаборационизм (как, к примеру, и коррупция) не может быть полностью преодолен. Всегда найдутся люди, по разным причинам патологически ненавидящие не только государство, но и в целом свое Отечество (иначе трудно понять - почему коллаборационисты-каратели с оружием в руках, вместе с агрессором уничтожали в годы Великой Отечественной войны своих же сограждан, мирных жителей, которых даже предположительно нельзя отнести к каким-либо «политическим кликам», «угнетающим общество»).

При определенных обстоятельствах граждане, потенциально готовые к добровольному сотрудничеству с агрессором, становятся коллаборационистами. Одним из таких обстоятельств *является уровень надежности обороны страны*. Успехи (или поражения) на фронтах, а также соответствующая организация освободительного движения в тылу врага напрямую влияют на формирование коллаборационизма (т.е. он может усиливаться или ослабевать).

Необходимо иметь в виду и то, что население (особенно дети, женщины, пожилые люди), оказавшееся не по своей вине на оккупированной врагом территории, для того чтобы выжить, вы-

нуждено было, в той или иной мере, *взаимодействовать* с оккупационными властями.

Называть это взаимодействие «сотрудничеством» с научной точки зрения не корректно, т.к. сотрудничество предполагает «участие в общем деле», совместную работу²⁵². Оккупанты же, в рамках навязывания "нового порядка", вместе с коллаборационистами насильно заставляли население выполнять свои приказы и предписания.

Таким образом, вынужденное взаимодействие мирного населения с оккупационными властями (выживание в условиях оккупации) было результатом, прежде всего, военного, экономического, идеологического и психологического насилия со стороны агрессора.

Важно подчеркнуть и другое - далеко не все рядовые граждане, оказавшиеся на временно оккупированной территории, способны были на героические поступки (участие в подпольной работе, совершение актов саботажа и т.п.). И это нельзя считать преступлением против своего Отечества.

Социальные же обиды, нанесенные в прошлом советским государством, прежде всего, крестьянству, являлись *одним из факторов* усиления коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны.

Вместе с тем, коллаборационистские формирования, *оказывавшие вооруженное «содействие вермахту* (что являлось одним из самых тяжких

преступных проявлений добровольного сотрудничества с оккупантами) никогда не были массовым движением». Гитлеровцы использовали их на начальном периоде войны в качестве карателей, воюющих против партизан и мирного населения²⁵³.

Все эти и многие другие факты должны обязательно учитываться в ходе исследования такого сложного явления, как коллаборационизм периода Великой Отечественной войны.

А.В. Посадский, игнорируя особенности Великой Отечественной войны, как войны освободительной, направленной против внешнего врага, фактически подводит читателей к выводу о том, что крестьяне, *не попавшие* в оккупированную немецко-фашистскими войсками «полосу», оказались в худшем положении, так как находились под гнетом «террористического режима властвования», оставлявшего им «весьма не много официальных возможностей для проявления самостоятельной активности в сфере политической и военной» и «спокойного хозяйствования».

Можно предположить, что этот историк тем самым хочет показать, что *германская оккупация была меньшим злом, чем сталинский режим «властвования»*.

Видимо, не случайно А.В. Посадский, характеризуя поведение коллаборационистов, предпочитает интенсивно использовать термин «антисовет-

ское», а не общепринятое в исторической науке - «коллорабационистское».

То есть налицо *логическая уловка*²⁵⁴ (в данном случае - подмена терминов), с помощью которой данный историк, видимо, пытается решить сразу две задачи:

-закамуфлировать главное содержание подобной деятельности – добровольное сотрудничество с агрессором (коллорабационизм),

-представить коллорабационизм как борьбу за социальную справедливость.

В этом же смысле А.В. Посадский некритически использует термин «зеленые» для характеристики коллорабационистских формирований периода Великой Отечественной войны²⁵⁵.

Однако известно, что данный термин возник в специфических условиях Гражданской войны 1918-1921 гг. Им обозначали вполне определенную социальную группу, главным образом, крестьян, не желавших участвовать в братоубийственной войне между «белыми» и «красными».

В годы Гражданской войны, особенно в 1918-1919 гг., в России *не было легитимного общероссийского государства*, законам которого должно было подчиняться население. Страна фактически распалась на враждующие между собой территории, управляемые подчас весьма одиозными личностями.

Большевики, разогнав Учредительное собрание, узурпировали власть, подписали «похабный» Брестский мир с Германией и ее союзниками, развязали «красный» террор внутри страны.

Белые не признали ни большевиков, ни депутатов Учредительного собрания. В ноябре 1918 года в результате переворота, осуществленного адмиралом Колчаком, «Съезд членов Учредительного собрания» (бывший Комуч) был арестован, а в декабре часть бывших депутатов Учредительного собрания – расстреляны в Омске²⁵⁶. В некоторых программных документах белых говорилось уже о другом, «новом» Учредительном собрании²⁵⁷.

Таким образом, «красные», «белые» являлись (если использовать современную терминологию) «незаконными вооруженными формированиями», в которые не обязано было вступать население. Что же касается насильно "мобилизованных", то они по существу не были военными служащими в полном смысле этого слова.

Весьма любопытно наблюдение генерала А.Г. Шкуро - одного из непосредственных и активных участников тех событий. Он отмечал, что «громадное большинство» мобилизованных в Добрармию «состояло из людей, не имевших вообще никакого желания воевать или, тем менее, лечь костьми *за чужое им дело*; поэтому они неизменно сдавались, лишь только положение становилось опасным. Победители, как белые, так и красные,

щадили пленных из числа мобилизованных принудительно; вояки эти носили при себе документы, свидетельствующие, что они действительно мобилизованы, *причем большинство из них имели справки, выданные и белыми и красными*²⁵⁸.

«Мобилизованные белогвардейцами крестьяне, - вспоминал С.И. Гусев, начальник политуправления Красной армии, - целыми полками сдавались или переходили в ряды Красной армии. И, наоборот, из Красной армии перебежали к белым также целые крестьянские части. Мотив при этом был один и тот же у обеих половинок перебежчиков: *гражданский мир*»²⁵⁹.

Генерал Деникин с горечью отмечал, что русский народ «не усыновил также в родительской любви своей ни красной, ни белой армии: не нес им в жертву добровольно ни достатка своего, ни жизни»²⁶⁰.

Вот почему массовые побегии из подобных «формирований» (или уклонение от «призыва») были не преступлением, а естественной реакцией психически здоровых людей, понимавших *всю бессмысленность гражданской войны, не желавших участвовать «в войне всех против всех»*. (То есть, в условиях собственно гражданской войны едва ли можно вообще говорить о коллаборационизме и коллаборационистах.)

А.В.Посадский не учитывает кардинальных политических изменений, произошедших к 1941 го-

ду. К этому времени большевики, победившие в Гражданской войне, сумели создать легитимное, признанное в мире, государство²⁶¹.

В годы Великой Отечественной войны наблюдалось, действительно, дезертирство, т.е. «самовольное оставление военной службы, или уклонение от призыва в армию»²⁶², что *естественно* рассматривалось как уголовно наказуемое преступление, совершенное против своего народа, буквально истекавшего кровью в ожесточенных боях с агрессором.

В ходе Великой Отечественной войны сравнительно небольшая часть граждан Советского Союза, встав на путь коллаборационизма, *добровольно* выступила на стороне нацистской Германии²⁶³. Многие из этих людей стали *частью нацистского военного и полицейско-карательного механизма*.

Именно поэтому, после окончания войны они вполне логично выдавались, например, американцами советским властям, т.к. были взяты в плен «в германской форме» или их сотрудничество с «врагом» было доказано в ходе следствия «на основании серьезных доказательств»²⁶⁴.

Знаменательно и другое: в 2001 году Военная Коллегия Верховного суда Российской Федерации *отказалась реабилитировать бывшего генерала РККА А.А. Власова*. Однако прах бывшего царского генерала А.И. Деникина был с почестями погребен в самом центре Москвы²⁶⁵. И это не смотря

на то, что в годы Гражданской войны он руководил действиями одной из противоборствующей сторон.

Связано это было, прежде всего, с тем, что в годы Великой Отечественной войны А.И. Деникин, как настоящий русский офицер-патриот, не пошел на сотрудничество с немцами и, в определенной степени, способствовал победе СССР над нацистской Германией.

Коренное отличие гражданской войны от отечественной видно и в том - *за что* награждали орденами и медалями и кого считали героями.

Напомним: в советское время широко использовался пропагандистский трюк с прославлением т.н. «героев гражданской войны». Но были ли они героями в действительном смысле этого слова?

Так, И.Ф. Федько (1897-1939) в марте 1921 года участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, за что был награжден третьим орденом Красного Знамени. За участие в ликвидации Антоновского восстания был награжден четвертым орденом Красного Знамени²⁶⁶.

Г.К.Жуков (будущий крупный полководец Великой *Отечественной* войны 1941-1945 гг.) получил в 1922 году первый орден – орден Красного Знамени – за участие в боях *с антоновцами* под Жердевкой в марте 1921 года²⁶⁷.

Ф.К.Миронов, бывший казачий войсковой старшина, в годы Гражданской войны «отличил-

ся» в успешных операциях против своих же «братьев-казаков». В 1920 году он принял командование 2-й Конной армией, сыгравшей значительную роль в разгроме Русской армии Врангеля в Крыму. За «подвиги» в Гражданской войне Миронов был награжден орденом Красного Знамени (1918 г.) и «почетным революционным оружием с вызолоченным эфесом и наложенным на него орденом Красного Знамени» (1920 г.)²⁶⁸.

Главным же содержанием Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., еще раз подчеркнем, было отстаивание независимости Отечества, реально существовавшего легитимного государства, на защиту которого поднялось абсолютное большинство граждан СССР, среди которых численно преобладали крестьяне.

Именно в борьбе с внешним врагом более 11 тысяч граждан СССР были удостоены высшего почетного воинского звания – Герой Советского Союза. Среди них был и генерал Дмитрий Михайлович Карбышев. Как известно, попав в бессознательном состоянии в фашистский плен, он, однако, отказался сотрудничать с гитлеровцами (не смотря на то, что в прошлом был царским офицером).

В ночь на 18 февраля 1945 года в концлагере Маутхаузен, в числе других заключённых, он был казнен. Его имя стало символом несгибаемой воли, стойкости и верности военной присяге.

Все эти факты однозначно свидетельствуют в пользу того, что термин «зеленые» не может использоваться в академических трудах для характеристики коллаборационистских формирований периода Великой Отечественной войны.

В этом же плане не может не вызывать возражения, используемое А.В. Посадским, словосочетание «*партизанско-повстанческая борьба на оккупированных и прифронтовых территориях*»²⁶⁹. И в этом случае А.В. Посадский никак не обосновывает необходимости использования этого понятия применительно к особенностям Великой Отечественной войны (видимо, считая его также самоочевидным).

Вместе с тем, известно, что в то время *партизанами называли* прежде всего тех граждан СССР, которые боролись за освобождение Отечества от германских захватчиков.

Термин же «повстанцы» используется, главным образом, для обозначения людей восставших против социальной несправедливости, как правило, *в условиях гражданской войны, или менее крупного по своим масштабам внутреннего социального конфликта.*

Вряд ли этот термин может быть использован в качестве синонима по отношению к коллаборационистам – гражданам СССР, добровольно вступившим в союз с внешним врагом. То есть, и в этом случае можно констатировать *логическую*

уловку - необоснованное объединение в одном понятии содержания разных по смыслу терминов.

Использование А.В. Посадским логических уловок объясняет и другое - *почему он не проводит необходимой академической критики соответствующей терминологии, встречающейся в исторических источниках и литературе ("повстанцы", "зеленые").*

В своей монографии А.В. Посадский постоянно напоминает о том, что в местах «самоорганизации» крестьян (имеется в виду коллаборационистские формирования 1941-1944 гг.) - *в период коллективизации* фиксировалось «вооруженное сопротивление»²⁷⁰.

Но существует ли здесь прямая и очевидная связь с событиями Великой Отечественной войны? Ведь для того, чтобы доказать наличие этой связи, нужны очень серьезные документальные, причем, массовые свидетельства, которые должны *статистически* установить количество крестьян - участников выступлений *времен коллективизации* - в составе «антисоветских» «крестьянских» военизированных формирований *периода Великой Отечественной войны.*

Но сначала нужно установить *процент собственно крестьян* хотя бы в большинстве коллаборационистских военизированных формирований по годам (1941-1944 гг.). А.В. Посадский же не дает полной картины, а пишет лишь о наличии «от-

рывочных данных»²⁷¹ о крестьянском происхождении коллаборационистов.

Может быть, это случайное совпадение, но рассуждения А.В. Посадского очень созвучны положениям, изложенным в печально известном власовском «Манифесте Комитета освобождения народов России». В этом документе, в частности, указывалось, что «Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма...»²⁷²

Если это не случайное совпадение, то становится более понятным - почему в трактовке А.В. Посадского немецкая оккупация стала *лишь катализатором* этой «многолетней» борьбы.

Видимо, поэтому А.В. Посадский представляет рост численности коллаборационистских формирований как «самоорганизацию крестьянства», а формы «противоборства» с тогдашним советским политическим режимом как проявление «творчества».

Надуманность концепции «самоорганизации» применительно к событиям Великой Отечественной войны можно проиллюстрировать на примере т.н. «Локотского округа» («Локотский административный округ»²⁷³), истории которого А.В. Посадский уделяет особое внимание. Вероятно, в его представлении история этой «республики» и есть «классический» пример «крестьянской самоорганизации» того времени.

Он пишет: «*Вооруженные силы* Локотского округа начались с самооборонческого отряда в 18 человек, который весной 1942 г. превысил 1600. Затем начались *мобилизации* молодежи 1922-1928 г.р., что позволило создать пятиполковую бригаду, известную как Русская Освободительная Народная армия. Значительная часть вооруженных сил Локотского самоуправления округа также представляла собой местную деревенскую самооборону. При численности в 10000 бойцов в боевых частях на начало 1943 года, фактическая численность РОНА составляла 20 тысяч солдат и офицеров ввиду использования так называемых некадровых бойцов, контингент которых зачастую составляли негодные к военной службе по состоянию здоровья и многосемейные. Внештатные бойцы не получали обмундирования и других видов довольствия, имели более свободный график службы, несли охрану деревень по месту жительства»²⁷⁴. А.В. Посадский особо подчеркивает, что «постоянное *противоборство* с партизанами доказало *эффективность* соединения»²⁷⁵.

Однако автор монографии не приводит достаточно полной информации о том - как проходил процесс пополнения этих «вооруженных сил». Ведь сам факт численного роста коллаборационистского формирования еще не говорит о том, что все зачисленные в него были добровольцами или сознательными политическими противниками ста-

линской системы. (Для сравнения: во Франции, хотя там не было режима, подобного сталинскому, во время Второй мировой войны наблюдался массовый коллаборационизм, в т.ч. и военный.)

Таким образом, А.В. Посадскому, в первую очередь, нужно было на солидной документальной базе показать, что массовый приток бойцов в «РОНА» был добровольным. Он же пишет о «мобилизациях», которые и позволили «создать пятиполковую бригаду, известную как Русская Освободительная Народна Армия»²⁷⁶.

Затем исследователь, опять же на документальной основе, должен был выявить причины добровольного вступления в ряды «РОНА». Они могли быть самыми разными: возможность регулярного получения продовольственного пайка, стремление избежать отправки на работы в Германию или повысить свой социальный статус в условиях оккупационного режима.

Добровольно в "РОНА" могли вступить уголовные элементы - там не только кормили, одевали, снабжали оружием, но и всячески поощряли участие в варварских акциях против партизан и мирного населения.

Лишь выяснив реальные причины добровольного вступления в "РОНА", можно подступиться к поиску ответа на другой важный вопрос - сколько же было в "РОНА" добровольцев - политических противников сталинского режима? Но и этого бу-

дет недостаточно. Понадобятся исследования, фиксирующие изменения в политических настроениях коллаборационистов по мере развертывания событий Великой Отечественной войны.

По итогам изучения данной проблемы ученый должен каким-то образом раскрыть содержание соответствующей методики исследования.

То есть традиционная *игра "в примеры"*, которой до сих пор увлекаются некоторые историки, в т.ч. и А.В. Посадский, в данном случае бессмысленна - *нужны статистические обобщения*. Без них вся концепция А.В. Посадского о «самоорганизации» крестьянства в «антисоветские» формирования на оккупированной немцами территории лишается каких-либо убедительных оснований.

Нужно учитывать, что германское командование, чтобы обеспечить регулярный приток бойцов во «вспомогательные части» и иные подобные формирования, использовало целый комплекс специальных мер: от пропагандистских акций, с помощью которых среди населения оккупированных территорий подрывалась вера в возможность победы Красной Армии - до шантажа, провокаций и угроз.

В этой связи можно согласиться с Б.Н. Ковалевым, который в своей монографии «Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы» показал, что "от безысходности многие соглашались надеть фашистский мундир, надеясь при

удачном случае с оружием в руках перейти на сторону партизан или Красной Армии"²⁷⁷.

А.В. Посадский же, не имея необходимых документальных подтверждений, пытается простой рост численности «РОНА» преподнести как "самоорганизацию" крестьян, как доказательство их политического выбора в пользу борьбы со сталинским «режимом властвования» в союзе с внешним врагом - нацистской Германией.

Видимо, автор монографии считает, что это позволило бы "крестьянам" получить "в отчасти полосе свободы" больше "официальных возможностей для проявления самостоятельной активности в сфере политической и военной".

Сомнение в обоснованности такого подхода еще более усиливается, если взять во внимание тот факт, что этот исследователь затушевывает, а то и просто игнорирует широко известные факты, не вписывающиеся в его «синергетическую» концепцию «самоорганизации» крестьян, а именно:

1) так называемая «Локотская республика» появилась при прямой поддержке немецкого командования²⁷⁸;

2) именно гитлеровское командование реорганизовало Локотский район в уезд, а затем (на основании приказа командующего 2-й танковой армии генерал-полковника Рудольфа Шмидта от 19 июля 1942 года) в округ, включив в его состав 8 районов Орловской и Курской областей²⁷⁹;

3) это же командование назначило Б. Каминского «обер-бургомистром», обязав его «заботиться о спокойствии и порядке» на территории округа и «осуществлять поставки продовольствия» для немецких войск²⁸⁰;

4) именно гитлеровцы «предоставили» Каминскому офицеров из числа советских военнопленных²⁸¹;

5) т.н. "РОНА" получала оружие и униформу от германцев²⁸²;

6) «РОНА» принимала самое активное участие в жесточайших карательных акциях против мирного населения и патриотов-партизан, тем самым реально помогала немецкой армии "зачищать" тылы.

Всего на территории Брянской и Витебской областей в 1941—1943 годах подразделения "РОНА" полностью сожгли 24 деревни и 7300 колхозных двора, разрушили 767 общественных и культурных учреждений, уничтожили более 10 тыс. советских граждан, заживо сожгли 203 человека²⁸³.

Именно в Локоте действовала печально знаменитая "Тонька-пулеметчица" - палач Антонина Макарова (Парфенова, Гинзбург), лично расстрелявшая из пулемета более 1500 партизан, членов их семей, мирных жителей, укрывавших партизан или заподозренных в нелояльности к гитлеровцам и их пособникам²⁸⁴;

7) в начале марта 1943 года, когда советские войска достигли окраин Локотского округа, мно-

гие «каминцы», не принимая боя, дезертировали, а до 700 человек перешли на сторону партизан. В августе — сентябре этого же года к партизанам перешли 500 бойцов. 15 сентября к партизанам ушла в полном составе рота под командованием капитана Проваторова вместе с 15 лошадьми, 12 повозками, минометом, 3 пулеметами, 10 автоматами и 60 винтовками. Готовился к переходу и майор Тарасов, командир 2-го стрелкового полка. Но переход по случайности не состоялся - "неожиданно" в штабе полка появился Каминский, и большинство офицеров, ранее поддерживавших Тарасова, "быстро от него отвернулись". В результате Тарасов и еще 8 человек были казнены. В ночь с 16 на 17 сентября к партизанам перешло 27 бойцов во главе с капитаном Малаховым», и еще 126 человек из разных батальонов 2-го полка. 25 сентября из бригады ушли 30 танкистов.

В отчете за октябрь 1943 года Центрального Штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования указывалось, что «бригада изменника Каминского, насчитывавшая ранее до 12000 человек личного состава, на 4 октября 1943 года имела в своем составе *только 3600 человек*. Остальной состав бригады или дезертировал, или перешел к партизанам, или *арестован немцами*. В бригаде существовали *подпольные группы*, ставившие своей целью убийство

Каминского и организационный переход к партизанам»²⁸⁵;

8) 17 июля 1944 г. т. н. "Русская освободительная народная армия" была официально реорганизована в штурмовую бригаду СС "РОНА", а 1 августа этого же года был издан приказ об образовании 29-й гренадерской *дивизии* СС "РОНА" («1-я русская»)²⁸⁶. Таким образом, лицемерные рассуждения о "самоуправлении" были отброшены, и «РОНА» стала подразделением войск СС;

9) 31 июля 1944 г. главе "самоуправляющихся крестьян" - Брониславу Каминскому - гитлеровцы присвоили звание ваффен-бригадефюрера и наградили Железным крестом 1-й степени²⁸⁷;

10) в августе 1944 года «каминцы»-эсэсовцы приняли участие в подавлении Варшавского восстания. Сводный полк «РОНА» под командованием штурмбанфюрера СС И. Фролова проявил чрезвычайную жестокость. Мародёрством занимались как гитлеровцы, так и каминцы²⁸⁸.

В свете этих фактов, мягко говоря, сомнительным выглядит утверждение А.В. Посадского о том, что «никак нельзя сказать о преобладании уголовных или деклассированных элементов»²⁸⁹ в «РОНА»²⁹⁰.

Но даже если допустить, что в начале формирования "РОНА" собственно уголовников в ее составе было немного, то по мере проведения *карательных и иных подобных операций* против парти-

зан (защищавших Отечество от агрессора и его пособников), а также против мирного населения, - *все их участники* автоматически становились людьми, совершившими уголовно наказуемые деяния.

В связи с этим коллаборационисты закономерно попадали под действие советского уголовного законодательства, а также правовых актов, принятых государством в период войны (например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. устанавливал такой вид смертной казни, как повешение, лишение свободы в виде каторжных работ для виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников)²⁹¹.

Кроме того, А.В. Посадский не стал изучать еще один существенный исторический факт – *мобилизации в «РОНА» советских пленных*, представлявших, естественно, не только Локотский округ и не только крестьян. По данным Д.Жукова и И.Кофтуна «призывные комиссии» Каминского работали не только в сельской местности, *но и в лагерях для военнопленных, находившихся под юрисдикцией органов тылового обеспечения группы армий «Центр»*²⁹².

Таким образом, выводы А.В. Посадского о «самоорганизации», «военно-политическом творчест-

ве крестьян», сформировавшейся «своего рода повстанческой государственности»²⁹³ применительно к периоду Великой Отечественной войны (в т.ч. и к «Локотскому округу») не подкреплены историческими фактами и поэтому не состоятельны.

На самом деле гитлеровцы с помощью коллаборациониста, а затем и офицера войск СС Б. Каминского сформировали действующее карательное подразделение «РОНА» для подавления и запугивания местного населения, уничтожения партизан-патриотов, а затем (уже в качестве эсэсовского подразделения) и граждан других, оккупированных немцами, стран, также защищавших от внешнего врага свое Отечество.

Для обеспечения карательной деятельности, прежде всего, и была создана немцами *инфраструктура*, получившая название «Локотский административный округ» («Локотский самоуправляемый округ»), которую и сам А.В. Посадский, отбросив свои же рассуждения о более «спокойной» жизни крестьян «в полосе свободы», вынужден характеризовать как «военную диктатуру»²⁹⁴.

Если и можно говорить о каком-то "творчестве", то только о *творчестве германского командования*, организовавшего в качестве эксперимента масштабный военно-политический фарс под названиями "Локотский округ" и "РОНА".

Видимо, совсем не случайно *А.В. Посадский* обошел полным молчанием существование и содержание фундаментальной монографии *В.Т. Анискова "Крестьянство против фашизма. 1941-1945. История и психология подвига"*²⁹⁵, вышедшей, кстати, в свет в 2003 году, т.е. раньше, чем анализируемая монография *А.В. Посадского*. (Вероятно, такой подход можно квалифицировать как игнорирование существенных методолого-историографических фактов.)

В главе IV монографии *В.Т. Анисковым* представлен разносторонний и достоверный материал, показывающий *массовую героическую борьбу крестьянства* с захватчиками на временно оккупированной территории СССР²⁹⁶.

В то же время, историк повествует о *реальных трудностях* в организации массового партизанского сопротивления в первые месяцы войны.

«Даже командиры,- подчеркивает *В.Т. Анисков*, - не имели ясного представления, с чего начать, какой может быть организационная форма подразделений, как взаимодействовать, какова тактика борьбы и т.п.».

Попавшие в окружение и примкнувшие к партизанскому движению военные «имели смутное понятие о борьбе в тылу врага, ибо она не отражалась ни в воинских уставах, не изучалась ни в академиях, ни в военных училищах».

То же наблюдалось в организации партийно-комсомольского и советского подполья. «Быстрое продвижение противника, отсутствие заблаговременно подготовленных кадров и баз нередко приводили к поспешности, нарушениям даже простейших правил конспирации, к элементарной беспомощности. В результате в подполье иногда оказывались случайные, недостаточно проверенные люди - не только малодушные, но и склонные к предательству».

*Между тем враг хорошо был натаскан на беспощадном подавлении антифашистских организаций, как в самой Германии, так и в европейских странах, имел разветвленный аппарат спецслужб. И как следствие, в первые же недели и месяцы войны были разгромлены не одна сотня партийных и комсомольских комитетов разных уровней, в застенках гестапо мученической смертью погибли тысячи верных сынов и дочерей Отечества*²⁹⁷.

Опыт подпольной и партизанской работы накапливался постепенно. Осенью 1943 года в тылу немцев действовали уже 24 обкома, свыше 370 окружкомов и других партийных органов. "Официально известно, - отмечает В.Т. Анисков, - что в годы войны действовало более 6 тыс. партизанских отрядов, в которых боролись свыше 1 млн человек".

К началу 1944 года "около 41 процентов бойцов партизанских отрядов и соединений составляли крестьяне-колхозники... Под контролем партизан и организованного подполья в той или иной мере находилось до 60 процентов оккупированной территории. Но приведенные сведения о составе партизанско-освободительного движения основаны лишь на данных ЦШПД и не охватывают децентрализованных партизанских структур и организованного резерва, который примерно втрое превышал подотчетные сведения", - сообщает исследователь²⁹⁸.

Б.Н. Ковалев, рассуждая о коллаборационизме периода Великой Отечественной войны, также призывает подходить к этому явлению *сугубо исторически*. Например, реконструкция этого явления будет сильно искажена, если не учитывать тот существенный факт, что многие из тех, кто перешел на сторону немцев, *затем раскаялись и присоединились к борьбе с захватчиками*.

Важно иметь в виду и такой момент, как *зависимость интенсивности сотрудничества различных категорий граждан СССР, оказавшихся не по своей воле на оккупированной территории, от реального положения на фронтах Отечественной войны*.

После срыва планов блицкрига, а также после того, как население убедилось в лицемерном и человеконенавистническом характере оккупацион-

ного режима, в условиях активизации советского партизанского движения и подпольной работы, *многие коллаборационисты также стали пытаться искупить вину перед Отечеством*²⁹⁹.

"По современным немецким данным, - указывает Б.Н. Ковалев, - в начале 1943 года в вермахте действовало до 400 тыс. «добровольных помощников», от 60 тыс. до 70 тыс. находились в войсках службы по поддержанию порядка и 80 тыс. - в восточных батальонах; около 183 тыс. человек работало на железной дороге в Киеве и Минске". Но "при рассмотрении последних цифр, - особо подчеркивает историк, - следует учитывать, что в большинстве случаев речь шла не о политическом выборе, а о стратегии выживания"³⁰⁰.

Так, исследователь пришел к выводу о том, что при формировании различного рода "вспомогательных" подразделений, "восточных формирований" гитлеровцы систематически применяли *истязание голодом и побоями*. Люди оказывались перед выбором: либо принудительная служба в германской армии, либо голодная смерть, либо каторжные работы в Германии³⁰¹.

Уже к концу лета 1942 года германское командование приступило к *насильственной мобилизации годных к военной службе мужчин от 18 до 50 лет*, что означало: "на смену скрытой мобилизации пришло открытое принуждение с применением против уклоняющихся санкций - вплоть до

привлечения к суду по законам военного времени, взятия из семей заложников, выселения из дома и прочих репрессий".

Б.Н. Ковалев приводит потрясающие факты издевательств гитлеровцев над населением: "Под Брянском осенью 1942 года к охране железных дорог привлекались местные жители. *Они охраняли пути под виселицами, на которых их должны были бы повесить в случае успешной партизанской акции*"³⁰².

Особое подозрение у немцев вызывали пленные советские офицеры. Считалось, что «они находятся под коммунистическим влиянием и в большинстве являются шпионами». И, действительно, имелись факты, когда принятые в коллаборационистское подразделение офицеры в первом же бою переходили на сторону Красной армии.

То есть немецкие вербовщики не учли того момента, что для многих пленных "форма добровольцев была единственной возможностью вырваться из лагеря". В результате расчет на подобные формирования оказался несостоятельным, и немцам приходилось постоянно держать у себя в тылу значительное количество собственно немецких подразделений³⁰³.

Германское командование не гнушалось использовать и откровенные провокации: *под видом партизан самые настоящие шайки бандитов грабили мирное население и тем самым восстанавли-*

*вали население против советского сопротивления*³⁰⁴.

Повествуя о коллаборационистской бригаде полковника Гиль-Родионова, действовавшей вместе с немцами в Белоруссии, Б.Н. Ковалев отмечает, что она в 1943 году *"почти в полном составе перешла на сторону партизан, а ее командир через некоторое время погиб в бою с карателями"*³⁰⁵.

Таким образом, к концу 1943 года фашистская система привлечения русского населения на службу Германии была полностью дискредитирована³⁰⁶.

Кроме того, "никогда немецкое руководство (в отличие от своих пропагандистских заявлений) не считало эти силы своими политическими союзниками, никогда серьезно не рассматривало идеи воссоздания «Великой России без коммунистов».

Б.Н. Ковалев справедливо считает несостоятельными утверждения отдельных современных российских историков о том, что "некоторые руководители фашистской Германии стремились создать жизнестойкое русское антисталинское движение"³⁰⁷.

Факты, добытые профессионально подготовленными историками, говорят о том, что главной предпосылкой сотрудничества населения с агрессором стали *крупные поражения Красной армии,*

быстрое продвижение гитлеровских войск по территории СССР в 1941-1942 гг.

В результате миллионы граждан *не по своей вине* оказались на оккупированной территории и *вынуждены были приспособливаться к создавшимся условиям.*

В этом смысле можно говорить о вполне естественном недовольстве сталинским руководством со стороны населения, подвергнувшегося страшным испытаниям. Из-за серьезных просчетов в подготовке страны к обороне, массовых репрессий в вооруженных силах сталинский политический режим не смог защитить должным образом значительную часть населения СССР.

Поэтому в эти годы, в условиях оккупации, среди населения стали широко распространяться настроения безысходности, уныния, разочарования в руководстве СССР, заявлявшего накануне войны о непобедимости Красной армии. Кроме того, в этот момент никто не мог знать - каков будет итог начавшейся войны.

Однако было бы не исторично отождествлять вынужденное взаимодействие населения с оккупантами с добровольным сотрудничеством.

Именно добровольное сотрудничество с агрессором в условиях военных действий, оккупации или плена и было коллаборационизмом - преступлением, тяжесть которого зависела от масштаба

ущерба, нанесенного Отечеству этим сотрудничеством.

Вынужденное же взаимодействием мирного населения с гитлеровцами (выживание в условиях оккупации) было, преимущественно, результатом военного, полицейского, экономического и психологического насилия со стороны оккупационных властей и коллаборационистов.

Важной составляющей информационной войны, развязанной нацистами против СССР, было массовое тиражирование мифа о том, что "Великая Германия" якобы являлась "освободительницей России". Но при этом гитлеровцы умышленно не раскрывали своих чудовищных планов по установлению "нового порядка" на территории СССР в случае победы.

Однако по ходу войны мирное население на своем опыте убеждалось в сущности этого "порядка", что не могло не стимулировать развертывание освободительного движения на оккупированных территориях.

В связи с этим, попытки некоторых исследователей охарактеризовать партизанское движение, в основном, как «искусственное», насаждаемое советскими спецслужбами, не историчны.

С другой стороны, «насаждение», а лучше сказать планомерная организация партизанского движения спецслужбами СССР, не может трактоваться как отрицательное явление. Советское го-

сударство не только должно, но и обязано было организовывать освободительное движение на оккупированных нацистами территориях. Партизанское движение, подпольная работа и т.п. – это методы ведения Отечественной войны.

Решающим фактором, подрывавшим основы оккупационного режима (составной частью которого были коллаборационисты) являлись победы Красной армии на фронтах Великой Отечественной, постепенное освобождение территории СССР от захватчиков.

Особо подчеркнем: победа над нацистской Германией не могла состояться, если бы подавляющее большинство советских людей не проявило массовый ратный и трудовой героизм и тем самым не поддержало действующее государство в его усилиях по разгрому агрессора.

То есть, патриотизм граждан СССР оказался сильнее, чем социальные обиды, нанесенные в прошлом сталинским режимом. Вот почему искусственно развязать гражданскую войну нацистам не удалось, хотя это и входило в их планы.

Что же касается *абсолютных* цифр, характеризующих сотрудничество с гитлеровцами части советских граждан, то они не могут быть научным доказательством развертывания "гражданской войны". С их помощью невозможно выделить из общего числа граждан СССР, *по разным причинам вставших на путь сотрудничества с окку-*

пантами, более или менее точное количество коллаборационистов - *политических противников сталинского режима* (коллаборационизм на политической основе).

Если же учесть, что численность коллаборационистов могла меняться по ходу развертывания событий Великой Отечественной войны, то становится ясно - комплексное исследование этого вопроса, в лучшем случае, находится в самом начале.

То есть, концепция "второй гражданской войны" лишена самого главного – доказанной (с академической точки зрения) фактической основы.

Вероятно, поэтому ее сторонники предпочитают: а) замалчивать массовый характер сотрудничества с оккупантами *в ряде европейских стран*, также подвергшихся немецкой агрессии, б) не сравнивать характер этого сотрудничества с «советским коллаборационизмом», демонстрируя тем самым необъективность и не историчность своих подходов к Великой Отечественной войне.

Кроме того, решающее значение на фронтах Великой Отечественной войны имели *регулярные* воинские подразделения Германии и СССР, а не части, сформированные гитлеровцами из коллаборационистов, принявшие участие в боях с Красной армией и партизанами. Это существенный, общепризнанный исторический факт, который говорит в пользу того, что и в этом смысле Великую Оте-

чественную войну никак нельзя характеризовать, как "гражданскую".

Итак, попытки представить Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. как "продолжение" Гражданской войны 1918-1921 гг. ("вторая гражданская война") с академической точки зрения не состоятельны.

Сторонники этого подхода (по разным причинам) смешивают два совершенно разных типа войн - отечественную и гражданскую. Это, в свою очередь, ведет к недопустимой подмене понятий, научно необоснованным выводам, к явному "конструированию" прошлого.

Ярким примером такого подхода является анализируемый раздел монографии А.В. Посадского. Использование т.н. «синергетической парадигмы» привело автора книги к подмене принципа историзма «принципом самоорганизации», что и стало основой причиной искажения истории формирования и краха коллаборационизма периода Великой Отечественной войны.

3.7. Политизированное «конструирование» прошлого (политизированный постмодернизм)

Историческое познание в России (как и в других странах³⁰⁸) с начала своего профессионального становления (пер. пол. XVIII в.)³⁰⁹ и до наших дней испытывает на себе воздействие политики. Это связано прежде всего с тем, что академическая история анализирует исторические изменения

в стране и мире. Правящие политические элиты объективно заинтересованы в том, чтобы средствами этой отрасли знания (через образовательную систему, средства массовой информации и т.д.) способствовать укреплению политической стабильности в обществе. Оппозиционные силы также стремятся использовать потенциал академической истории в целях создания своей версии истории страны.

Исследователи в своей деятельности, в той или иной форме, по разным причинам и с различных позиций вынуждены учитывать наличие политического фактора. Так, уже В.Н. Татищев шел к пониманию и оценке исторических явлений от практических задач политической жизни³¹⁰. Споры вокруг т.н. «норманнской теории», как известно, также носили во многом политизированный характер³¹¹. Н.М. Карамзин заявлял, что «История народа принадлежит царю!»³¹² М.П. Погодин развивал теорию «единения царя с народом»³¹³ и т.д.

Наиболее мощное политическое давление отечественная академическая история испытала в *советское время*. Профессиональному сообществу была навязана марксистско-ленинская концепция исторического процесса как «единственно правильная». Как отмечал И.Д. Ковальченко (1995 г.), марксизм в СССР стал «официальной государственной идеологией и был не только абсолютизирован как единственная научная теория, с одной

стороны, но и предельно догматизирован и примитизирован, с другой»³¹⁴.

То есть профессиональные историки *вынуждены* были проводить исследования, руководствуясь одной концепцией исторического процесса и при этом неизбежно «конструировать» историю. (Другой вопрос - насколько в тех исторических условиях тем или иным исследователям удавалось все же получать новое, оригинальное историческое знание?)

Но что интересно: в современной российской историографии, уже на новой основе, *когда никто не заставляет* использовать марксистско-ленинские идеологические постулаты, видимо, по инерции продолжают сохраняться *советские политические стереотипы* восприятия и «конструирования» прошлого.

Так, например, историки В. Данилов, Т. Шанин и другие авторы вводных статей к сборнику документов «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»)», опубликованном в 1994 году, писали: «Тем не менее, как бы сложно ни складывались отношения большевиков и крестьянства, они выдержали удары *контрреволюции*. Крестьянская (антипомещичья и антицаристская) революция продолжалась и явилась одним из главных факторов победы над белыми, желто-голубыми и проч.», «оправданием суровой бескомпромиссности и даже жестокости

служила реальная угроза голода для миллионов людей и условия начавшейся *гражданской войны, на фронтах которой решалась судьба революции*»³¹⁵.

С академической точки зрения, данные авторы не корректно используют термин «контрреволюция». В их понимании контрреволюционеры – все, кто выступали против диктатуры большевиков. Но законно избранным в ноябре 1917 года органом народной власти стало Учредительное собрание (а не ВЦИК и Совет народных комиссаров). В выборах депутатов этого высшего законодательного органа страны приняло участие 50 млн. избирателей из примерно 80 млн. В результате было избрано 715 депутатов: 370 эсеров, 175 большевиков, 86 представителей от национальных групп, 40 левых эсеров, 17 кадетов, 15 меньшевиков, 2 представителя трудовой народно-социалистической партии, 1 не назвал своей принадлежности³¹⁶. Набрал такое количество голосов, коммунисты должны были уступить воле народа. Но этого не произошло. Учредительное собрание было разогнано ими 6 января 1918 года, просуществовав немногим более 12 часов³¹⁷.

Это трагическое событие, как известно, стало одной из важнейших причин Гражданской войны. Нужно подчеркнуть, что идея созыва нового Учредительного собрания присутствовала в программных документах самых разных антибольше-

вистских сил времен Гражданской войны, в том числе и участников Антоновского восстания³¹⁸, что говорило о ее большой социально-политической привлекательности в глазах народа.

Кроме того, нужно учитывать реалии развернувшейся братоубийственной войны. А.Л. Литвин прав, когда пишет, что «в 1918 году в России существовало не менее двух десятков различных правительственных режимов, советский – один из них. Видимо, говоря о том времени, следует отказаться от устоявшегося мнения о том, что в октябре 1917 г. было создано государство, политике которого было обьязано подчиняться все население России. Это право еще нужно было завоевать в годы гражданской войны»³¹⁹.

Таким образом, проблема «революционеры - контрреволюционеры» не так проста, как кажется некоторым исследователям. И здесь «идти за документом» некорректно.

В современной исторической литературе не редко «контрреволюционными» объявляются все, кто не дал России развиваться по пути, намеченному Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 г.

Так, И.Н. Ионов утверждает, что после Октябрьской революции Россия вступила в фазу «глубокого цивилизационного кризиса», в качестве социалистической страны она была противопоставлена мировой капиталистической цивили-

зации. «Ценности буржуазного развития – индивидуализм, рыночные отношения, демократические свободы были постепенно отброшены»³²⁰.

Профессор Лондонского университета Д. Хоскинг также считает, что в результате этой революции практически полностью были уничтожены «ростки гражданского общества»³²¹.

К юбилею Февральской революции 1917 года по общероссийскому телеканалу «ТВЦ» 24 марта 2007 года был показан документальный фильм с красноречивым названием «От Февральской революции к Октябрьской контрреволюции». Позиция авторов этого произведения в целом совпадает с мнением бывшего министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского (1881-1970), который также считал большевистскую революцию «контрреволюцией»³²².

Применительно к 1919 году, когда Россия окончательно погрузилась в водоворот кровавой братоубийственной войны, имевшей уже свою логику развития, термины «революция» и «контрреволюция» с трудом поддаются вообще какой-либо академической интерпретации (хотя в самих исторических источниках они встречаются часто).

Очевидно, что исследователи больше не могут просто пересказывать содержание исторических документов и, вслед за их авторами, догматически продолжать говорить о «революционерах» и «контрреволюционерах» периода Гражданской

войны. Речь может идти, например, лишь о противоборствующих политических группировках, не сумевших удержаться в правовом поле и широко использовавших методы террора против населения и захваченных в плен.

Значительный сегмент современной российской исторической науки, претендующий (явно или косвенно) на статус «либерального», также во многом политизирован.

Если в советское время достижения дореволюционных историков принижались по указке руководящих органов коммунистической партии, то в настоящее время принижение реальных достижений советских исследователей происходит, главным образом, по инициативе отдельных групп ученых³²³. В этом отношении типичными являются очерк Ю.Н. Афанасьева «Феномен советской историографии»³²⁴ и коллективный труд «История исторического знания»³²⁵.

Ю.Н. Афанасьев, историк «либерального» направления, опубликовав в целом интересный материал, однако впадает в крайность, объявляя всю «советскую историческую науку» «мощным средством репрессий»³²⁶.

Раздел книги «История исторического знания», посвященный, главным образом, советской исторической науке, был назван Л.П. Репиной и ее соавторами «Служанка идеологии»³²⁷. Если в статье Ю.Н. Афанасьева упоминается достаточно много

фамилий советских историков (в основном, в негативном плане), то в указанном выше разделе «Истории исторического знания» назван один М.Н. Покровский, и то в связи с осуждением в 1938 году его исторической школы³²⁸. Это еще одна из форм политизации современной академической истории - замалчивание достижений советских ученых.

Указанные выше «либеральные» авторы не учитывают того факта, что, не смотря на сильное политическое давление, оказываемое на ученых в советское время, академическая история не стояла на месте.

Советским историкам все же удалось внести весомый вклад в исследование прошлого (не смотря на то, что им приходилось создавать свои произведения в рамках марксистско-ленинской концепции истории).

Достаточно упомянуть творчество таких ученых, как В.И. Авдиев, А.В. Арциховский, Б.Д. Греков, Е.В. Гутнова, И.М. Дьяконов, А.И. Данилов, Е.А. Косминский, А.Д. Люблинская, А.Н. Насонов, Л.Н. Пушкарев, С.Д. Сказкин, М.Н. Тихомиров, З.В. Удальцова, С.Л. Утченко, Л.В. Черепнин, С.О. Шмидт, Е.М. Штаерман, В.Л. Янин. В советское время дальнейшее развитие получила отечественная историография (труды Е.Н. Городецкого, В.Е. Иллерицкого, Р.А. Киреевой, С.Л. Пештича, Н.М. Пирумовой и др.).

Кроме того, историческая наука в России после Октябрьской революции 1917 года развивалась не одинаково (20-е, 30-е, военные и послевоенные годы, хрущевская «оттепель», период брежневского правления, горбачевская «перестройка»).

Политические и иные особенности каждого из названных периодов предполагали различный подход к интерпретации отдельных марксистско-ленинских теоретических положений применительно к конкретно-историческому исследованию. Многое зависело от личности самого историка.

Так, в сталинские времена Е.В. Тарле в скрытой форме фактически оспаривал марксистское определение бонапартизма («лавирование» между классом феодалов и буржуазии). В книге «Наполеон» историк утверждал, что французский император, встав на путь «политической реакции», проводил политику, выгодную прежде всего крупной торгово-промышленной буржуазии³²⁹. В фундаментальной работе «Крымская война» Е. В. Тарле удалось развенчать некоторые высказывания Ф. Энгельса относительно внешней политики России, русской армии и др.³³⁰

Б.Г. Могильницкий отмечал, что после смерти Сталина начались теоретико-методологические дискуссии, протекавшие «под знаком преодоления сталинской догматизации истории», что способствовало «дисциплинарному самоопределению советской историографии, определенному размеже-

ванию ее по предмету исследования с историческим материализмом и выработке собственного методологического аппарата»³³¹.

По мнению А.В. Лубского, в 70-80-х гг. XX в. наиболее творческие советские историки пытались «интегрировать в марксистское методологическое сознание целый ряд новаций, таких как идея многовариантности исторического процесса, проблемы «человека в истории» и «истории в человеке», историческое моделирование и использование количественных методов в исторических исследованиях»³³².

В это время стали появляться научные работы, в которых стало возможным «подправлять» самого Ленина. Так, Е.В. Гутнова, приведя известное его высказывание о том, что «исторические заслуги судятся не потому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а потому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками», тут же замечает, что «вместе с тем необходимо учитывать также значимость этих «заслуг» и для последующего развития историографии, а также их актуальность и научную ценность для нашего времени»³³³.

И еще один важный момент. Отрицая значение марксистско-ленинской концепции исторического процесса как единственно возможной и правильной, в то же время, нельзя не видеть ее сильных эвристических сторон: пристальное внимание к

истории народных движений, экономической истории, удачное использование отдельных положений диалектико-материалистического подхода к анализу исторических фактов³³⁴. В связи с этим было бы ошибкой сбрасывать со счетов достижения советских методологов. Особенно это относится к творчеству М.А. Барга, Б.А. Грушина, Э.В. Ильенкова, П.В. Копнина.

«История исторического знания» демонстрирует еще одну форму политизации академической истории: на фоне принижения достижений советских историков происходит восхваление трудов ряда зарубежных исследователей.

Не случайно сразу же после раздела «Служанка идеологии» следует разделы ««Бои за историю». История как проблема», «Новая историческая наука». В последующих разделах подробно говорится о «новой социальной истории», «социальной истории ментальностей», «новой локальной истории» и т.д. При этом называются имена зарубежных историков, обильно цитируются их работы. Создается впечатление, что авторы книги именно эти направления зарубежных исследований преподносят как достойные внимания.

Так, о «новой» локальной истории читаем следующее: «Наиболее перспективный путь к осуществлению проекта социоистории, включавшей в свой предмет социальные аспекты всех сторон ис-

торического бытия человека, открылся в «новой локальной истории»»³³⁵.

При этом полностью игнорируется (и поэтому не анализируется и не сравнивается) богатый российский опыт локально-исторических исследований.

Достаточно вспомнить труд В.В. Крестинина «Краткая история о городе Архангельске» (1792). Именно этот исследователь первым обратился к изучению российских семейных крестьянских архивов³³⁶. Д.И. Иловайский опубликовал монографию «История Рязанского княжества» (1858), которая явилась важным вкладом в развитие научных основ локальной истории³³⁷. Истории местного управления России XVI-XVII вв. на примере уездов Московского государства были посвящены труды А.Д. Градовского³³⁸. М.М. Богословский детально проследил развитие «земского самоуправления» на русском Севере, не знавшего крепостного права³³⁹.

Большое количество публикаций по местной истории дали губернские статистические комитеты, которые с 1867 года занимались обработкой архивных дел. Например, значительную работу по сбору источников и обобщению материалов провел нижегородский Статистический комитет, издавший 10 томов «Нижегородских сборников». Выходившие с 1867 по 1890 гг. под руководством секретаря Статистического комитета А.С. Гаци-

ского эти сборники получили в России широкую известность³⁴⁰.

В Казани местные научные силы группировались при университетских научных изданиях и кафедрах, в образованном в 1877 году Обществе археологии, истории и этнографии³⁴¹.

Многообразную деятельность по изучению местной истории развернули губернские ученые архивные комиссии, возникшие в 1884 году³⁴². Большую роль в организации комиссий сыграли профессиональные историки Н.В. Калачов, Д.Я. Самоквасов и др.³⁴³

Профессор С.И. Архангельский, бывший сотрудник Нижегородской ГУАК, в 20-е годы прошлого века активно обосновывал плодотворность «локального метода» в исторических исследованиях³⁴⁴. Эти годы по праву получили название «золотого десятилетия» советского краеведения³⁴⁵.

Нельзя сбрасывать со счетов локально-исторические исследования, проводившиеся в последующие годы, когда активно создавались «Очерки» региональной истории, истории малых городов, отдельных предприятий, организаций, биографии известных местных деятелей. Серьезная исследовательская работа велась по истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в ее региональном варианте. В 1987-1991 гг. в условиях гласности существенно активизировались локальные изыскания³⁴⁶.

Авторы «Истории исторического знания» должны были не замалчивать, а учесть и каким-то образом интерпретировать отечественный опыт локально-исторических исследований.

Выводы. Итак, влияние постмодернизма на результаты современных исторических исследований проявляется:

в размывании границ между фактом и вымыслом, между реальным и нереальным, что проявляется в *конструировании* никогда не существовавших исторических фактов (фактов-событий, фактов-связей, фактов-источников);

в подмене исследовательских тем;

в придумывании хронологии, не соответствующей реально происходившим историческим событиям;

в использовании заранее сконструированной схемы, наполняемой затем специально отобранным историческим материалом;

в целенаправленной подмене одних понятий – другими, что неизбежно приводит к деформированию понятийного аппарата исследования в целом;

в необоснованном объединении в одной понятие содержания разных по смыслу терминов;

в сознательном и повсеместном использовании терминов в качестве «самоочевидных»;

в абсолютизации единичного, локального в результате игнорирования, прежде всего, сравнительно-исторического метода;

в появлении особого жанра исторического повествования - «исторической прозы», основанного на искусственном соединении данных исторических источников и придуманной («сконструированной») автором информации, на ложных аналогиях;

в отождествлении последовательности исторических событий с их причинностью;

в подмене гипотезы необоснованной догадкой;

в вульгаризации процедуры сбора и интерпретации исторической информации, что затрудняет саму возможность осуществления каких-либо верификационных процедур;

в идеалистической подмене понятия «исторический источник» понятием «текст»;

в использовании познавательного инструментария, характерного для периода «преднауки», когда знание еще не было специализировано;

в неоправданном объединении реальных исторических событий в единый класс с символическими обозначениями;

в подмене принципа историзма т.н. «принципом самоорганизации»;

в политизированном замалчивании существенных исторических фактов.

О *локальном* постмодернизме можно говорить в том смысле, что он является постмодернизмом, лишенным теоретической оболочки по причине общего невысокого теоретико-методологического уровня поисковой деятельности членов познавательных сообществ.

Однако это вовсе не значит, что локальный постмодернизм не стремиться к некой «теоретичности». В ходе изучения локальных исторических работ удалось выявить попытку несовершенного, весьма своеобразного, но все же постмодернистского теоретизирования при анализе местного исторического материала. Таким образом, локальный постмодернизм отличается от «классического» краецентризмом и теоретическим несовершенством³⁴⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

1. Академическая парадигма исторического познания (академизм) включает в себя следующие, связанные между собой, концептуальные установки:

историческая реальность - это современная история и прошлое, представленное непосредственно наблюдаемыми историческими источниками;

историческое время, как категория академической истории, обозначает необратимую, последовательную смену исторических событий (событийные ряды);

академическое историческое познание носит преимущественно ретроспективный характер и, также как и другие направления академического познания, отличается незавершенностью, охватывая лишь фрагменты объективной реальности;

объектом академической истории является человечество, исторически развивающееся и взаимодействующее с природой;

предметом академической истории являются исторические факты: факты-события, факты-связи, факты-источники, поддающиеся непосредственному наблюдению, а также факты-информации, методолого-историографические факты, рассматриваемые в рамках исторического времени

(событийного ряда), условно подразделяемого на календарное, социально-историческое и историографическое.

Учитывая ограниченные возможности методов непосредственного наблюдения и эксперимента в истории, можно констатировать, что *основу исторического исследования* составляют факты-источники, факты-информации и методолого-историографические факты.

В процессе исторического познания происходит:

поиск, установление и интерпретация, главным образом, существенных исторических фактов – основных единиц академического исторического знания. Иерархия подобных фактов выстраивается в зависимости от целей, территориальных рамок, имеющейся совокупности исторических источников и иных особенностей конкретного исторического исследования. Важные для академической истории сами по себе, существенные исторические факты, кроме того, служат основанием для теоретического осмысления изученных фрагментов исторической реальности;

получение академического исторического знания двух видов – академического исторического знания-мнения и академического исторического доказанного знания. Академическое историческое знание-мнение может получить статус доказанно-

го на основе решения какого-либо сообщества профессиональных экспертов-историков;

включение доказанного академического исторического знания в структуру академической истории в виде повествования о существенных исторических фактах (интерпретация-описание) и в теоретически обобщенном виде (интерпретация-объяснение);

постоянный рост и уточнение доказанного академического исторического знания;

сохранение положительного (т.е. не опровергнутого в ходе уточнения) содержания преодолеваемой ступени доказанного академического исторического знания.

Основными процедурами академического исторического исследования являются:

историографический анализ изучаемой проблемы;

обоснование проблемы и гипотезы, объекта и предмета, цели и задач;

непосредственное наблюдение фактов-событий, фактов-связей современной истории и фактов-источников;

опосредованное наблюдение прошлого с помощью фактов-информаций;

имитационное моделирование, историческое и иное экспериментирование в зависимости от целей и задач исследования;

академическая историческая реконструкция, включающая в себя повествование об исследованных существенных исторических фактах и теоретическое их обобщение. Теоретические обобщения касаются, главным образом, *тенденций* хода истории, *понимаемых* как устойчивые *направления* в развитии тех или иных исторических процессов, каждое из которых *ограничено* определенным событийным рядом, территориальными и иными рамками;

авторская верификация полученных результатов на основе критериев, принятых в каком-либо действующем сообществе профессиональных экспертов-историков или разработанных самим исследователем.

Основными методами исторического исследования являются:

общенаучные методы (исторический, логический, классификации);

специально-исторические методы [синхронный, хронологический (его разновидность - проблемно-хронологический), периодизации, сравнительно-исторический, ретроспективный].

Описательно-повествовательные методы являются преобладающей формой исторического анализа. Качественный анализ исторических фактов основывается на сущностно-содержательных понятиях и категориях, выраженных в естественно-языковой форме.

К основным категориям академической истории относятся:

историческая реальность,
исторический факт,
исторический источник,
историческое время,
методы исследования исторической реальности,
академическая историческая реконструкция,
академическое историческое знание.

Выявленное содержание академической исторической парадигмы подтверждает принципиальное единство естественно-научного и исторического знания *как разновидностей академического знания*. Историк, также как и естествоиспытатель, имеет возможность непосредственно наблюдать фрагменты объективной реальности.

Конечно, наблюдаемые факты-события и факты-связи современной истории отличаются от наблюдаемых фактов-источников. Однако, это не меняет принципиальной сути познания – историк, как и любой другой ученый, наблюдает не всю объективно существующую реальность, а только ее фрагменты, количество и разнообразие которых – бесконечно.

Таким образом, различия между историческим и иными видами познания заключаются, главным образом, в предметной области и в специфическом сочетании и использовании методов исследования.

2. Постмодернистские методологии деформирующее влияют на процесс создания современного исторического знания, что проявляется в использовании следующих приемов:

в идеалистической подмене понятия «исторический источник» понятием «текст»;

в размывании границ между фактом и вымыслом, между реальным и нереальным, что проявляется в *конструировании* никогда не существовавших исторических фактов (фактов-событий, фактов-связей, фактов-источников);

в подмене исследовательских тем;

в придумывании хронологии, не соответствующей реально происходившим историческим событиям;

в абсолютизации единичного, локального в результате игнорирования, прежде всего, сравнительно-исторического метода;

в использовании заранее сконструированной схемы, наполняемой затем специально отобранным историческим материалом;

в подмене гипотезы необоснованной догадкой;

в целенаправленной подмене одних понятий – другими, что неизбежно приводит к деформированию понятийного аппарата исследования в целом;

в необоснованном объединении в одной понятие содержания разных по смыслу терминов;

в сознательном и повсеместном использовании терминов в качестве «самоочевидных»;

в появлении особого жанра исторического повествования - «исторической прозы», основанного на искусственном соединении данных исторических источников и придуманной («сконструированной») автором информации, на ложных аналогиях;

в использовании познавательного инструментария, характерного для периода «преднауки», когда знание еще не было специализировано;

в неоправданном объединении реальных исторических событий в единый класс с символическими обозначениями;

в отождествлении последовательности исторических событий с их причинностью;

в вульгаризации процедуры сбора и интерпретации исторической информации, что затрудняет саму возможность осуществления каких-либо верификационных процедур;

в непрофессиональном использовании синергетической концепции исследования;

в политизированном замалчивании существенных исторических фактов.

Можно говорить и о существовании локального постмодернизма, который отличается от «классического» краецентризмом и теоретическим несовершенством

Таким образом, проведенное исследование не только подтвердило выдвинутые гипотезы, но и значительно расширило наши представления о содержании одной из возможных парадигм исторического познания, а также об основных приемах постмодернистского «конструирования» истории, которые использовали ряд исследователей в изучаемый период.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аникеев А.А. Проблемы методологии истории: Курс лекций /А.А. Аникеев. – Ставрополь, 1995.
2. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма: История и психология подвига /В.Т. Анисков. – М., 2003.
3. Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? /А.В. Антонов-Овсеенко. - М., 2003.
4. Артамонова Ю.Д. Постструктурализм /Ю.Д. Артамонова //Словарь философских терминов /Под науч. ред. В.Г. Кузнецова. – М., 2005.
5. Астахов М.В. Методология исторической науки: историко-библиографическое исследование отечественной литературы 80-х – 90-х гг. XX в. В 3-х т. Т. I. Библиография. Историография. Общая и специальная методология исторической науки /М.В. Астахов.– Самара, 2006.
6. Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии /Ю.Н. Афанасьев //Советская историография; Под ред. Ю. Н. Афанасьева.- М., 1996.
7. Афанасьев В.Г. Местные исторические хроники: что делать? /В.Г. Афанасьев, Н.П. Стародворцева //Российский исторический журнал. -1998.- №2.

8. Балашов Б.А. Историография отечественной истории (1917- начало 90-х гг.) / В.А. Балашов, В. А. Юрченков.- Саранск, 1994.
9. Балашов – уездный город (1780-1928) /Отв. ред. В.В. Мещеряков. - Балашов, 1997.- Кн.1.
10. Барг М.А. Категории и методы исторической науки /М.А. Барг.- М., 1984.
11. Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории эпохи феодализма: Научное наследие /С.В. Бахрушин.- М., 1987.
12. Бочаров В.А. Истина /В.А. Бочаров //Словарь философских терминов.- М., 2005.
13. Бочаров А.В. Подходы к пониманию тотальной истории //Методологические и историографические вопросы исторической науки: Вып. 28. –Томск: Изд-во ТГУ, 2007.- С. 108–118. URL:<http://klio.tsu.ru/fullness.htm>
14. Вагнер Г. А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории /Г.А. Вагнер. - М., 2006.
15. Варшавчик М.А. Источниковедение истории КПСС /М.А. Варшавчик. – М., 1989.
16. Вахрушев В.С. История как игра и как текст /В.С. Вахрушев //Российский исторический журнал.- 1999.- №2.
17. Вахрушев В.С. О концепте «Балашовская мифология» /В.С. Вахрушев //Весы (г. Балашов).- 2006.- № 31.

18. Вахрушев В.С. «Большой, как солнце, Балашов...» (история и культура среднего Прихоперья): Моногр. /В.С. Вахрушев. - Балашов, 2007.
19. Венгеров С.А. Скабичевский Александр Михайлович //Русский биографический словарь: сетевая версия.
URL: <http://www.rulex.ru/01181051.htm>
20. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. - М., 1985.
21. Ветераны латышского легиона СС "готовы к борьбе с русскими"//Сайт «Regnum», 2012, 30 июля.
URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1556200.html>
22. Виноградов В.Г. Научная гипотеза /В.Г. Виноградов //Методологические основы научного познания; Под ред. П.В. Попова.- М., 1972.
23. Власов, Андрей Андреевич.
URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Власов,Андрей_Андреевич
24. Всероссийский съезд Советов.
URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Всероссийский_съезд_Советов
25. Высокова В.В. Методология истории: когнитивные основания (к вопросу о теории научного познания) /В.В. Высокова // Российская история.- 2010.- №1.

26. Герасимов И.Г. Анализ /И.Г. Герасимов // Методологические основы научного познания; Под ред. П.В. Попова.- М., 1972.
27. Герасименко Г.А. История российской исторической науки (дооктябрьский период) /Г.А. Герасименко.- Оренбург, 2002.
28. Гладкий Ю.Н. Регионоведение /Ю.Н. Гладкий, А.И. Чистобаев. – М., 2003.
29. Города России: энциклопедия /Гл. ред. Г.М. Лаппо.- М., 1998.
30. Госьков Д.П. Далекое прошлое Балашова /Д.П. Госьков //Балашовский исторический журнал. -1993.- №3.
31. Госьков Д.П. Как Балашов стал городом /Д.П. Госьков //Балашовский исторический журнал.- 1994.- №1.
32. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия /Под ред. С.С. Хромова. - М., 1983.
33. Грушин Б.В. Очерки логики исторического исследования /Б.В. Грушин. – М., 1961.
34. Гусева Н.С. Проблема объективности и достоверности исторического познания: конструктивистские гипотезы и философия постмодерна //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012.- № 7 (21). В 3-х ч.- Ч.1.

35. Дацишина М.В. Тема Наполеона и Отечественной войны 1812 года в советской и нацистской пропаганде //Вопросы истории.- 2011.- №6.
36. Деникин А.И. Очерки русской смуты /А.И. Деникин. – М., 2005. – Т.5.
37. Дробязко С.И. Иностранцы формирования Третьего рейха /С.И. Дробязко, О.В. Романько, К.К. Семенов - М., 2011.
38. Дуров В. Знак героев: Как создавался орден Красного Знамени /В. Дуров, Н. Стрекалов //Родина.- 2006.- № 5.
39. Емельянов Ю.В. Сталин. Путь к власти /Ю.В. Емельянов.- М., 2006.
40. Жуков Е.М. Очерки методологии истории /Е.М. Жуков.- М., 1980.
41. Жуков Д., Кофтун И. Русские эсесовцы. - М., 2010.
42. Захаров В.М. У истоков саратовского исторического краеведения: Уч. пос. /В.М. Захаров, В.Г. Миронов. - Балашов, 1991.
43. Захаров В.М. Первое исследование о Саратовском крае /В.М. Захаров //Музей как отражение истории края. Прихоперье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XII историко-краеведческой конференции 22 ноября 2002 года. –Балашов, 2003.
44. Захаров В.М. Балашовский край в трудах Саратовской ученой архивной комиссии

- /В.М. Захаров //Прихоперье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XIII историко-краеведческой конференции 21 ноября 2003 года; Отв. ред. В.В. Назаров. - Балашов, 2004.
45. Захаров В.М. Саратовская ученая архивная комиссия (1886-1920) /В.М. Захаров, Т.А. Захарова.- Волгоград, 2005.
46. Захаров В.М. Народные движения XVIII века в оценке Д.Л. Мордовцева /В.М. Захаров //Прихоперье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XIX историко-краеведческой конференции. - Балашов, 2010.
47. Захаров В.М. Народные движения XVIII века в оценке Д.Л. Мордовцева /В.М. Захаров //Прихоперье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XX и XXI историко-краеведческих конференций. - Балашов, 2012.
48. Захаров В.М. Общественно-литературная деятельность Д.Л. Мордовцева в Саратове //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2012. - № 6 (20): в 2-х ч. - Ч. II.
49. Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты /А.И. Зевелев.- М., 1987.

50. Земсков В.Н. К вопросу о масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (В поисках истины) // Мир и политика, 2012, № 5.
51. Зуев К.А. Парадигма мышления и границы рациональности /К.А. Зуев, Е.А. Кротков //Общественные науки и современность.- 2001.- №1.
52. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории /Э.В. Ильенков.- М., 1984.
53. Ильичев А.А. Исторический факт как гносеологический феномен: Автореферат кандидата философских наук /А.А. Ильичев.- Саратов, 2012.
54. "Исторический факт как гносеологический феномен": все ли так просто? Об исследовании Ильичева Александра Алексеевича //НЭИ «Российская историография». URL: <http://klio.3dn.ru/publ/44-1-0-310>
55. История России с древнейших времен до начала XXI века /Под ред. А.Н.Сахарова.- М.- 2006.
56. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции /Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. – М., 1971.
57. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Уч. пос.

- /И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф.Румянцева. – М., 1998.
58. Исторический эксперимент: теория, методология, практика /Отв. ред. П.В. Боярский. - М., 1990.
59. Итоги Второй мировой войны.
URL: <http://otvoyna.ru/itogi.htm>
60. Карель Пауль. Восточный фронт. Гитлер идет на Восток. 1941-1942 /К.Пауль.- М., 2005. – Кн.1.
61. Карель Пауль. Восточный фронт. Выжженная земля. 1943-1944 /Карель Пауль.- М., 2005.- Кн. 2.
62. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах /В.О.Ключевский. - М., 1993.- Кн. 2.
63. Кнабе Г.С. Проблема Цицерона /Г.С. Кнабе //Грималь П. Цицерон. – М., 1991.
64. Кнабе Г.С. Общественно-историческое познание второй половины XX века и наука о культуре. Проблемы, перспективы и трудности //Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима.- М., 1994.
65. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования /И.Д. Ковальченко. - 2-е изд., доп.- М., 2003.

66. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы /Б.Н.Ковалев - Великий Новгород, 2009.
67. Колчин Б.А. Дендрохронология Восточной Европы: Абсолютные дендрохронологические шкалы. 788-1970 /Б.А. Колчин, Н.Б. Черных. - М., 1977.
68. Кондаков Н.И. Логический словарь /Н.И. Кондаков. – М., 1971.
69. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки /П.В. Копнин. – М., 1974.
70. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»): Док. и мат. - Тамбов, 1994.
71. Кривошеев Г.Ф. Анализ сил и потерь на советско-германском фронте: Доклад на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны 29.12.1998 г.
URL:<http://gpw.tellur.ru/page.html?r=facts&s=losses>
72. Кроче Б. Теория и история историографии /Б. Кроче. – М., 1998.
73. Кропачев С.А. Отечественная историография масштабов и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937-1945 годы: Автореферат диссертации доктора исторических наук.- Майкоп, 2011.

74. «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» //Российская история.- 2010.- №1.
75. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов /Л.П. Крысин.- М., 2005.
76. Кузеванов Л.И. Академия истории и политологии и некоторые проблемы методологии и организации исторических исследований //Российский исторический журнал. - 1994.- №2.
77. Кузеванов Л. И. Неклассическая концепция истории /Л.И. Кузеванов //Российский исторический журнал. -1996.- № 3.
78. Кузеванов Л.И. Локально-исторические исследования и Хоперский край //Смотров В.В., Смотров О.В., Голованов В.М. и др. Православие Хоперское казачество. - Балашов, 2004.
79. Кузеванов Л.И. О методологической и историографической позициях исследователя /Л.И.Кузеванов //Российский исторический журнал. - 2004. - № 2.
80. Кузеванов Л.И. Основные проблемы историографии Гражданской войны 1918-1921 гг. применительно к Балашовскому Прихоперью //Смотров В.В., Смотров О.В. Балашовское Прихоперье в огне Гражданской войны (1918-1921 гг.). – Балашов, 2006.

81. Кузеванов Л.И. Балашовское Прихоперье в контексте истории России: очерк историографии //Смотров В.В., Смотров О.В., Кузеванов Л.И. Балашовское Прихоперье в годы испытаний: очерки истории и историографии. – Балашов, 2007.
82. Кузеванов Л.И. История Саратовского Прихоперья: мифы и факты. – Балашов, 2007.
83. Кузеванов Л.И. Локальная история и краеведение //Международный академический журнал. - 2007. - №1.
84. Кузеванов Л.И. Вненаучная интерпретация понятия «церковные жития» /Л.И. Кузеванов //Российский исторический журнал. – 2008. - №2.
85. Кузеванов Л.И. Академизм и современные трактовки локальной истории: моногр. /Л.И. Кузеванов. - Балашов, 2008.
86. Кузеванов Л.И. Вненаучное локально-историческое знание в работах В.М. Захарова и Т.А. Захаровой /Л.И. Кузеванов //Российский исторический журнал. – 2009. - №1.
87. Кузеванов Л.И. Академизм исторического исследования. Статья 1. Основные черты современного научного познания /Л.И. Кузеванов //Российский исторический журнал. – 2009. - №2.

88. Кузеванов Л.И. Локальная историография: основные понятия /Л.И. Кузеванов //НЭИ «Российская историография» (2008 г.).
URL: <http://klio.3dn.ru/publ/39-1-0-122>
89. Кузеванов Л.И. Академическая парадигма исторического познания /Л.И. Кузеванов //Российский исторический журнал. – 2010. - №1.
90. Кузеванов Л.И. Политизированное «конструирование» прошлого /Л.И. Кузеванов //Российский исторический журнал. – 2010. - №2.
91. Кузеванов Л.И. Академизм исторического познания: моногр. /Л.И. Кузеванов. - М., 2010.
92. Кузеванов Л.И. Методология исторического исследования: академизм и постмодернизм /Л.И. Кузеванов //Российский исторический журнал. - 2011. - №2.
93. Кузеванов Л.И. История Балашовского края: проблемы методологии и историографии: моногр. – Саратов, 2014.
94. Кузеванов Л.И. История Балашовского края: проблемы методологии и историографии: моног. /Л.И. Кузеванов. – 2-е изд., доп. – М., 2014. URL: <http://klio.3dn.ru/publ/9-1-0-331>
95. Кузеванов Л.И. Настоятельница Балашовского Покровского женского монастыря игуменья Мария (1841-1920). – М., 2014.

96. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории /А.С. Лаппо-Данилевский.- Пг., 1923. - Вып.1.
97. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории /А.С. Лаппо-Данилевский.- М., 2006.
98. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм //Ленин В.И. Полн. собр. соч.: 5-е изд.- М., 1968.- Т.18.
99. Лекторский В.А. Вера и знание в современной культуре /В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2007.- №2.
100. Липатов П. Красные кавалеристы /П. Липатов // Родина.- 2006.- №6.
101. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. /А.Л. Литвин. – М.,2004.
102. Лосев Е.Ф. Миронов /Е.Ф. Лосев.- М., 1991.
103. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования /Отв. ред. Ю.Г. Волков /А.В. Лубский. – М., 2005.
104. Лукиянов Ю.В. Идеиные основания итальянской историографии античности (конец XIX-первая половина XX вв.).- Уфа, 2007.
105. Майорова А.С. История Нижнего Поволжья в трудах саратовских историков с середины XVIII до 80-х гг. XIX века /А.С. Майорова //Отечественная история.- 2007.- № 3.

- 106.Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России /В.П. Макарихин. - Н. Новгород, 1991.
- 107.Максималисты (в России) //Большая советская энциклопедия. Электронная версия на 3-х дисках.- М., 2003.
- 108.Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии) /Е.А. Мамчур.- М., 2004.
- 109.Масленникова Л.Н. Революционные события и гражданская война //Балашов уездный город. 1780-1928. - Балашов, 1997. - Кн.І.
- 110.Маслов Н.Н. Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования /Н.Н. Маслов.- М., 1983.
- 111.Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории /О.М. Медушевская. – М., 2008.
- 112.Методологические основы научного познания /Под ред. П.В. Попова. - М., 1972.
- 113.Минц С.С. Взгляд на историю как точную науку. О.М. Медушевская о связи современного источниковедения с философским осмыслением роли истории в изучении человеческого сознания //Российская история.- 2010.- №1.
- 114.Миронов В.В. Вступительная статья //Словарь философских терминов /Под науч. ред. В.Г. Кузнецова. – М., 2005.

- 115.Миронов С.С. Тайны гражданской войны /С.С. Миронов.- М., 2005.
- 116.Михайловский Николай Константинович (1842—1904) //Библиографический указатель «Хронос».
URL:http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/miha_ylovski_nk.php
- 117.Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып.II. Становление «новой исторической науки» /Б.Г. Могильницкий.- Томск, 2003.
- 118.Музей как отражение истории края. Прихоперье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XII историко-краеведческой конференции 22 ноября 2002 г. /Отв. ред. В.С. Вахрушев.- Балашов, 2003.
- 119.Назарова С.К. Балашов. Улицы старого города: особняки и их обитатели /С.К. Назарова.- Балашов, 2004.
- 120.Назаров В.В. Балашовский край в 1825-1855 годы (по материалам Балашовского филиала ГАСО) //Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. – Балашов, 2006.
- 121.Назаров В.В. «Дело Солонина». К истории противостояния большевиков и эсеров в Балашовском уезде в 1918 г. //Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. – Саратов, 2007.

122. Назаров В.В. Лидер саратовских эсеров И.И. Ракитников: страницы биографии // Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков. Материалы XX и XXI историко-краеведческих конференций / Отв. ред. В.В. Назаров. – Балашов, 2012.
123. Никитин С.А. Императорское Русское историческое общество / С.А. Никитин // Вопросы истории. - 2007. - №3.
124. Овруцкий Л. Понять «дух 6 июля» / Л. Овруцкий, А. Разгон // Отечественная история. - 1992. - №3.
125. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - М., 1992.
126. Отечественная война 1812 года. URL: <http://www.patrio.ru/propaganda.htm>
127. Печурин Е.А. Город Балашов / Е.А. Печурин, В.В. Танонин. - Саратов, 1979.
128. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов. - М., 1993.
129. Платонова Т.В. Взгляд на сельское хозяйство в имении помещика П.А. Чихачева / Т.В. Платонова // Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков. - Балашов, 2004.
130. Полубота А. Наполеон боялся русской свободы. Войну 1812 года выиграли крепостные. Беседа с историком Е. Мезенцовым // Сайт «Свободная пресса».

- URL: <http://svpressa.ru/society/article/57377/>
- 131.Поппер К. Логика и рост научного знания: Изб. работы /К.Поппер.- М., 1983.
- 132.Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах /А.В. Посадский. – Саратов, 2004.
- 133.Посадский А.В. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге /А.В. Посадский. – М., 2010.
- 134.Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета "Об исключении из состава Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Советов и местных Советов представителей контрреволюционных партий - социалистов-революционеров (правых и центра) и Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков)"//Сайт Конституции Российской Федерации.
URL:
<http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5409/>
- 135.Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. Материалы XIII историко-краеведческой конференции 21 ноября 2003 года /Отв. ред. В.В. Назаров. – Балашов, 2004.
- 136.Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. Материалы XIV историко-

- краеведческой конференции 19 ноября 2004 года /Отв. ред. В.В. Назаров. – Балашов, 2005.
137. Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков. Материалы XV историко-краеведческой конференции 18 ноября 2005 года /Отв. ред. В.В. Назаров. – Балашов, 2006.
138. Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков: Материалы XVI историко-краеведческой конференции; Балашов, 17 ноября 2006 года /Отв. ред. В.В. Назаров. - Саратов, 2007.
139. Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков: Материалы XVII и XVIII историко-краеведческих конференций /Отв. ред. В.В. Назаров. - Балашов, 2009.
140. Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков: Материалы XIX историко-краеведческих конференций /Отв. ред. В.В. Назаров. - Балашов, 2010.
141. Пронштейн А.П. Вопросы теории и методики исторического исследования /А.П. Пронштейн, И.Н. Данилевский.- М., 1986.
142. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории /Л.Н. Пушкарев.- М., 1975.
143. Репина Л.П. История исторического знания /Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова.- М., 2004.

144. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. /И.М. Савельева, А.В. Полетаев. - СПб., 2003.- Т. 1.
145. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. /И.М. Савельева, А.В. Полетаев. - СПб., 2006.- Т. 2.
146. Самсонов А.М. Сталинградская битва /А.М. Самсонов.- 4-е изд., испр. и доп.- М., 1989.
147. Сапронов М.В. Концепция самоорганизации в обществознании: мода или насущная необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) //Общественные науки и современность.- 2001.- №1.
148. Семенов С.А. Изучение первобытной техники методом эксперимента /С.А. Семенов // Новые методы в археологических исследованиях. - М.-Л., 1963.
149. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны /М.И. Семиряга. – М., 2000
150. Сенкевич Ю. А. На «Ра» через Атлантику /Ю.А. Сенкевич.- Л., 1973.
151. Сергеев В.Н. Донская республика /В.Н. Сергеев.- Ростов н/Д., 2005.
152. Сидоренко О.В. Историография IX - нач. XX вв. Отечественной истории (учебное пособие) /О.В. Сидоренко.- Владивосток, 2004.

153. Словарь философских терминов /Под ред. В.Г. Кузнецова. – М., 2005.
154. Смоленский Н.И. Теория и методология истории: Уч. пос. для вузов /Н.И. Смоленский.-2-е изд., стер. - М., 2008.
155. Смотров В.В. Балашовское Прихоперье в огне Гражданской войны (1918-1921) /В.В. Смотров, О.В. Смотров.- Балашов, 2006.
156. Советская историография /Под ред. Ю. Н. Афанасьева.- М., 1996.
157. Союз эсеров-максималистов в начале XX века //Историк – общественно-политический журнал. URL: <http://www.historicus.ru/eseri/>
158. Степин В.С. Теоретическое знание /В.С. Степин.- М., 2000.
159. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук /А. Тарский. – М., 1948.
160. Тайны Великой Отечественной /Сост. Н.Н. Непомнящий. -М., 2005.
161. «Теория заблуждений». Русский коллаборационизм в годы Второй мировой войны. Беседа с историками Д. Жуковым и И. Кофтуном.
URL:<http://www.youtube.com/watch?v=ge49RХТйу4>
162. Толпы европейских диктаторов накануне Второй мировой.

URL:<http://www.liveinternet.ru/users/zampolit00/post179703910>

163. У руба на Хопре. Исторические очерки и хроника летописи города Урюпинска /Сост. Приходченко В.А., Ломкин А.В., Дронов А.В.- Волгоград, 1997.
164. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки /Е.В. Ушаков. – М., 2005.
165. Феномен Локотской республики. Альтернатива советской власти?/Авт.-сост. Д.А. Жуков, И.И. Ковтун.- М., 2012.
166. Фукс А.Н. Сергей Федорович Платонов: Краткий историко-биографический очерк //Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – М., 1993.
167. Черных Н. Б. Дендрохронология и археология /Н.Б. Черных. - М., 1996.
168. Шмаков В.С. Структура исторического знания и картина мира /В.С. Шмаков. - Новосибирск, 1990.
169. Шустова Ю.Э. Когнитивная история в системе научного знания /Ю.Э. Шустова // Российская история.- 2010.- №1.
170. Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). - Саратов, 2002.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ (исследователи)

Авдиев В.И.
Аникеев А.А.
Анисков В.Т.
Антонов-Овсеенко А.В.
Артамонова Ю.Д.
Архангельский С.И.
Арциховский А.В.
Афанасьев В.Г.
Афанасьев Ю.Н.
Балашов Б.А.
Бантыш-Каменский Н.Н.
Барг М.А.
Бахрушин С.В.
Бочаров В.А.
Болтин И.Н.
Богословский М.М.
Быстрых А.Ю.
Вагнер Г. А.
Варшавчик М.А.
Вахрушев В.С.
Виноградов В.Г.
Волк С.С.
Волков Л.В.
Востоков А.Х.
Высокова В.В.
Ганин А.В.

Гациский А.С.
Герасимов И.Г.
Герасимов Г.М.
Герасименко Г.А.
Гладкий Ю.Н.
Гончаров А.В.
Госьков Д.П.
Градовский А.Д.
Грановский Т.Н.
Греков Б.Д.
Городецкий Е.Н.
Грушин Б.А.
Гусева Н.С.
Гутова Е.В.
Данилевский И.Н.
Данилов А.И.
Дацишина М.В.
Дробязко С.И.
Дуров В.
Дьяконов И.М.
Емельянов Ю.В.
Жуков Д.А.
Жуков Е.М.
Захаров В.М.
Захарова Т.А.
Зверева В.В.
Зевелев А.И.
Земсков В.Н.
Зуев К.А.

Иллерицкий В.Е.
Иловайский Д.И.
Ильенков Э.В.
Ильичев А.А.
Ионов И.Н.
Калачов Н.В.
Карамзин Н.М.
Каринский М.И.
Каченовский М.Т.
Киреева Р.А.
Ключевский В.О.
Кнабе Г.С.
Ковалев Б.Н.
Ковальченко И.Д.
Ковтун И.И.
Колесник А.Н.
Колчин Б.А.
Кондаков Н.И.
Копнин П.В.
Косминский Е.А.
Кривошеев Г.Ф.
Кропачев С.А.
Кроче Б.
Крестинин В.В.
Кротков Е.А.
Лаппо-Данилевский А.С.
Лекторский В.А.
Литвин А.Л.
Лосев Е.Ф.

Лубский А.В.
Лукиянов Ю.В.
Люблинская А.Д.
Майорова А.С.
Макарихин В.П.
Мамчур Е.А.
Маслов Н.Н.
Медушевская О.М.
Минц С.С.
Миронов В.В.
Миронов С.С.
Могильницкий Б.Г.
Назаров В.В.
Назарова С.К.
Нечкина М.В.
Никитин С.А.
Ожегов С.И.
Парамонова М.Ю.
Печурин Е.А.
Платонов С.Ф.
Платонова Т.В.
Подоль Р.Я.
Покровский М.Н.
Погодин М.П.
Полетаев А.В.
Попов П.В.
Пронштейн А.П.
Посадский А.В.
Пушкарев Л.Н.

Ракитов А.И.
Рассел Б.
Репина Л.П.
Романько О.В.
Савельева И.М.
Самоквасов Д.Я.
Самошенко В.Н.
Самошкин В.В.
Самсонов А.М.
Сапронов М.В.
Сахаров А.Н.
Семенов К.К.
Семенов С.А.
Семиряга М.И.
Сенкевич Ю. А.
Сергеев В.Н.
Сидоренко О.В.
Сказкин С.Д.
Смоленский Н.И.
Смотров В.В.
Смотров О.В.
Соловьев С.М.
Степин В.С.
Строев П.М.
Тарле Е.В.
Тарский А.
Татищев В.Н.
Тихомиров М.Н.
Фаизов С.Ф.

Уваров А.И.
Удальцова З.В.
Устинкин С.В.
Утченко С.Л.
Ушаков Е.В.
Черепнин Л.В.
Черных Н. Б.
Хейердал Т.
Хоскинг Д.
Цветков В.Ж.
Шведова Н.Ю.
Шмаков В.С.
Шмидт С.О.
Штаерман Е.М.
Шустова Ю.Э.
Щеров И.П.
Юрченков В.А.
Янин В.Л.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Термин «идеализм» используется нами для обозначения концепций, в основе которых лежит утверждение о первичности сознания по отношению к материи.

² См., например, Подоль Р.Я. Методология исторического познания и современная историософия /Р.Я. Подоль //Философия и общество.- 2009.- №3.

URL:<http://www.socionauki.ru/journal/articles/130508/>
Р.Я. Подоль – доктор философских наук.

³См. Миронов В.В. Вступительная статья //Словарь философских терминов /Под науч. ред. В.Г. Кузнецова. – М., 2005. - С. XIV. В.В. Миронов – доктор философских наук.

В основном, все выделения в тексте *курсивом* сделаны нами.

⁴См. Артамонова Ю.Д. Постструктурализм //Словарь философских терминов. - С.434.

⁵См. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. /И.М. Савельева, А.В. Полетаев. - СПб., 2003.- Т. 1.- С.74, 108. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/savel/index.php

И.М. Савельева – доктор исторических наук, А.В. Полетаев – доктор экономических наук.

Авторы приводят различного рода «упреждающие» оговорки (С.133, 249), но название первого тома – «*Конструирование* прошлого» - не остав-

ляет сомнений в идеалистическом характере их воззрений на историю.

Об этом же свидетельствует утверждение данных исследователей о том, что «к знанию о социальной реальности не применим тезис о предсуществовании объекта познания по отношению к познающим субъектам, который лежит в основе религиозного и естественнонаучного знания».

К такому ошибочному выводу они пришли только на том основании, что «социальная реальность есть продукт человеческих действий» (С.97-98).

Вместе с тем, в данной работе имеется ряд заслуживающих внимания наблюдений и положений, которые не укладываются в созданную авторами постмодернистскую концепцию истории.

⁶Определение постмодернизма указано в главе 3-й данной монографии.

⁷Иллюзорное историческое знание – знание, не опирающееся на исторические факты и, в связи с этим, не имеющее никакого отношения к реально происходившим историческим событиям.

⁸Современная методология науки понятие парадигмы использует для обозначения «системы предписаний и правил познавательной деятельности, или моделей научного исследования»

(См. См. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю.Г. Вол-

ков /А.В. Лубский. – М., 2005. - С.38). А.В. Лубский – доктор философских наук.

В тексте нашей книги в той или иной ссылке - нумерация электронного текста (если отсутствует нумерация страниц на бумажном носителе) показывается *курсивом*.

⁹В данном случае имеется в виду период 90-х годов XX- нач. XXI вв.

¹⁰Содержание данной гипотезы, в определенной мере, учитывает те или иные особенности наиболее распространенных современных концепций логики и структуры исторического исследования.

Например, ряд ученых рассматривают исследование как последовательность определенных процедур:

выбор объекта и постановка исследовательской задачи;

выявление «источнико-информационной основы ее решения»;

разработка методов исследования;

эмпирическое описание и реконструкция исследуемой исторической реальности;

объяснение и теоретическое познание;

определение «истинности и ценности» полученного знания.

Другие историки в структуре исследования выделяют:

исследовательскую задачу;

цель, условия и методы ее достижения;
набор гипотез;
совокупность исходных предварительных знаний;
методы и средства изучения эмпирического знания;
проверку гипотез;
«конечный результат исследования – новое знание».

Третьи – вычленяют эмпирическую, эвристическую и теоретическую стадии, а также «социокультурные и научные предпосылки исследовательского процесса» (См. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. - С. 13-14).

¹¹См. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории /О.М. Медушевская. – М., 2008.- С. 259. Кроме того, см. Словарь философских терминов.- С.314. О.М. Медушевская – доктор исторических наук.

¹²См. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. II. Становление «новой исторической науки» /Б.Г. Могильницкий.- Томск, 2003.- С.142. Б.Г. Могильницкий – доктор исторических наук.

¹³См. Степин В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин.- М., 2000.- С.45. Противоположность субъекта и объекта рассматривается в гносеологи-

ческом плане. В.С. Степин – доктор философских наук.

¹⁴См. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования /И.Д. Ковальченко. - 2-е изд., доп. - М., 2003.- С.455. И.Д. Ковальченко – доктор исторических наук.

¹⁵См. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов /Л.П. Крысин. – М., 2005.- С.41.

¹⁶Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка /С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова.- М., 1992.- С.- 260.

¹⁷Герасименко Г.А. пишет о том, что уже во время А.Л. Шлецера каждый ученый вкладывал свой смысл в понятие «истина» (См. Герасименко Г.А. История российской исторической науки (до-октябрьский период) /Г.А. Герасименко.- Оренбург, 2002. - С.43).

¹⁸См. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки /П.В. Копнин. – М., 1974. - С.138, 143, 147, 273. П.В. Копнин – доктор философских наук.

Ссылаясь на Ф. Энгельса, П.В. Копнин приводит примеры «вечных истин»: «дважды два четыре», «у птиц имеется клюв».

В.И. Ленин фактически отстаивал идеалистический догмат о существовании объективной истины, т.е. точного, полного *знания* об объектах реального мира, *не зависящего «от человека и от человечества»*.

Доктор философских наук Е.А. Мамчур права, считая это утверждение Ленина не соответствующим действительности (См. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии) /Е.А. Мамчур.- М., 2004.-С.25).

Вместе с тем, комплексный подход к анализу ленинского теоретического наследия позволяет обнаружить в нем и *обоснованные* суждения о процессе познании объективной действительности.

Так, например, он считал, что человеческие понятия «лишь приблизительно» отражают «объективную связь явлений природы», «искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса», что нужно «отличать оригинал от перевода», а «в теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т.е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» (См. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм /В.И. Ленин //Ленин В.И. Полн. собр. соч.: 5-е изд.- М., 1968.- Т.18.- С. 102, 134, 158, 160).

¹⁹Зуев К.А. Парадигма мышления и границы рациональности /К.А. Зуев, Е.А. Кротков // Общественные науки и современность.- 2001.- С.111.

Понятие «истина» используется многими современными историками как самоочевидное. Доктор исторических наук Н.И. Смоленский, например, трактует истину просто как «результат исследования». Кроме того, «новизна», по его мнению, «должна сочетаться с требованием истины» (См. Смоленский Н.И. Теория и методология истории: Уч. пос. для вузов /Н.И. Смоленский.-2-е изд., стер. - М., 2008.- С.14-15). Он же пишет о том, что «единой методологии историческая наука не знает» (С.4). Но «единой методологии не знают» и другие науки, включая и «естественные».

В.А. Балашов и В.А. Юрченков пишут о необходимости достижения «научной истины», но также не раскрывают содержания этого термина (См. Балашов В.А. Историография отечественной истории (1917-начало 90-х гг.) /В.А. Балашов, В.А. Юрченков. – Саранск, 1994. - С.2.

URL: <http://www.twirpx.com/file/121958/>

²⁰ П.В.Копнин, по понятным причинам, пытался примирить ленинский вывод о приблизительности знаний человека об объективной *реальности* с ленинским же выводом о существовании объективной *истины*.

В результате из-под его пера появлялись философские «абракадабры»: «всякая объективная истина не только абсолютна, но и относительна», «абсолютно-относительная истина», «абсолютно-относительная конкретная истина» (См. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки.- С.144, 146, 148, 203 и др.).

К. Поппер считал, что «мы ищем истину, но не знаем, когда нам удастся найти ее; что у нас нет критерия истины, но мы тем не менее руководствуемся идеей истины как *регулятивным принципом* (как могли бы сказать Кант или Пирс); что, хотя у нас нет общего критерия, позволяющего нам отличить истину, - исключая, может быть, тавтологии,- существует критерий прогрессивного *движения* к истине...» (См. Поппер К. Логика и рост научного знания: Изб. работы /К.Поппер.- М., 1983.- С.341-342).

Эти высказывания двух крупных методологов прошлого века лишней раз подтверждают тот факт, что концепция «объективной истины» построена, в основном, на *вере* в возможность получения знания, адекватно отражающего фрагменты (стороны) объективной реальности.

Фраза же о «движении к истине» означает не что иное, как процесс получения «все возрастающего», но все равно приблизительного, незавершенного знания об объектах реального мира.

Из современных методологов концепцию «относительной истинности теорий» продолжает отстаивать Е.А. Мамчур, не приводя, как и ее единомышленники, *никаких критериев* этой «относительности» (См. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм.- С.26).

²¹См., например, Кондаков Н.И. Логический словарь /Н.И. Кондаков. – М., 1971.- С.7; Барг М.А. Категории и методы исторической науки /М.А. Барг. – М., 1984.- 160, 169; Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории эпохи феодализма: Научное наследие /С.В. Бахрушин.- М., 1987. – С.80-86.

²²Шустова Ю.Э. Когнитивная история в системе научного знания /Ю.Э. Шустова //Российская история.- 2010.- №1.- С.146,148; Высокова В.В. Методология истории: когнитивные основания (к вопросу о теории научного познания) /В.В. Высокова // Российская история.- 2010.- №1. - С. 149.

²³См. Бочаров В.А. Истина /В.А. Бочаров //Словарь философских терминов.- М., 2005.- С.221.

²⁴См. Смоленский Н.И. Теория и методология истории. - С.28, 160.

²⁵Историография – история исторического знания. В данном случае имеется в виду история знания «вообще».

²⁶Впервые о различиях между «знанием» и «мнением» начали размышлять еще элеаты (См. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм.- С. 142).

²⁷А.В.Лубский формулирует ряд полезных вопросов, ответы на которые можно получить в ходе осуществления верификационных процедур:

«как определяет историк предмет своего исследования»,

почему он ставит «именно данный класс познавательных задач»;

«какой набор методологических средств и с какой целью используется при решении этих задач и какова их когнитивная эффективность»;

«какова роль исследователя как «субъекта мыслящего» в получении нового исторического знания»;

«как культурно-эпистемологический контекст влияет на когнитивную деятельность исследователя как субъекта социокультурной и научной коммуникации»;

«как «вовлеченность» ученого в предмет своего исследования и социокультурный и эпистемологический контексты влияют на содержание и форму исторического знания» и др. (См. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. – С.18-19).

А.В. Бочаров предлагает начинать верификационные процедуры с оценки того, насколько автором:

«подробно и глубоко показана *мера неполноты*» проведенного исследования,

«установлена ли *доля используемых исторических источников* относительно всего комплекса известных источников по данной теме,

очерчены ли *границы применимости* используемых теорий и методов интерпретации источников» (См. Бочаров А.В. Подходы к пониманию тотальной истории //Методологические и историографические вопросы исторической науки: Вып. 28. –Томск: Изд-во ТГУ, 2007).

URL: <http://klio.tsu.ru/fullness.htm> (Нумерация страниц в электронном тексте отсутствует.)

²⁸См. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм.- С. 14. Автор предлагает не смешивать понятия «релятивность» и «релятивизм».

²⁹Конечно, сами знаки также могут быть предметом исследования.

³⁰См., например, Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки.- С.123-125.

³¹Анализ взглядов М.И. Каринского (1840-1917) был дан Н.И. Кондаковым (См. Кондаков Н.И. Логический словарь. – С.207).

³²См., например, Герасимов И.Г. Анализ /И.Г. Герасимов // Методологические основы научного познания.- М., 1972.- С.207.

³³См. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования.- С. 37.

³⁴См. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки.- М., 2005. -С.485. Сам Е.В. Ушаков такое «теоретическое образование» называет «научной картиной мира».

³⁵См. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм.- С.34,78.

Н. Бор, характеризуя возможности физики, между прочим, писал следующее: «Не существует никакого квантового мира. Есть только абстрактное описание, даваемое квантовой физикой. *Неправильно думать, что задача физики состоит в том, чтобы открыть, что представляет собой природа. Физика интересуется только тем, что мы можем сказать о природе*» (Цит. по: Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм.- С.30).

³⁶Там же.-С.135.

Н.И. Смоленский, конечно же, впадает в крайность, утверждая, что «теория истории – это высший, самый развитый уровень исторического познания» (См. Смоленский Н.И. Теория и методология истории.- С.3). Учитывая специфику академической истории, было бы правильнее говорить о теоретических обобщениях как необходимом и

равноправном виде исследования (наряду с описанием существенных исторических фактов).

³⁷Степин В.С. Теоретическое знание.- С.391, 633.

³⁸В нашей интерпретации – фрагмент объективной реальности.

³⁹Ситуация меняется, когда происходит «отпочковывание» новой отрасли познания - возникает новый предмет исследования. М.В. Сапронов заблуждается, когда считает, что науки не должны разделяться по предметам.

Свое утверждение он пытается мотивировать необходимостью обеспечения «междисциплинарности исследований» [См. Сапронов М.В. Концепция самоорганизации в общественном знании: мода или насущная необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) //Общественные науки и современность.- 2001.- №1. -С.155].

Однако представители той или иной отрасли академического познания привлекаются координаторами изучения междисциплинарной проблемы именно в качестве профессионалов «своего дела».

«Повышение квалификации» ученых в целях их адаптации в условиях реального междисциплинарного исследования – это другая проблема, решение которой, конечно же, не требует отказа от уже имеющих предмет исследования.

⁴⁰См. Бочаров А.В. Подходы к пониманию тотальной истории // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Вып. 28. –Томск: Изд-во ТГУ, 2007.

URL: <http://klio.tsu.ru/fullness.htm>

⁴¹См. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук /А.Тарский.- М., 1948.- С.163-164.

⁴²См., например, об этом: Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки.- С.224-225.

⁴³См. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки.- С.190-191.

⁴⁴См. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки.- С.225.

⁴⁵См. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки.- С.187-189.

⁴⁶См., например, об этом: Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки.- С.229, 231.

⁴⁷См. Виноградов В.Г. Научная гипотеза /В.Г. Виноградов // Методологические основы научного познания.- М., 1972. - С.169-170.

⁴⁸В связи с тем, что ученый имеет дело не со всей объективной реальностью, а только с каким-то ее *фрагментом*, понятие «факт» чаще всего трактуется как его (фрагмента) часть. Например, ученый, подводя итоги исследования, как правило,

пишет так: «Обобщение совокупности выявленных фактов, позволяет придти к выводу о том, что...». И далее дает описание существенных черт того или иного фрагмента реальности.

С другой стороны, факт, конечно же, может трактоваться и как фрагмент реальности. Все зависит от специфики понятийного аппарата, используемого исследователем. Главное, не допустить тавтологии и терминологической путаницы.

⁴⁹Степин В.С. Теоретическое знание.- С.185-186.

⁵⁰См. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки.- С.537.

Кроме того, эксперимент в естественно-научном познании может вообще оказаться «практически не воспроизводимым», т.к. «его невозможно повторить из-за сложностей, связанных с получением экспериментального образца» (См. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм.- С.61).

⁵¹Барг М.А. Категории и методы исторической науки /М.А. Барг.- М., 1984.- С.164.

⁵²Цит. по: Словарь философских терминов.- С.404.

⁵³См. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм.- С.63.

⁵⁴См. Мамчур Е.А.Объективность науки и релятивизм.- С.139.

⁵⁵См.Гончарук С.Н. Принцип историзма /С.Н. Гончарук // Методологические основы научного познания.- С.97-104.

⁵⁶Степин В.С. Теоретическое знание.- С.598-599.

⁵⁷В классической физике.

⁵⁸См. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм.- С.111.

⁵⁹См. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм. - С.3.

⁶⁰См.Степин В.С. Теоретическое знание.- С.670.

⁶¹См. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования.- С. 38.

⁶²См. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории.- С.14.

⁶³См. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории.- С.8.

⁶⁴См. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. - С.17.

⁶⁵Шмаков В.С. Структура исторического знания и картина мира /В.С. Шмаков. – Новосибирск, 1990.- С.61. В.С. Шмаков – доктор философских наук.

⁶⁶Шмаков В.С. Структура исторического знания и картина мира /В.С. Шмаков. – Новосибирск, 1990.- С.61.

⁶⁷См. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования.- С.55.

⁶⁸См. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах /В.О. Ключевский.- М., 1993. – Кн.1. - С.10.

⁶⁹Изучение монографии О.М. Медушевской позволяет говорить о том, что данное определение объекта истории для нее являлось основным.

⁷⁰См. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории.- С.128-129.

⁷¹Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории.– С.17.

⁷²Шмаков В.С. Структура исторического знания и картина мира.- С.12.

⁷³См. Жуков Е.М. Очерки методологии истории /Е.М. Жуков.- М., 1980.- С.5. Автор посвятил этой проблеме раздел «Предмет науки истории». Е.М.Жуков – доктор исторических наук.

⁷⁴Из современных историков-методологов о «поступательно-прогрессивном процессе» исторического развития пишет Н.И. Смоленский (См. Смоленский Н.И. Теория и методология истории.- С.267). Т.н. «неоклассики» рассуждают об «универсальных исторических закономерностях» (См. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. – С.262).

⁷⁵См. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории /С.Ф. Платонов. – М., 1993. – С.39. Материал, в какой-то мере, освещающий методологические взгляды С.Ф. Платонова содержится в статье А.Н.

Фукса «Сергей Федорович Платонов: Краткий историко-биографический очерк» (См. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – М., 1993.- С.7-34).

Нужно сделать существенную оговорку: убеждение С.Ф. Платонова в том, что можно «собрать все факты» по истории того или иного народа (общества) [«Историки не собрали и не изучили еще всего материала, подлежащего их ведению...»] для нас не приемлемо.

На наш взгляд, С.Ф. Платонов ошибался и тогда, когда за образец, которому должна подражать историческая наука, брал «более точные науки» [«... и это дает повод говорить, что история есть наука, не достигшая еще тех результатов, каких достигли другие, более точные науки» (Там же. С.40)].

⁷⁶В своих рассуждениях эти исследователи опирались на работы А.И. Ракитова, А.И. Уварова и др.

⁷⁷См. Пронштейн А.П. Вопросы теории и методики исторического исследования / А.П. Пронштейн, И.Н. Данилевский.- М., 1986. - С.16-17.

⁷⁸См. Варшавчик М.А. Источниковедение истории КПСС /М.А. Варшавчик. – М., 1989.- С.24.

⁷⁹Барг М.А. Категории и методы исторической науки.- С.152.

⁸⁰Барг М.А. Категории и методы исторической науки. - С.173.

⁸¹Кондаков Н.И. Логический словарь.- С.364, 458.

⁸²См. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. - С.160,169.

⁸³См.Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты /А.И. Зевелев.- М., 1987.- С. 96. А.И. Зевелев – доктор исторических наук.

⁸⁴См.Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты /А.И. Зевелев.- М., 1987. - С.21.

⁸⁵См. Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования / Б.В. Грушин. – М., 1961.– С. 54-55. Б.А. Грушин – доктор философских наук.

⁸⁶Барг М.А. Категории и методы исторической науки.-С.68.

См.Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты /А.И. Зевелев.- М., 1987.⁸⁷ -С. 70.

⁸⁸Барг М.А. Категории и методы исторической науки. - С.164.

⁸⁹См. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории /Л.Н. Пушкарев.- М., 1975.- С.18. Л.Н. Пушкарев – доктор исторических наук.

⁹⁰См. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. - С.265.

⁹¹См. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории /И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М., 1998. - С.76.

⁹²См. Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты.- С.120.

⁹³См. Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. - С.132.

⁹⁴На эту особенность верификационных процедур в академической истории хотелось бы обратить особое внимание. Дело в том, что проверка на достоверность информации, содержащейся в диссертациях, книгах и монографиях, как правило, не идет дальше анализа неких *идей*, заложенных в этих произведениях и выявления *пробелов*, обнаруживаемых в историографической части исследования.

Крайне редко проверяется достоверность использования архивных материалов, на которых, собственно говоря, часто и строятся утверждения о «научной новизне». До сих пор в исторических работах во множестве используются «глухие» ссылки на архивные фонды, то есть не называются сами анализируемые документы. Это сильно затрудняет работу экспертов. В результате - не так уж редки случаи фальсификации источников,

«подгонки» результатов исследования под заранее созданную схему.

⁹⁵См. Пронштейн А.П. Вопросы теории и методики исторического исследования.- С.22-23.

⁹⁶См. Пронштейн А.П. Вопросы теории и методики исторического исследования. - С.35.

⁹⁷См. Кроче Б. Теория и история историографии /Пер. с ит. И.М. Заславской. Послесл. Т.В Павловой. Науч. ред. М.Л. Андреевой.- М., 1998. - С.9.

Правда, как это не редко бывает, высказав одну правильную мысль, ученый иногда «нейтрализует» ее множеством других, ошибочных. Вот и Б.Кроче, высказав здравую мысль о сути современной истории, тут же фактически перечеркивает ее утверждением о том, что и «прошлое» («несовременная история») *также современно*.

Об «историзме» высказываний Б.Кроче можно судить по следующей цитате: «Ваша душа и есть то горнило, в котором *достоверное* переплавляется в *истинное*, а *филология*, сливаясь с *философией*, порождает историю» (С.17). Курсив в тексте - Б. Кроче.

⁹⁸См. Сенкевич Ю. А. На «Ра» через Атлантику /Ю.А. Сенкевич.- Л., 1973.

Эти возможности не учитывают В.С. Шмаков и Н.И. Смоленский, заявляя, что применение экспериментальных методов исследования в истории невозможно (См. Шмаков В.С. Структура истори-

ческого знания и картина мира.- С.18; Смоленский Н.И. Теория и методология истории.- С.29). Все зависит от того, какое содержание вкладывается в понятие «эксперимент».

Об эксперименте в историческом исследовании см., например: Семенов С.А. Изучение первобытной техники методом эксперимента /С.А. Семенов //Новые методы в археологических исследованиях. - М.-Л., 1963; Исторический эксперимент: теория, методология, практика /Отв. ред. П.В. Боярский. - М., 1990; Вагнер Г. А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории /Г.А. Вагнер.- М., 2006.

⁹⁹См. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования.- С.428.

¹⁰⁰См. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. /И.М. Савельева, А.В. Полетаев. - Т. 1.- С.311.

¹⁰¹Т.е. «несовременная история».

¹⁰²См. Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. - С.32.

¹⁰³См. Минц С.С. Взгляд на историю как точную науку. О.М. Медушевская о связи современного источниковедения с философским осмыслением роли истории в изучении человеческого сознания // Российская история.- 2010.- №1. – С. 139.

¹⁰⁴См. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки.- С.356.

¹⁰⁵ Об «интерпретации-описании» в естественно-научном познании см.: Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм. - С. 65-67.

¹⁰⁶ См. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования.- С.328-329.

¹⁰⁷ См. Маслов Н.Н. Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования /Н.Н. Маслов.- М., 1983.- С.11-20. Кроме того, автор указывает и на «методы смежных наук» (статистические, социологические, социальной психологии). Н.Н. Маслов – доктор исторических наук.

В свете современного знания не приемлемы рассуждения Н.Н. Маслова о «принципе партийности», как о «научном принципе», хотя сами проявления «партийности» в исследовательской практике встречаются довольно часто.

К сожалению, этот важный нюанс не учитывается в работах некоторых современных историков. Так, О.В. Сидоренко считает, что «забвение» принципа партийности «не оправдано» (См. Сидоренко О.В. Историография IX- нач.ХХ вв. Отечественной истории (учебное пособие) /О.В. Сидоренко.- Владивосток, 2004. – С.8).

¹⁰⁸ См. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм.- С.66.

¹⁰⁹ См. Словарь философских терминов.- С.433.

¹¹⁰ См. Репина Л.П. История исторического знания /Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова.

– М., 2004.- С.245-246. Л.П. Репина – доктор исторических наук.

¹¹¹См. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. – С.182.

¹¹²Цит. по: Словарь философских терминов.- С.109.

¹¹³См. Словарь философских терминов. - С.500-501.

¹¹⁴См. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. – С.337.

¹¹⁵См. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. – С.232.

¹¹⁶См. Гусева Н.С. Проблема объективности и достоверности исторического познания: конструктивистские гипотезы и философия постмодерна //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012.- № 7 (21). В 3-х ч.- Ч.1.- С.58.

¹¹⁷См. Ильичев А.А. Исторический факт как гносеологический феномен: Автореферат кандидата философских наук /А.А. Ильичев.- Саратов, 2012. См. критику этой работы ("Исторический факт как гносеологический феномен": все ли так просто? Об исследовании Ильичева Александра Алексеевича. – М., 2012.

URL: <http://klio.3dn.ru/publ/44-1-0-310>

¹¹⁸См. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. /И.М. Савельева, А.В. Полетаев.- Т. 1. - С.249.

¹¹⁹Словосочетание «конструирование прошлого» - применительно к исследовательской деятельности представителей т.н. «аналитической истории» - часто используется во втором томе труда И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «Знание о прошлом: теория и история» (СПб., 2006.- С.602, 618,633,683).

¹²⁰См. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. /И.М. Савельева, А.В. Полетаев.- СПб., 2006.- Т. 2. - С. 683.

¹²¹См. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. /И.М. Савельева, А.В. Полетаев.- Т.1.- С.250.

С другой стороны, данные авторы не совсем последовательны в отстаивании своей постмодернистской концепции истории, когда пишут: «Объем, характер и первичная обработка эмпирического материала в большинстве случаев ограничены пределами возможностей одного индивида, *реконструирующего* тот или иной фрагмент прошлой реальности»... «Выводы, используемые при *реконструкции*, также должны соотноситься с гипотезами, а не с постулатами»... «Для того, чтобы понять то или иное произведение индивидуально-го творчества, нужно как можно полнее изучить

среду (социальную и культурную), в которой это произведение создавалось, а также попытаться воспроизвести процесс восприятия окружающей реальности автором, по возможности - *реконструируя* личный жизненный опыт автора, и тем самым проникнуть в его психику (сознание)» (См. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. /И.М. Савельева, А.В. Полетаев.- Т. 1. - С.312, 314,372).

Символично, что второй том своего труда авторы заканчивают словами: «... именно история является главной дисциплиной, *создающей научное знание о прошлом*» (См. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. /И.М. Савельева, А.В. Полетаев.- СПб., 2006.- Т. 2. - С.683).

Легко увидеть, что эта фраза находится в полном противоречии с утверждениями этих же авторов о том, что историки «конструируют прошлое». «Конструировать» прошлое и создавать научное знание о прошлом – далеко не одно и то же.

¹²²См. Кнабе Г.С. Общественно-историческое познание второй половины XX века и наука о культуре. Проблемы, перспективы и трудности //Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима /Г.С. Кнабе.- М., 1994. - С.163-166. Г.С. Кнабе – доктор исторических наук.

Г.С. Кнабе не проводит необходимой четкой границы между архаическими представлениями об истории («общественный миф», «общественный идеал» в преданиях и легендах) и современным «критико-аналитическим» историческим познанием (См. Кнабе Г.С. Проблема Цицерона /Г.С. Кнабе // Грималь П. Цицерон. – М., 1991.- С.18).

¹²³См. Репина Л.П. История исторического знания. - С.278.

¹²⁴См. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки.- С.269.

¹²⁵См.Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм.- С.180.

¹²⁶См.Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории /А.С. Лаппо-Данилевский.- Пг., 1923.- Вып.1.- С.24.

¹²⁷См. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. - С.255.

Е.А. Мамчур также проводит четкую границу между искусством и наукой, считая искусство формой «игровой деятельности» (См. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм.- С.182-183).

¹²⁸См. Словарь философских терминов. - С.504-505.

¹²⁹См.Сапронов М.В. Концепция самоорганизации в общественном знании: мода или насущная необходимость? (Размышления о будущем историче-

ской науки) /В.М. Сапронов // Общественные науки и современность.- 2001.- №1. - С. 151-154.

¹³⁰См.Сапронов М.В. Концепция самоорганизации в обществознании: мода или насущная необходимость? (Размышления о будущем исторической науки).- С. 158.

¹³¹См.Сапронов М.В. Концепция самоорганизации в обществознании: мода или насущная необходимость? (Размышления о будущем исторической науки). - С.160.

¹³²См.Емельянов Ю.В. Сталин. Путь к власти /Ю.В. Емельянов.- М., 2006.- С.17, 38-39.

¹³³См.Дацишина М.В. Тема Наполеона и Отечественной войны 1812 года в советской и нацистской пропаганде // Вопросы истории.- 2011.- №6. - С.149-156. М.В. Дацишина – кандидат исторических наук.

¹³⁴См. Кто же манипулировал с прошлым? О статье М.В. Дацишиной "Тема Наполеона и Отечественной войны 1812 года в советской и нацистской пропаганде". – М.: НЭИ «Российская историография», 2011.

URL: <http://klio.3dn.ru/publ/4-1-0-283>

¹³⁵См.Фаизов С.Ф. Синие горы заволжской степи и Белые горы (Сара тау) Правобережья – топонимическая взаимозависимость //Прихоперье и Саратовский край в панораме веков.- Балашов,

2004.- С. 40. С.Ф. Фаизов – кандидат исторических наук.

¹³⁶См. Захаров В.М. Балашовский край в трудах Саратовской ученой архивной комиссии /В.М. Захаров //Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков.- Балашов, 2004.- С.22. В.М. Захаров и Т.А. Захарова – кандидаты исторических наук.

¹³⁷Цит. по: Города России: энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Лаппо.- М., 1998.- С.457.

¹³⁸См. Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков. – Балашов, 2004.- С.24.

¹³⁹См. Захаров В.М. Первое исследование о Саратовском крае /В.М. Захаров //Музей как отражение истории края. Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков. – Балашов, 2003.- С.57

¹⁴⁰См. Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). - Саратов, 2002.- С. 246-247.

¹⁴¹См. Захаров В.М. Первое исследование о Саратовском крае /В.М. Захаров //Музей как отражение истории края. Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков. – Балашов, 2003. - С.57.

¹⁴²См. подробнее: Энциклопедия Саратовского края.- С.246-248.

¹⁴³См. Захаров В.М. Саратовская ученая архивная комиссия (1886-1920) /В.М. Захаров, Т.А. Захарова.- Волгоград, 2005. - С.32.

¹⁴⁴См. Прихонерье и Саратовский край в панораме веков. – Балашов, 2004.- С.26.

¹⁴⁵См. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка /С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова.- М., 1992. - С.317.

¹⁴⁶См. Захаров В.М.Саратовская ученая архивная комиссия (1886-1920).- С.53.

¹⁴⁷См. Захаров В.М. Саратовская ученая архивная комиссия (1886-1920). - С.50,53.

¹⁴⁸См. Захаров В.М. Саратовская ученая архивная комиссия (1886-1920). - С.53-54.

¹⁴⁹См. Захаров В.М. Саратовская ученая архивная комиссия (1886-1920). - С.125.

¹⁵⁰См. Майорова А.С. История Нижнего Поволжья в трудах саратовских историков с середины XVIII до 80-х гг. XIX века /А.С. Майорова //Отечественная история.- 2007.- № 3.- С. 105-106. А.С. Майорова – кандидат исторических наук.

¹⁵¹Титул «императорский» имел немаловажное значение, т.к. «помимо августейшего осенения, он давал ряд прав, а также возможность финансирования... из бюджета Министерства императорского двора и уделов» (См. Никитин С.А. Императорское Русское историческое общество /С.А. Никитин //Вопросы истории.- 2007.- №3. - С.10).

¹⁵²См. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России /В.П. Макарихин. - Н.

Новгород, 1991. - С. 13-16. В.П. Макарихин – доктор исторических наук.

¹⁵³См. Никитин С.А. Императорское Русское историческое общество.- С.15-17.

¹⁵⁴Никитин С.А. Императорское Русское историческое общество.- С.16.

¹⁵⁵См. Захаров В.М. Саратовская ученая архивная комиссия (1886-1920).- С.125.

¹⁵⁶См. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. - С.25-26.

¹⁵⁷См. Прихоперье и Саратовский край в панораме веков.- Балашов, 2005.- С.54.

¹⁵⁸Прихоперье и Саратовский край в панораме веков.- Балашов, 2005.- С.54.

¹⁵⁹См. Захаров В.М. У истоков саратовского исторического краеведения: Уч. пос. /В.М. Захаров, В.Г. Миронов. - Балашов, 1991.-С.12.

¹⁶⁰См. Захаров В.М. Саратовская ученая архивная комиссия (1886-1920).- С. 20; Захаров В.М. Народные движения XVIII века в оценке Д.Л. Мордовцева /В.М. Захаров //Прихоперье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XX и XXI историко-краеведческих конференци. - Балашов, 2012. – С. 36.

¹⁶¹См. Герасименко Г.А. История российской исторической науки (дооктябрьский период) /Г.А. Герасименко.- Оренбург, 2002. – С.70.

¹⁶²Герасименко Г.А. История российской исторической науки (дооктябрьский период) /Г.А. Герасименко.- Оренбург, 2002. - С.92.

¹⁶³В 1851 году вышел в свет первый том его «Истории России с древнейших времен».

¹⁶⁴См. Захаров В.М. Народные движения XVIII века в оценке Д.Л. Мордовцева //Прихоперье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XIX историко-краеведческой конференции. - Балашов, 2010. - С.45-50.

¹⁶⁵На этот момент в творчестве В.М. Захарова мы обращали внимание еще в 2004 году в очерке «Локально-исторические исследования и Хоперский край» (См. Смотров В.В., Смотров О.В., Голованов В.М. и др. Православие Хоперское казачество. - Балашов, 2004.- С.13).

Такой же подход наблюдался и в 2012 году. Что удивительно В.М. Захаров даже не изменил название статьи о Д.Л. Мордовцеве – «Народные движения XVIII века в оценке Д.Л. Мордовцева», хотя статья напечатана спустя два года в том же музейном сборнике (См. Прихоперье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XX и XXI историко-краеведческих конференций. - Балашов, 2012.- С.35-40).

¹⁶⁶См. Захаров В.М. Общественно-литературная деятельность Д.Л. Мордовцева в Саратове. //Исторические, философские, политические и

юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. - Ч. II. - С.87.

¹⁶⁷Венгеров С.А. Скабичевский Александр Михайлович //Русский биографический словарь: сетевая версия.

URL: <http://www.rulex.ru/01181051.htm>

¹⁶⁸См., например, Михайловский Николай Константинович (1842—1904) //Библиографический указатель «Хронос».

URL:http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/mihaylovski_nk.php

¹⁶⁹См. Назаров В.В. Балашовский край в 1825-1855 годы (по материалам Балашовского филиала ГАСО) //Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков. - Балашов, 2006. С.63-65. В.В. Назаров – кандидат исторических наук.

¹⁷⁰См. Назаров В.В. «Дело Солонина». К истории противостояния большевиков и эсеров в Балашовском уезде в 1918 г. //Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков.- Саратов, 2007. С.43-45. Далее – Назаров В.В. «Дело Солонина».

¹⁷¹Борьба (г. Балашов), 1927, 12 августа, № 60.

¹⁷²Масленникова Л.Н. Георгий Солонин, левый эсер //Балашовская правда (г. Балашов), 1991, 6 ноября, № 177

¹⁷³См. Кучеряев А.В. Дело Г.И. Солонина // Альманах «Кафедра» (г. Балашов), 1993.- №2.- С. 6-9.

¹⁷⁴См. Смотров В.В., Смотров О.В. Балашовское Прихоперье в огне Гражданской войны (1918-1921).- Балашов, 2006. - С. 27-31.

¹⁷⁵См. Судьбы политической оппозиции // Наше Отечество: Опыт политической истории / С.В. Кулешов, О.В. Волобуев, Е.И. Пивовар и др. - М., 1991. - Ч. II. - С. 90-136.

¹⁷⁶См. Судьбы политической оппозиции.- С.119.

¹⁷⁷В мае 1917 г. в Петрограде прошла Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП, а в августе — объединительный съезд меньшевиков, на котором было провозглашено создание РСДРП (объединенной). В апреле 1918 г. ЦК РСДРП (о) постановил именовать партию Российской социал-демократической рабочей партией (РСДРП), без дополнений — меньшевиков или объединенцев.

В Грузии местные меньшевики в 1918 г. образовали отдельную партию - Социал-демократическую партию Грузии, которая стала правящей партией в Грузинской Демократической Республике.

Некоторые бывшие меньшевики сумели выжить в условиях большевистского режима и даже занять значительные руководящие должности (А.Я. Вышинский, И.М. Майский, А.А. Трояновский).

См.Меньшевик.

URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki/Меньшевик>

¹⁷⁸См. Меньшевик.

URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Меньшевик>

¹⁷⁹См. Мартов Юлий Осипович.

URL:http://ru.wikipedia.org/wiki/Мартов,_Юлий_Осипович

¹⁸⁰См. Судьбы политической оппозиции. - С.120-121.

¹⁸¹Цит по: Судьбы политической оппозиции.- С.121.

¹⁸²См. Судьбы политической оппозиции.- С.123.

¹⁸³См.Назаров В.В. Лидер саратовских эсеров И.И. Ракитников: страницы биографии // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. Материалы XX и XXI историко-краеведческих конференций /Отв. ред. В.В. Назаров. – Балашов, 2012.- С.219. При этом В.В. Назаров использовал материалы статьи Л.Овруцкого и А. Разгона «Понять дух 6 июля»» (Отечественная история, 1992, №3), не осуществив необходимой научной критики ее содержания.

¹⁸⁴Такое название фигурирует в архивных документах (См. Протоколы собрания Уездного исполкома и заседания Усовета народных комиссаров. Приказы президиума УИКа // Филиал ОГУ «Саратовский государственный архив» в г. Балашове (БФ ГАСО), ф.39, оп.1, д.6, л.1а). Правда, в других

протоколах слова «рабочих», «солдатских», «крестьянских» иногда меняются местами. Номер упоминаемого архивного дела можно читать и как «Б».

¹⁸⁵См. Назаров В.В. «Дело Солонина». - С.45.

¹⁸⁶Масленникова Л.Н. Георгий Солонин, левый эсер //Балашовская правда (г. Балашов), 1991, 6 ноября, № 177; Масленникова Л.Н. Революционные события и гражданская война //Балашов – уездный город. 1780-1928.- Балашов, 1997.- Кн.1. - С.163.

Несколько замечаний о книге «Балашов – уездный город. 1780-1928». Она издавалась дважды. Первое издание имеет обложку красного цвета, второе – синего. И хотя в титульном листе второго издания указан 1997 год (как и в первом), на самом деле, это уже иная книга. Во второе издание внесены дополнения и изменения, а это, в свою очередь, привело к изменению нумерации страниц. В связи с тем, что эта книга была напечатана в 2001 году, то, видимо, исследователям и надо указывать этот год, делая при этом необходимое примечание. В нашем материале ссылки делаются на первое издание (1997 г.).

¹⁸⁷См. Примечание №1 к «Обращению II Всероссийского съезда Советов» //Сайт Конституции Российской Федерации.

URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5300/>

¹⁸⁸Максималисты (в России) //Большая советская энциклопедия. Электронная версия. На 3-х дисках.- М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», ЗАО «Гласнет», 2003; Союз эсеров-максималистов в начале XX века //Историк – общественно-политический журнал.

URL: <http://www.historicus.ru/eseri/>

Всероссийский съезд Советов.

URL:http://ru.wikipedia.org/wiki/Всероссийский_съезд_Советов

¹⁸⁹Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета "Об исключении из состава Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Советов и местных Советов представителей контрреволюционных партий - социалистов-революционеров (правых и центра) и Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков)"//Сайт Конституции Российской Федерации.

URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5409/>

В примечании №1 к «Постановлению чрезвычайного IV Всероссийского съезда Советов "О перенесении столицы" указывается на состав съезда: «Чрезвычайный IV Всероссийский съезд Советов происходил в Москве 14 (1) - 16 (3) марта 1918 г.

На съезде, по данным мандатной комиссии, опубликованным в "Известиях ВЦИК" 17 марта 1918 г., присутствовало с правом решающего голоса 1204 делегата: большевиков 795, "левых" эсеров 284, анархистов 14, украинских эсеров 3, *максималистов 24, эсеров центра 29*, меньшевиков-интернационалистов 11, меньшевиков-объединенцев 6, меньшевиков 21, беспартийных 17» // Сайт Конституции Российской Федерации.

URL:<http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5329/>

¹⁹⁰Союз эсеров-максималистов в начале XX века //Историк – общественно-политический журнал.

URL: <http://www.historicus.ru/eseri/>

¹⁹¹См. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия /Гл.редактор С.С. Хромов. – М.: Советская энциклопедия, 1983.- С.340.

¹⁹²Цит. по: Эсеры – максималисты в борьбе за новый Мир //Журнал «Самиздат».

URL: http://zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/eser.shtml

¹⁹³Эсеры – максималисты в борьбе за новый Мир //Журнал «Самиздат».

URL: http://zhurnal.lib.ru/m/magid_m_n/eser.shtml

¹⁹⁴См. Краткая автобиография члена ВКП (б) п/билет 363337 Солонина Георгия Ивановича //Из дела по обвинению Солонина и др. Фотокопии и машинописные выписки //Филиал ОГУ «Саратов-

ский государственный архив» в г. Балашове (БФ ГАСО). Ф. К.- Оп.1.- Д. 88 (листы пронумерованы не все). Далее – «Из дела Солонина».

¹⁹⁵Эсеры-максималисты.

URL: http://www.hrono.info/organ/sr_max.html

¹⁹⁶Партия левых социалистов-революционеров.

URL:http://ru.wikipedia.org/wiki/Партия_левых_социалистов-революционеров

¹⁹⁷Кроме того, В.В. Назаров не раскрывает содержание употребляемого им термина «фактическое руководство». Чем отличается просто «руководство» от «руководства фактического»? Что этим хотел сказать В.В. Назаров? В статье ответа на этот вопрос нет.

¹⁹⁸Кстати, ответственным редактором сборника, в котором опубликована анализируемая статья, был сам В.В. Назаров.

¹⁹⁹См. Резолюцию, принятую на III съезде Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, проходившем с 23 (10) по 25 февраля 1918 года в г. Балашове (далее – Резолюция III Съезда Советов Балашовского уезда) //Сборник резолюций съездов Советов и объединенных собраний Советов //БФ ГАСО.- Ф.39. – Оп.1. – Д.2.- Л.5а-5ж.

²⁰⁰Резолюция III Съезда Советов Балашовского уезда //Сборник резолюций съездов Советов и

объединенных собраний Советов //БФ ГАСО.-
Ф.39. – Оп.1. – Д.2.- Л.5а.

²⁰¹Резолюция III Съезда Советов Балашовского
уезда //Сборник резолюций съездов Советов и
объединенных собраний Советов //БФ ГАСО.-
Ф.39. – Оп.1. – Д.2.- Л.5а.

²⁰²Резолюция III Съезда Советов Балашовского
уезда //Сборник резолюций съездов Советов и
объединенных собраний Советов //БФ ГАСО.-
Ф.39. – Оп.1. – Д.2.- Л.5в.

²⁰³Резолюция III Съезда Советов Балашовского
уезда //Сборник резолюций съездов Советов и
объединенных собраний Советов //БФ ГАСО.-
Ф.39. – Оп.1. – Д.2.- Л. 5г.

²⁰⁴Резолюция III Съезда Советов Балашовского
уезда //Сборник резолюций съездов Советов и
объединенных собраний Советов //БФ ГАСО.-
Ф.39. – Оп.1. – Д.2.- Л.5б.

²⁰⁵См. Резолюцию VI очередного экстренного
съезда Советов рабочих, солдатских и крестьян-
ских депутатов Балашовского уезда (15-21 июня
1918 г., г. Балашов Саратовской губернии) //БФ
ГАСО. - Ф.39. - Оп.1.- Д.32.- Л. 45 об.

Заметим, что Л.Н. Масленникова в своем очерке
указала на то, что в новый состав исполкома во-
шли «максималисты» (См. Балашов – уездный го-
род. 1780-1928. – Балашов, 1997. - С.74), но непра-
вильно указала их количество – четыре. Не назва-

ла она и фамилии членов исполкома – эсеров-максималистов. Видимо, сам факт избрания в новый исполком максималистов прошел мимо ее внимания, т.к. она ошибочно считала Г.И. Солонина «левым эсером».

С другой стороны, на эту публикацию Л.Н. Масленниковой обязан был обратить внимание кандидат исторических наук В.В. Назаров в ходе историографического анализа.

²⁰⁶См. Сборник. Переписка Ревизионной комиссии 6-го съезда об изъятии оружия, наложения штрафа, изъятия имущества и другим (далее неразборчиво- Л.К.) //БФ ГАСО. - Ф.39. - Оп.1.- Д.105.-Л.36.

²⁰⁷См. Доклад ревизионной комиссии 6-го съезда Советов о деятельности Солонина и руководимого им исполкома // БФ ГАСО. - Ф.39. - Оп.1.- Д.6 (можно прочесть как «Б»).- Л.142-143.

²⁰⁸См. Резолюцию IV съезда Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Балашовского уезда Саратовской губернии (23-25 февраля 1918 г.) // Сборник резолюций съездов Советов и объединенных собраний Советов (БФ ГАСО. - Ф.39. - Оп.1.- Д.2.- Л. 6 а).

Можно предположить, что хронологические рамки работы данного съезда указаны неправильно. Ведь он проходил уже после возвращения Г.И.

Солонина с IV Всероссийского съезда Советов, проходившего 14 (1) - 16 (3) марта 1918 г.

23 (10) по 25 февраля 1918 г. проходил III съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Балашовского уезда Саратовской губернии.

²⁰⁹ Декрет о мире.

URL:[http://ru.wikipedia.org/wiki/Декрет о мире](http://ru.wikipedia.org/wiki/Декрет_о_мире)

²¹⁰ Левые коммунисты.

URL:[http://ru.wikipedia.org/wiki/Левые коммунисты](http://ru.wikipedia.org/wiki/Левые_коммунисты)

²¹¹ См. Соловьев А.А. Съезды и конференции КПСС: Справочник /А.А. Соловьев. – М.: Политиздат, 1986.- С.113-120.

²¹² IV Всероссийский съезд Советов.

URL:[http://ru.wikipedia.org/wiki/IV Всероссийский съезд Советов](http://ru.wikipedia.org/wiki/IV_Всероссийский_съезд_Советов)

²¹³ См. Назаров В.В. «Дело Солонина».- С.45.

²¹⁴ Речь идет о т.н. «Штабе по борьбе с контрреволюцией Балашова, Борисоглебска, Поворино и Новохоперска».

²¹⁵ См. Протокол собрания Балашовского Совета Народных уездных комиссаров от 12 марта 1918 г. /Протоколы собрания Уездного исполкома и заседания Усовета народных комиссаров. Приказы президиума УИКа //БФ ГАСО. Ф. 39.- Оп.1.- Д.6.

²¹⁶ См. Назаров В.В. «Дело Солонина».- С.44.

²¹⁷См. Из протокола допроса 11 июля 1918 г. помгубпродкомиссара Н.А. Туркина //Из дела Солони́на. – Л.7-8; Помгубкомиссар Н.А Туркин. Примечание //Из дела Солони́на.- Л.8. Один из официальных документов, приобщенных к делу Солони́на, Н.А. Туркин подписал так: «комиссар по продовольствию Н.Туркин» (Там же).

²¹⁸См. Доклад Ревизионной комиссии по итогам расследования деятельности Г.И. Солони́на //Из дела Солони́на. – Л. 96-101,102-105.

²¹⁹См., например, Из протокола допроса 12 июля 1918 г. Вячеслава Александровича Зюньзя //Из дела Солони́на. - Л.7.

²²⁰Из протокола допроса 5 июля 1918 г. Семена Семеновича Типаева //Из дела Солони́на. – Л.8.

²²¹См. Из протокола допроса – июля 2 дня 1918 года Павла Филипповича Миркитана – секретарь исполкома с 5 декабря 1917 г. //Из дела Солони́на //БФ ГАСО. Ф. К.- Оп.1.- Д.88.- Л.3-7 (номера листов указаны в самой выписке).

²²²Т.В. Платонова – кандидат исторических наук.

²²³См. Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков.- Балашов, 2004.- С.90.

²²⁴См. Прихоперьё и Саратовский край в панораме веков.- С.89.

²²⁵См. Вахрушев В.С. «Большой, как солнце, Балашов...» (история и культура среднего Прихо-

перья): Моногр. /В.С. Вахрушев. - Балашов, 2007. - С. 5, 246 (Далее – История и культура среднего Прихоперья). В.С. Вахрушев – доктор филологических наук.

²²⁶См. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории /С.Ф. Платонов.- М., 1993. - С.55.

²²⁷«Тот факт, что историки имеют дело с текстами, не означает, что единственным объектом их изучения должны быть сами эти тексты... Конечно, существуют научные дисциплины, в которых именно текст может рассматриваться как конечный объект исследования - в семиотике, филологии и т. д. Однако не вполне ясно, почему представители этих специальностей вдруг стали настойчиво убеждать историков, что конечной целью исторических исследований также должно быть изучение текстов, по сути возрождая девиз Н. Фюстель де Куланжа: «Тексты, тексты, ничего кроме текстов»... «Вместе с тем ясно, что конечной целью исследования в общественных науках в целом и в истории, в частности, является *сама социальная реальность, а не знаки сами по себе*, что иногда забывают сторонники «лингвистического поворота»... «исторический анализ текстов следует отличать от филологического подхода...», - обоснованно считают И.М. Савельева и А.В. Полетаев (См. Савельева И. М. Знание о прошлом:

теория и история: В 2 т. /И.М. Савельева, А.В. Полетаев.- Т.1. - С. 306,309,371).

²²⁸См. Вахрушев В.С. О концепте «Балашовская мифология» /В.С. Вахрушев //Весы (г.Балашов).- 2006.- № 31.- С.60.

²²⁹История и культура среднего Прихоперья. - С.6.

²³⁰История и культура среднего Прихоперья. - С.6.

²³¹См. Степин В.С. Теоретическое знание.- С.703.

²³²См. Степин В.С. Теоретическое знание.- С.621.

²³³История и культура среднего Прихоперья. - С.9.

²³⁴История и культура среднего Прихоперья. - С. 45.

Нужно отметить, что постмодернистских позиций В.С. Вахрушев придерживался не всегда. Например, в 1999 году он писал так: «Вся гуманитарная культура второй половины XX века буквально «заиклилась» на Тексте, она, можно сказать, страдает текстоманией. Современные структуралисты, деконструктивисты, постмодернисты видят текст всюду – в явлениях природы, космоса, в живописи; музыке, истории, экологии» (См. Вахрушев В.С. История как игра и как текст /В.С.

Вахрушев //Российский исторический журнал.- 1999.- №2.- С. 15).

²³⁵См. Госьков Д.П. Далекое прошлое Балашова /Д.П. Госьков // Балашовский исторический журнал.- 1993.- №3. - С.18; Он же. Как Балашов стал городом /Д.П. Госьков //Балашовский исторический журнал.- 1994.- №1.- С.4.

²³⁶История и культура среднего Прихоперья. - С.31.

²³⁷История и культура среднего Прихоперья. - С. 38.

²³⁸История и культура среднего Прихоперья.- С.43.

²³⁹См.Колесник А. Генерал Власов - предатель или герой? /А. Колесник.- М., 1991. – С. 148. А.Н. Колесник – кандидат исторических наук.

²⁴⁰См.Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? М., 2003. - С.450-451.

²⁴¹См.Власов, Андрей Андреевич. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Власов,Андрей Андреевич](http://ru.wikipedia.org/wiki/Власов,Андрей_Андреевич)

²⁴²Достаточно сравнить содержание этих произведений с утверждениями современных прибалтийских правых о том, что Вторая мировая война в целом была "антибольшевистской войной, и так ее и нужно воспринимать в истории" (См. Ветераны латышского легиона СС "готовы к борьбе с русскими"//Сайт «Regnum», 2012, 30 июля.

URL:<http://www.regnum.ru/news/polit/1556200.html>)

²⁴³См. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах /А.В. Посадский.- Саратов, 2004. - С.6. А.В. Посадский – доктор исторических наук.

Не может не настораживать тот факт, что выводы о коллаборационистских подразделениях основаны не на оригинальном исследовании, а на данных, почерпнутых из публикаций иных авторов, *хотя монография А.В. Посадского не является историографической.*

²⁴⁴См. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. - С.415.

²⁴⁵См. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. – С.419.

²⁴⁶См. Отечественная война 1812 года. URL: <http://www.patrio.ru/propaganda.htm>

²⁴⁷Полубота А. Наполеон боялся русской свободы. Войну 1812 года выиграла крепостные. Беседа с историком Е. Мезенцовым //Сайт «Свободная пресса», 2012, 29 июля.

URL: <http://svpressa.ru/society/article/57377/>

²⁴⁸См, например, Всемирная история в 24 томах. – Минск, 1999. – Т.23.- С.261; Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и прояв-

ления в годы Второй мировой войны /М.И. Семиряга. – М., 2000; Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- Великий Новгород, 2009.

²⁴⁹См. Кривошеев Г.Ф. Анализ сил и потерь на советско-германском фронте: Доклад на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны 29.12.1998 г.

URL:<http://gpw.tellur.ru/page.html?r=facts&s=losses>
Итоги Второй мировой войны.

URL: <http://otvoyna.ru/itogi.htm>

Имеются и альтернативные подсчеты потерь СССР в Великой Отечественной войне (См. Земсков В.Н. К вопросу о масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (В поисках истины) //Мир и политика, 2012, № 5.

URL: http://mir-politika.ru/themes/polit_istoriya/301-lyudskiepoteri.html

Но в любом случае речь идет о миллионах людей.

²⁵⁰См. Кропачев С.А. Отечественная историография масштабов и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937-1945 годы: Автореферат диссертации доктора исторических наук.- Майкоп, 2011.

²⁵¹Толпы европейских диктаторов накануне Второй мировой.

URL:<http://www.liveinternet.ru/users/zampolit00/post179703910>

²⁵²См., например, Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1992. - С.777.

²⁵³См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. - С.44. Б.Н. Ковалев – доктор исторических наук.

Примерно, об этом же см.: Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма: История и психология подвига. – М., 2003.- С.241-263.

²⁵⁴Термин «логическая уловка» используется логиками науки (См., например, Кондаков Н.И. Логический словарь. – С. 492).

²⁵⁵См.Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. – С.421.

²⁵⁶См.Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия.- М., 1983.- С. 264, 267.

²⁵⁷См.Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии: Монография /С.В. Устинкин.- Нижний Новгород, 1995. - С.342. Планировалось проведение и «региональных» Учредительных Собраний (См., например, Сергеев В.Н. Донская республика /В.Н. Сергеев.- Ростов н/Д, 2005.- С.296-297; Цветков В.Ж. Репрессивное законодательство белых правительств /В.Ж. Цветков //Вопросы истории. - 2007.- №4.- С.18).

²⁵⁸См.Шкуро А.Г. Записки белого партизана /А.Г. Шкуро // Белое дело. Добровольцы и партизаны.- М., 1996.- С.235.

²⁵⁹Цит. по: Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. - С.102.

²⁶⁰См.Деникин А.И. Очерки русской смуты. /А.И. Деникин. – М., 2005. - Т. 5. - С.124.

²⁶¹См., например, История России с древнейших времен до начала XXI века /Под ред. А.Н. Сахарова.- М., 2006. - С.1034, 1087.

²⁶²См.Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. - С.159.

²⁶³См. Щеров И.П. Гражданские войны в России /И.П. Щеров.-Смоленск, 2008. - Гл.5,6. На сторону фашистской Германии встал и казачий генерал П.Н.Краснов – в прошлом активный деятель Гражданской войны 1918-1921 гг.

²⁶⁴См. Ответ генералу А.И. Деникину из штаба Айзенгауера (так в тексте – Л.К.) 18 февраля 1946 года // Киселев А. Облик генерала А.А. Власова: Записки военного священника. - 2-е изд., доп. /А. Киселев. – Изд-во «Путь жизни».- б/м и года изд. - С. 210.

²⁶⁵См. Щеров И.П. Гражданские войны в России. - С.341-342.

²⁶⁶См. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»). - С. 310. - Прим.194.

²⁶⁷ Самошкин В.В. восторженно пишет: «За умелое руководство эскадром и личную отвагу, проявленные в этом тяжелейшем бою под Жердевкой, Г.К.Жуков в 1922 году был награжден орденом Красного Знамени. Это был самый первый орден в жизни величайшего полководца XX века» (Самошкин В.В. Хроника Антоновского восстания: Документальный очерк. Александр Антонов. Страницы биографии /В.В. Самошкин. - Борисоглебск, 2003.- С.79).

²⁶⁸ См. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия.- М., 1983. - С.352.

²⁶⁹ См. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. – С.415.

²⁷⁰ См.Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. – С.420.

²⁷¹ См. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. – С.420.

²⁷² См. Манифест Комитета освобождения народов России //Киселев А. Облик генерала Власова: Изд. 2-е, доп. – б/м изд. и года изд.- С. 197.

²⁷³ См. Жуков Д., Кофтун И. Русские эсэсовцы. – М., 2011. – С. 283.

²⁷⁴См. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. – С.420.

²⁷⁵См. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. – С.420.

²⁷⁶См. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. – С.420.

²⁷⁷См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.22-23.

²⁷⁸См. Щеров И.П. Гражданские войны в России /И.П. Щеров. – Смоленск, 2008.- С.186;

Каминский Бронислав Владиславович.

URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Каминский,_Бронислав_Владиславович

²⁷⁹См. Щеров И.П. Гражданские войны в России.- С.186; Жуков Д., Кофтун И. Русские эсесовцы. - М., 2010. – С.285.

²⁸⁰См. Щеров И.П. Гражданские войны в России.- С.186; Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.37.

²⁸¹См. Щеров И.П. Гражданские войны в России. – С.186.

²⁸²См. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.37;

Каминский Бронислав Владиславович.

URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Каминский, Бронислав Владиславович

²⁸³См. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.- С.38.

²⁸⁴См. Тонька-пулеметчица.

URL: <http://www.renascencia.ru/tonka.htm>

См. Документальный фильм-расследование «Девушка-палач»

URL:<http://www.youtube.com/watch?v=uoAy4sc4wC8&feature=related>

²⁸⁵См. Щеров И.П. Гражданские войны в России. – С. 187; Жуков Д., Кофтун И. Русские эсесовцы. - М., 2010. – С.305.

²⁸⁶См. Жуков Д., Кофтун И. Русские эсесовцы. - М., 2010. – С.315; Каминский Бронислав Владиславович.

URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Каминский, Бронислав Владиславович

²⁸⁷См. Жуков Д., Кофтун И. Русские эсесовцы. - М., 2010.- С.315; Каминский Бронислав Владиславович.

URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Каминский, Бронислав Владиславович.

На этом сайте размещена фотография Каминского в униформе и немецким «железным крестом» на груди.

²⁸⁸См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.38-39; Жуков Д., Кофтун И. Русские эсесовцы. - М., 2010. –

С.318-319, 325. Кроме того, о Локотском округе см.: Дробязко С.И. Иностранцы формирования Третьего рейха /С.И. Дробязко, О.В. Романько, К.К. Семенов. - М., 2011. – С. 453-458.

²⁸⁹См. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. – С.420.

²⁹⁰О каком *отрезке времени* ведет речь А.В. Посадский, сообщая читателям тезис об отсутствии преобладания уголовных и деклассированных элементов в составе «РОНА»? Прямого ответа нет. Можно предположить, что он имеет в виду весь период существования этого подразделения.

²⁹¹См. История и становление организации защиты государственной тайны в России. Государственная измена и шпионаж.

URL:<http://www.sec4all.net/gostainaruss2.html>

²⁹²См. Жуков Д., Кофтун И. Русские эсесовцы. - М., 2010.- С.276. См. также беседу с этими историками («Теория заблуждений». Русский коллаборационизм в годы Второй мировой войны. URL:<http://www.youtube.com/watch?v=ge49RXTIiy4>

²⁹³См. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. – С.431.

²⁹⁴См. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства

и власть в 1905-1945 годах. – С.431. Правда, он оговаривается, что «Локотская республика» «вряд ли, по обстоятельствам, могла быть иной». То есть, А.В. Посадского можно понять так: если бы в Великой Отечественной войне победу одержала фашистская Германия, то «Локотская республика», в «новых обстоятельствах» перестала бы быть «военной диктатурой». Постмодернистская направленность подобных «оговорок и уточнений» очевидна.

²⁹⁵См. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941-1945. История и психология подвига /В.Т. Анисков. - М., 2003.

²⁹⁶См. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. - С. 241-290.

²⁹⁷См. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. - С.265-266.

²⁹⁸См. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. - С.282.

²⁹⁹См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.13.

³⁰⁰См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.18.

³⁰¹См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.22-23.

³⁰²См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.23.

³⁰³См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.25.

³⁰⁴См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.31-32.

³⁰⁵См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.37.

³⁰⁶См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.44.

³⁰⁷См. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы.- С.18.

³⁰⁸См. например, Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема /Б. Кагарлицкий.- М., 2004.- С.7.

³⁰⁹См. Историография истории СССР /Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева.- М., 1971.- С.7.

³¹⁰См. Историография истории СССР /Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева.- М., 1971.- С.70.

³¹¹Герасименко Г.А. отмечал, что борьба М.И. Ломоносова с норманнской теорией и ее адептами привела его к выводу о том, что история - наука политическая. В этой борьбе ученый сознательно придерживался «национально-патриотического направления» в изучении российской истории (См. Герасименко Г.А. История российской исторической науки (дооктябрьский период).- С.50-51).

³¹²См. Историография истории СССР /Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. - С.121.

³¹³См. Историография истории СССР /Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева.- М., 1971 - С.145.

³¹⁴См. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования.- С.455.

³¹⁵См. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»): Док. и мат. - Тамбов, 1994.- С.6,10.

³¹⁶См. Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. /А. Литвин.- М., 2004.- С. 41.- Прим. 28. А.Л. Литвин – доктор исторических наук.

³¹⁷См. Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. /А. Литвин.- М., 2004.- С. 41.- Прим. 28.

³¹⁸См. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»).- С.6,10.

³¹⁹См.Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг.- С.155.

³²⁰См. Ионов И.Н. Российская цивилизация. IX - нач. XX вв./И.Н. Ионов.- М., 1995. - С.313.

³²¹См.Хоскинг Дж. Россия и русские: В 2 кн.; Пер. с англ./Дж. Хоскинг. – М., 2003.- Кн.2. - С.76.

³²²См. Керенский А.Ф. Русская революция. 1917 /А.Ф. Керенский. – М., 2005. - С.7.

³²³Здесь мы не касаемся роли современного российского государства в создании *школьных учебников* по отечественной истории.

³²⁴См. Советская историография /Под ред. Ю.Н. Афанасьева. –М., 1996. Ю.Н. Афанасьев – доктор исторических наук

³²⁵Репина Л.П. История исторического знания /Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова.- М., 2004.

³²⁶См. Советская историография. - С.9.

Стремление обозначить свое место в политической борьбе, происходящей в среде российских ученых, заставляет некоторых историков политизировать даже понятие «истина».

Так, Ю.В. Лукиянов пишет: «...мы определяем свою позицию как плюралистическую, общегуманистическую и демократическую. *Только так можно приблизиться к истине*, тем более что многие итальянские антиковеды были не просто учеными-гуманитариями, а и гуманистами в наш беспокойный век» (См. Лукиянов Ю.В. Идейные основания итальянской историографии античности (конец XIX-первая половина XX вв.) /Ю.В. Лукиянов. – Уфа, 2007. - С.15).

³²⁷См. Репина Л.П. История исторического знания.- С.221.

³²⁸См. Репина Л.П. История исторического знания.- С.222.

³²⁹См. Балашов Б.А. Историография отечественной истории (1917-начало 90-х гг.).- С.30-31.

³³⁰См. Балашов Б.А. Историография отечественной истории (1917-начало 90-х гг.). - С.40.

³³¹См.Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып.II. Становление «новой исторической науки».- С.111-112.

³³²Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. – С. 8-9.

³³³Гутнова Е.В. Историография истории средних веков /Е.В. Гутнова. – М., 1985.- С. 7. Е.В. Гутнова – доктор исторических наук.

Конечно, речь не идет о том, чтобы отстаивать тезис о наличии в советское время свободы мысли. Однако было бы не исторично не видеть особенностей того или иного периода советской истории, когда степень давления на исследователей была разной (от репрессий – до «оттепели» и «перестроечных» свобод).

³³⁴Б.Г.Могильницкий пишет о том, что марксизм, в конце концов, был включен «в общее русло развития исторической мысли»... «На смену игнорированию или уничтожающей критике учения Маркса стало приходить понимание того, что оно является органической частью западного исторического мышления, всей западной культуры» (См. Могильницкий Б.Г. История исторической

мысли XX века: Курс лекций. Вып. II. Становление «новой исторической науки».- С.149).

³³⁵См. Репина Л.П. История исторического знания.- С.238.

³³⁶См. Историография истории СССР.- С.100. В.В. Крестинин удостоился «ежегодного пенсионера» за труды по краеведению (См. Герасименко Г.А. История российской исторической науки (до-октябрьский период) /Г.А. Герасименко.- Оренбург, 2002.- С.60).

³³⁷См. Историография истории СССР.- С.250.

³³⁸См. Историография истории СССР. - С.267.

³³⁹См. Историография истории СССР. - С.393.

³⁴⁰См. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России /В.П. Макарихин.- Н. Новгород, 1991.- С.9.

³⁴¹См. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России /В.П. Макарихин.- Н. Новгород, 1991. - С.10.

³⁴²См.Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России /В.Н. Самошенко. – М., 1989.- С.167-170.

³⁴³См.Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. - С.13; Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России.- С.162-165.

³⁴⁴См.Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России.- С.17.

³⁴⁵См. Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения /С.О. Шмидт // Отечество: Краеведческий альманах. - М., 1990. -Т. 1.

³⁴⁶См. Афанасьев В.Г. Местные исторические хроники: что делать? /В.Г. Афанасьев, Н.П. Стародворцева //Российский исторический журнал.- 1998. -№2.

³⁴⁷Подробнее о локальном постмодернизме см. нашу монографию «История Балашовского края: проблемы методологии и историографии» (Саратов, 2014. С.223-269).

Некоммерческое электронное издательство

«Российская историография»

www.klio.3dn.ru

Электронный ресурс.

Формат 60 x 84, 1/16, 12 п.л.

Дата размещения в Интернете: 17.11.2014

URL: <http://klio.3dn.ru/publ/9-1-0-181>